

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

2022 Том 27 № 2

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ЗА РУБЕЖОМ

Редактор Дж. Меррилл

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Маркова Е.А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького, ассистент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: glazkova1992@gmail.com

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакommunikаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЖТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массовой коммуникации, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакommunikаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» — периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала — познакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *И.Л. Панкратова*

Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 21.06.2022. Выход в свет 30.06.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,13. Тираж 500 экз. Заказ № 434. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2022 VOLUME 27 NUMBER 2

THE RECEPTION OF SILVER AGE RUSSIAN LITERATURE ABROAD

Editor *Jason Merrill*

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina A. Markova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: glazkova1992@gmail.com

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, Leading Research Fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Nataliya Panasenکو, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication of the Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties of the HAC nomenclature: 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, 5.9.2. Literature of the Peoples of the World, 5.9.3. Literary Theory, 5.9.4. Folkloristics, 5.9.9. Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: litj@rudn.ru

Copy Editor *I.L. Pankratova*
Layout Designer *N.V. Markelova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Меррилл Дж.</i> Рецепция литературы русского Серебряного века в культурах Европы и США	231
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Рецепция русской литературы Серебряного века за рубежом

<i>Кузнецова Е.В.</i> Поэзия русского модернизма в зеркале англоязычных антологий XX века	237
<i>Меррилл Дж.</i> Федор Сологуб в англоязычных антологиях: 1915–1950 гг. ...	257
<i>Смит М.-Ш., Юшкова Е.В.</i> Джон Курнос — переводчик Федора Сологуба на английский язык: роль Зинаиды Венгеровой во взаимоотношениях двух литераторов	286
<i>Маркова Е.А.</i> Английская и американская рецепция «Красного смеха» Л. Андреева	299
<i>Якубовская К.А.</i> Французские переводы и прижизненные публикации Николая Гумилева: разговор с французским читателем. Часть первая	323
<i>Савина А.Д.</i> «Ведь они про нас аза не знают...»: русская литература во французской периодике начала XX в. Обзоры Валерия Брюсова, Зинаиды Гиппиус, Якова Поголоцкого	345
<i>Ма Мэнцю.</i> М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае	359

ЖУРНАЛИСТИКА

История и теория СМИ

<i>Сальникова А.Н.</i> Лафкадио Хирн: между литературой и журналистикой ..	371
<i>Тихонова О.В.</i> Патриарх отечественного радиовещания: к 100-летию профессора В.Н. Ружникова	380

Медиаобразование

<i>Гаврилов В.В.</i> К вопросу оценки креативной компетенции студентов-журналистов	388
--	-----

Новые медиа

<i>Поляков М.Л.</i> Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ ..	399
<i>Самарцев О.Р., Латенкова В.М., Слепцов Н.А.</i> Структурные и семиотические особенности виртуального нарратива в иммерсивных проектах РИА.Lab	414

<i>Prachi D., Singh Ch.P., Volkova I.I.</i> Verbal Claim vs. Actual Usage of Social Media: A Case Study of Indians Aged 50 Years and Above (Устное заявление против фактического использования социальных сетей индийцами старше 50 лет)	425
--	-----

Реклама и связи с общественностью

<i>Patel K., Binjola H.</i> America's Union Carbide Corporation and Bhopal Disaster: Study in the Light of Public Relations Before and After the Incidence (Американская корпорация Union Carbide и катастрофа в Бхопале: PR до и после инцидента)	436
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

<i>Соколов Б.В.</i> Рецензия на книгу: Голубков М.М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021. 344 с.	447
--	-----

CONTENTS

<i>Merrill J.</i> The Reception of Russian Silver Age Literature in Europe and the United States.....	231
---	-----

LITERARY STUDIES

The Reception of Silver Age Russian Literature Abroad

<i>Kuznetsova E.V.</i> Russian Modernist Poetry in English-Language Anthologies of the Twentieth Century	237
<i>Merrill J.</i> Fedor Sologub in English-Language Anthologies: 1915–1950.....	257
<i>Smith M.S., Yushkova E.V.</i> John Cournos — Fedor Sologub’s Translator into English and the Role Played by Zinaida Vengerova	286
<i>Markova E.A.</i> British and American Reception of <i>The Red Laugh</i> by Leonid Andreev	299
<i>Yakubovskaya K.A.</i> French Translations and Lifetime Publications of Nikolai Goumiev: A Dialogue with the French Reader. Part One	323
<i>Savina A.D.</i> “After All, They Don’t Know Anything About Us...”: Russian Literature in French Periodicals of the Early 20th Century. Reviews by Valery Bryusov, Zinaida Gippius, Yakov Povolotsky	345
<i>Ma Mengqiu.</i> Bakhtin as a Bearer of the Russian Tradition: On the Current Status of the Reception of Bakhtin’s Thought in China.....	359

JOURNALISM

History and Theory of Media

<i>Salnikova A.N.</i> Lafcadio Hearn: Between Literature and Journalism.....	371
<i>Tikhonova O.V.</i> Patriarch of National Radio Broadcasting: To the 100th Anniversary of Professor V.N. Ruzhnikov	380

Media Education

<i>Gavrilov V.V.</i> Revising the Assessment of Creative Competence of Journalism Students.....	388
---	-----

New Media

<i>Polyakov M.L.</i> Basic Approaches to the Typology of Digital Media Platforms.....	399
---	-----

<i>Samartsev O.R., Latenkova V.M., Sleptsov N.A.</i> Structural and Semiotic Features of the Virtual Narrative in Immersive RIA.Lab Projects.....	414
<i>Prachi D., Singh Ch.P., Volkova I.I.</i> Verbal Claim vs. Actual Usage of Social Media: A Case Study of Indians Aged 50 Years and Above.....	425

Advertising and Public Relations

<i>Patel K., Binjola H.</i> America's Union Carbide Corporation and Bhopal Disaster: Study in the Light of Public Relations Before and After the Incidence	436
--	-----

REVIEWS

<i>Sokolov B.V.</i> Book Review: Golubkov, M.M. (2021). What's the Sense of the Russian Literature? From the Notes of the University Philologist. Moscow: Prometheus. 344 p. (In Russ.).....	447
--	-----

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-231-236

УДК 821.161.1

Редакционная статья / Editorial article

Рецепция литературы русского Серебряного века в культурах Европы и США

Джейсон Меррилл

*Мичиганский государственный университет,
США, Мичиган, 48864, Ист Лэнсинг, 619 Рэд Сидар Роуд*

✉ merril25@msu.edu

The Reception of Russian Silver Age Literature in Europe and the United States

Jason Merrill

*Michigan State University,
619 Red Cedar Rd., East Lansing, Michigan 48864, USA*

✉ merril25@msu.edu

Серебряный век был эпохой беспрецедентного культурного обмена между Россией и Западом. Это взаимодействие особенно заметно в литературе. Например, хорошо известно и изучено формообразующее влияние французской и немецкой литературы и мысли на русское декадентство и символизм. Важные деятели Серебряного века, такие как Константин Бальмонт, Николай Минский, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, проводили значительное количество времени в Западной Европе. Многие из писателей этой эпохи были также плодовитыми переводчиками, благодаря которым в России появилась модернистская западная литература; например, Александр Блок переводил Кнута Гамсуна, Валерий Брюсов переводил произведения Мориса Метерлинка и Оскара Уайльда. Брюсов, так же как и Федор Сологуб, издавал известные переводы стихов Поля Верлена. Многие из этих работ выходят до сих пор, например перевод Анастасии Чеботаревской романа Ги де Мопассана «Милый друг», часто с оригинальным послесловием ее мужа Сологуба. Популярные альманахи и журналы, такие как «Шиповник» и «Русская мысль», публиковали переводы наряду с ориги-

нальными русскими литературными произведениями. Первые полгода своего существования символистский журнал «Золотое руно» издавался в параллельном русско-французском формате. После 1917 года многие писатели, эмигрировавшие в Европу, пытались сохранить модернистскую культуру, еще больше углубляя свои связи с Западом.

Читатели на Западе обращались к книгам, чтобы понять Россию. Эпоха модернизма ознаменовалась всплеском таких книг, как «Русский народ» (Морис Бэринг, 1911), «Россия и мир» (Стивен Грэм, 1915), «Дружелюбная Россия» (Денис Гарстин, 1915), «Интерпретация русского народа» (Лео Винер, 1916) и «Душа русского» (Марджори и Алан Летбридж, 1916). В то время западные читатели с энтузиазмом читали русскую литературу, часто потому, что воспринимали ее как отражение реальной жизни в России. Обеспокоенный таким отношением к литературе Федор Сологуб написал специальное предисловие к английскому переводу «Мелкого беса» (1916), в котором он предостерегал читателей от того, чтобы видеть в романе «только русские черты», и вместо этого просил интерпретировать его как выражение «общечеловеческой склонности ко злу».

В статьях данного специального номера исследуются аспекты одной небольшой части этого литературного взаимодействия — восприятия русской литературы Серебряного века в Европе и Соединенных Штатах. До 1900 года мало кто на Западе, кроме эмигрантов, мог читать русские произведения в оригинале. В то время в Соединенных Штатах лишь несколько университетов вели обучение русскому языку (напр. Бостонский университет, Гарвардский университет, Колумбийский университет, Чикагский университет и Техасский университет в Остине). В 1907 году Бернард Парес основал в Англии Школу русистики Ливерпульского университета. С самого начала в учебниках для студентов, изучающих русский язык, использовались тексты из русской литературы. Например, «Русская хрестоматия» Поля Буайе и Николаса Сперанского, вышедшая в 1906 году одновременно в Париже, Лондоне и Чикаго, состоит из аннотированных коротких произведений Льва Толстого. В «Русской грамматике» Невилла Форбса (1914) используется аналогичный подход с текстами крупных русских авторов XIX века. Аннотированная литературная хрестоматия для студентов, изучающих русский язык, остается популярным жанром и сегодня.

Переводчики играли ключевую роль в донесении русского Серебряного века до западной аудитории. Именно они определяли, какие произведения станут доступны для иностранной аудитории и становились голосом их авторов на втором языке. Например, начиная с 1890-х годов такие переводчики, как Александр Браунер и Иоганнес фон Гюнтер, представили произведения русских символистов немецкоязычной аудитории. Несколько статей в этом выпуске касаются переводчиков и перевода. М.-Ш. Смит и Е.В. Юшкова исследуют роль Зинаиды Венгеровой в кратковременных, но плодотворных отношениях между Федором Сологубом и его «официальным» английским переводчиком Джоном Курносом. К.А. Якубовская исследует

дует усилия Николая Гумилева, который стремился добиться более заметного присутствия в литературных кругах Франции посредством самостоятельного перевода нескольких своих стихов на французский язык. Как показывает А.Д. Савина, Гумилев был не единственным писателем Серебряного века, который напрямую общался с французской аудиторией; Валерий Брюсов, Зинаида Гиппиус и Яков Поволоцкий писали статьи на французском языке и публиковали их во Франции специально для франкоязычной публики, стремясь донести до этой ключевой иностранной аудитории свою личную интерпретацию состояния русской литературы.

Переводчики часто участвовали в составлении литературных антологий — жанре, сыгравшем ключевую роль в представлении русских авторов западному читателю. Их выбор произведений и описания авторов во введениях и биографических примечаниях могли сильно повлиять на реакцию общественности, поскольку у публики было мало или совсем не было других источников, к которым можно было бы обратиться. Дж. Меррилл изучает случай одного конкретного автора, Федора Сологуба, и показывает, как до 1950 года в таких антологиях Сологуб по-разному представлялся англоязычной аудитории и что в них подборка его стихов не всегда поддерживала предложенную составителями интерпретацию. Е.В. Кузнецова исследует некоторые самые известные англоязычные антологии русской поэзии (и их переводчиков) и приходит к выводу, что благодаря существованию данных антологий англоязычная аудитория, вероятно, была лучше знакома с поэзией русского модернизма, чем их современники в СССР.

Изучение рецепции литературных произведений может рассказать о двух культурах одновременно: той, где родилось произведение, и той, которая видит его в своем собственном культурном контексте. Рецепция иной культурой может открыть новые области для интерпретации любого литературного произведения. Е.А. Маркова исследует случай «Красного смеха» Леонида Андреева и показывает, как одни интерпретации были связаны с российским контекстом, а другие были уникальны для Великобритании и США. М. Ма делает обзор интерпретаций произведений Бахтина на Западе и в России, а затем демонстрирует, как концепция соборности легко вписывается в китайскую традицию, которой присуще коллективистское мышление.

Статьи в этом специальном выпуске освещают лишь избранные вопросы, связанные с рецепцией русской литературы Серебряного века за пределами России. Будущие направления исследований могут касаться приема литературы Серебряного века в других странах, таких как Дания, Швеция и Бельгия, а также других важных антологий и переводчиков, редакторов и организаций, которые продвигали русскую культуру за рубежом. Полностью изучить международный характер русского Серебряного века — непросто, но исследования, включенные в этот номер, приближают ученых еще на один шаг к этой цели.

ENG

The Silver Age was an era of unprecedented cultural exchange between Russia and the West. This interaction was very apparent in literature. For example, the formative influence of French and German literature and thought on Russian Decadence and Symbolism is well known. Important Silver Age figures such as Konstantin Balmont, Nikolai Minsky, Zinaida Gippius, and Dmitry Merezhkovsky spent significant amounts of time in Western Europe. Many of this era's writers were also prolific translators who actively brought modernist Western literature to Russia; for example, Alexander Blok translated Knut Hamsun, Valerii Briusov translated works by Maurice Maeterlinck and Oscar Wilde, and he and Fedor Sologub both published famous translations of Paul Verlaine's poems. Many of these works are still published today, for example Anastasiia Chebotarevskaya's translation of Guy de Maupassant's novel *Bel-Ami* (Милый друг), often with the original afterword by her husband Sologub. Popular almanacs and journals such as *Shipovnik* and *Russkaya mysl'* published translations and original Russian literary works side by side. For the first six months of its existence, the Symbolist journal *Zolotoe runo* was published in a parallel Russian / French format. After 1917, many of the writers who emigrated to Europe attempted to maintain modernist culture while further deepening their ties with the West.

Readers in the West turned to books to understand Russia. The modernist era witnessed a burst of titles such as *The Russian People* (Maurice Baring, 1911), *Russia and the World* (Stephen Graham, 1915), *Friendly Russia* (Denis Garstin, 1915), *An Interpretation of the Russian People* (Leo Wiener, 1916), and *The Soul of the Russian* (Marjorie and Alan Lethbridge, 1916). During this era, Western readers voraciously consumed Russian literature, often because they saw it as a reflection of real life in Russia. Worried by this attitude, Fedor Sologub wrote a special introduction to the English translation of *The Little Demon* (1916) in which he warned readers against seeing “only Russian traits” in the novel and instead asked them to interpret it as an expression of the “all-human inclination toward evil.”

The articles in this thematic issue explore aspects of one small part of this literary interaction, the reception of Russian Silver Age literature in Europe and the United States. Before 1900, few people in the West other than emigres could read Russian works in the original. At this time in the United States, a handful of universities were offering Russian language instruction, including Boston University, Harvard University, Columbia University, Chicago University, and the University of Texas at Austin. In England, Bernard Pares founded the University of Liverpool's School of Russian Studies in 1907. From the beginning, language textbooks for students studying the language took their examples from Russian literature. For example, *Russian Reader* by Paul Boyer and Nicolas

Speranski, which in 1906 appeared simultaneously in Paris, London, and Chicago, consists of annotated short works by Lev Tolstoy. Nevill Forbes' *Russian Grammar* (1914) takes a similar approach, with texts from major nineteenth-century Russian authors. The annotated literary reader for language students remains a popular genre today.

Translators played a vital role in bringing the Russian Silver Age to Western audiences. They determined which works became accessible to foreign audiences and also became the voice of their authors in the second language. Beginning in the 1890s, for example, translators such as Alexander Brauner and Johannes von Guenther brought the works of the Russian Symbolists to German-speaking audiences. Several of the articles in this issue touch upon translators and translation. M. Smith and E. Yushkova explore the role played by Zinaida Vengerova in the short but fruitful relationship between Fedor Sologub and his "official" English translator, John Cournos. K. Yakubovskaya examines Nikolai Gumilev's efforts to gain a more visible presence in France through the self-translation of several of his poems into French. As A. Savina shows, Gumilev was not the only Silver Age writer to interact directly with French audiences; Valerii Briusov, Zinaida Gippius, and Yakov Povolotsky wrote articles in French and published them in France specifically for French-speaking audiences in an effort to advance their personal interpretations of the state of Russian literature to this key foreign audience.

Translators often participated in the compiling of literary anthologies, a genre that played a key role in the presentation of Russia authors to western audiences. Their selection of works and descriptions of authors in introductions and biographical notes could highly influence public reaction, as the public had few, if any, other sources to consult. J. Merrill studies the case of one particular author, Fedor Sologub, and shows how, before 1950, in literary anthologies Sologub was presented to English-speaking audiences in a variety of ways, and that in them the selection of his poems did not always support the interpretation advanced. E. Kuznetsova examines several of the most famous English-language anthologies of Russian poetry (and their translators) and concludes that thanks to these books, English-speaking audiences likely were better acquainted with the poetry of Russian modernism than their contemporaries in the USSR.

The study of the reception of literary works can teach about two cultures at once, the one that produced the work and the one that sees it within its own cultural context. Reception by a different culture can open new areas for interpretation of any literary work. E. Markova examines the case of Leonid Andreev's *The Red Laugh* and shows how some interpretations were connected with the Russian context, while others were unique to Great Britain and the United States. M. Ma reviews interpretations of the works of Bakhtin in the West and Russia and then demonstrates how the concept of sobornost' easily fits into the Chinese tradition, which has a strong tradition of collectivist thought.

The articles in this special issue only cover selected questions related to the reception of Silver Age Russian literature outside Russia. Future directions for

study could include the reception of Silver Age literature in other countries such as Denmark, Sweden, and Belgium, as well as other important anthologies and translators, editors, and organizations that advanced Russian culture abroad. Fully capturing the international nature of the Russian Silver Age would be a difficult task, but the research included in this issue moves scholars one step closer toward that goal.

Сведения об авторе:

Меррилл Джейсон, Ph. D., профессор русского языка, Мичиганский государственный университет. ORCID ID: 0000-0003-0753-813X; e-mail: merril25@msu.edu

Bio note:

Jason Merrill, Ph.D., Professor of Russian at Michigan State University. ORCID ID: 0000-0003-0753-813X; e-mail: merril25@msu.edu

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ЗА РУБЕЖОМ

LITERARY STUDIES
THE RECEPTION OF SILVER AGE RUSSIAN
LITERATURE ABROAD

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-237-256

УДК 821.161.1-2

Научная статья / Research article

**Поэзия русского модернизма в зеркале
англоязычных антологий XX века**

Е.В. Кузнецова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а*

✉ katkuz1@mail.ru

Аннотация. Поэзия модернизма — интенсивный этап развития русской лирики, перекинувший мост от классической поэзии XIX в. к поэтическому творчеству XX столетия. Отражение русской модернистской лирики в составе англоязычных антологий еще не становилось предметом анализа и является целью данной статьи. Рассмотрено девять независимых издательских проектов, не считая переизданий и расширенных версий, которые по-разному фиксируют поэтический опыт модернистов: меняется состав имен и иерархическое положение авторов, переосмыляется само понятие “modern Russian poetry” и его временные границы. Данная выборка, конечно, не претендует на исчерпанность, но позволяет сделать определенные выводы о том, как происходило знакомство с поэзией русского модернизма в англоязычных странах. Интерес к ней особенно усиливался в связи с определенными историческими событиями: революция 1917 г. и последовавшая за ней первая волна эмиграции, Вторая мировая война и ведущая роль СССР в победе над фашизмом, 1960-е гг. и «третья волна» эмиграции. В эти периоды было выпущено больше всего антологий. Биографии составителей позволяют сделать вывод, что англоязычного читателя с русской лирикой знакомили либо фило-

логи-эмигранты, связанные с России по рождению и усвоившие русский язык как родной (А. Ярмолинский, Д. Святополк-Мирский, Д. Оболенский, В. Марков), или английские и американские энтузиасты-руссофилы, полюбившие русский язык и литературу во время путешествий по нашей необъятной стране (М. Бэринг, Дж. Шелли, Ч.Ф. Коксвелл, М.С. Баура). Их усилия привели к тому, что англоязычный читатель был знаком с поэзией русского модернизма даже лучше, чем русскоязычный, особенно это касается лирики запрещенных или на долгое время преданных забвению авторов.

Ключевые слова: антология, поэзия русского модернизма, издательские стратегии

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 5 февраля 2022 г.; откорректирована — 20 февраля 2022 г.; принята к публикации — 24 февраля 2022 г.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Поэзия русского модернизма в зеркале англоязычных антологий XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 237–256. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-237-256>

Russian Modernist Poetry in English-Language Anthologies of the Twentieth Century

E.V. Kuznetsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaja St, Moscow, 121069, Russian Federation*

✉ katkuz1@mail.ru

Abstract. Modernist poetry is an intense stage in the development of Russian poetry, which builds a bridge between the poetry of the XIX century and that of the XX century. Russian modernist poetry in English-language anthologies has not yet become the subject of analysis. This article is one of the first attempts to narrow the gap. It reviews nine independent publishing projects, which record the poetic experience of modernists in a variety of ways. Almost each of them gives its own list of authors and their hierarchy, and the very concept of “modern Russian poetry” is understood differently in each instance. This selection is not intended to be exhaustive, but it allows us to draw certain conclusions on how the poetry of Russian modernism was introduced to English-speaking countries. Interest in Russian modernist poetry intensified in connection with certain historic events: the Russian Revolution and the first wave of emigration that followed it; World War II and the leading role of the USSR in the victory over fascism; and the 1960s and the “third wave” of emigration. Most of the reviewed anthologies were published during one of these periods. The biographies of the compilers and editors of these anthologies show that the English-speaking reader was introduced to Russian poetry either by emigrant scholars who were born and raised in Russia and who were native speakers of Russian (A. Yarmolinsky, D. Svyatopolk-Mirsky, D. Obolensky, V. Markov), or English and American Russophile enthusiasts who fell in love with the Russian language and literature while traveling around the country (M. Baring, J. Shelley, C.F. Coxwell, M.S. Bowra). Their efforts were so fruitful that they not only opened the world of Russian modernist poetry to English-speaking readers but also made

them better acquainted with it than the Russian-speaking audiences, especially given that a lot of poets of the Modernist era were banned in Russia or consigned to oblivion.

Keywords: anthology, poetry of Russian modernism, publishing strategies

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: February 5, 2022; revised: February 20, 2022; accepted: February 24, 2022.

For citation: Kuznetsova, E.V. (2022). Russian modernist poetry in English-language anthologies of the twentieth century. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 237–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-237-256>

Введение

Появление антологии прозы или поэзии — всегда определенный итог развития и осмысления очередного литературного периода. Безусловно, таким целостным этапом являлась поэзия русского модернизма. Но по ряду исторических причин зарубежные антологии русской лирики рубежа XIX–XX вв. появились даже раньше, чем отечественные. Пока в России шло становление новой поэзии отдельные подборки произведений помимо периодических изданий и авторских книг печатались в различных коллективных сборниках или альманахах, но это были преимущественно собрания творческих опытов членов одного кружка или направления: символистов, акмеистов, футуристов. Очень редко в такие издания попадали авторы, тяготеющие к разным течениям внутри русского модернизма или держащиеся вне групп. Помимо этого, кроме поэзии подобные собрания зачастую включали прозу, критические статьи, гравюры, графику. Предшественниками антологии поэзии русского модернизма можно считать некоторые коллективные авторитетные издания, выходившие более-менее регулярно: литературный альманах «Северные цветы» (1901–1904) при издательстве «Скорпион», альманахи при издательствах «Гриф» (1903–1904) и «Шиповник» (1907–1917), альманах журнала «Аполлон», вышедший внутри последнего номера журнала за 1911 г. и представивший творческие опыты постсимволистов, сборники футуристов «Садок судей I, II» (1910, 1913).

Однако альманахи и сборники все же не подводили итог (даже промежуточный), а давали литературный срез за год-два, это был скорее обзор новинок, а не отбор лучшего за несколько десятилетий. Ближе всего к антологии литературы русского модернизма в дореволюционный период подошел «альманах альманахов» издательства «Гриф», напечатанный в 1914 году лучшие произведения всех своих авторов, публиковавшихся на протяжении десяти лет. Издать более-менее целостную антологию русской модернистской лирики планировал В. Брюсов на рубеже 1910-х годов, но так и не воплотил этот проект. Возможно, причина была в кризисе символизма и бурном развитии новых течений. В условиях тесного личного взаимодействия участников литературного процесса остро стояли вопросы: кого же включать в антологию, в каком количестве отбирать тексты, как ранжировать авторов?

В 1911 году издательство «Мусагет» выпустило сборник современной поэзии (временной охват составил около пяти лет, хотя ранее не публиковавшихся текстов было подавляющее количество), с многообещающим названием «Антология» (Антология, 1911). Но полноценной антологией поэзии русского модернизма назвать это издание нельзя, так как отбор авторов не соответствовал реальной картине литературной жизни. Н. Гумилев в рецензии охарактеризовал это издание следующим образом: «Из тридцати имен, находящихся в этом альманахе стихов, половина неизвестных. И в то же время нет ни Бальмонта, ни Брюсова, ни Сологуба, ни Гиппиус, не говоря о многих, уже зарекомендовавших себя „молодых“. Поэтому несправедливо по этой книге делать какие-нибудь общие выводы о судьбах русской поэзии. Здесь редактор не пожелал быть режиссером: выделить умелым распределением материала общее из частного, обдуманном выбором имен оттенить какое-нибудь одно направление, он был только цензором грамотности и хорошего вкуса. Эту скромную задачу он выполнил хорошо» (Гумилев, 1990, с. 126). Отметим, что Гумилев прекрасно понимал задачи составителя антологии — он должен быть «режиссером», улавливающим новые, но уже утвердившиеся веяния и тенденции, отбирающим оригинальные, не банальные произведения, но претендующие и на вневременную ценность, а также фиксировать общепризнанные значимые литературные явления вне зависимости от своего личного вкуса. К сожалению, с этими задачами «Антология» 1911 года не справилась и стала скорее очередным сборником «новом поэзии».

А в 1917 году разразилась революция и стало не до масштабных литературных проектов. После установления власти большевиков многие поэты начала XX века были вычеркнуты из истории литературы, лирика Серебряного века быстро перестала отвечать новым требованиям к советской поэзии и речь о составлении антологии уже не шла.

Таким образом, можно констатировать, что в России антологии поэзии русского модернизма начали создаваться не так давно, в конце XX века. Замечательным примером подобного жанра является издание «Русская поэзия Серебряного века, 1890–1917: Антология», выпущенное в 1993 году (Русская поэзия Серебряного века, 1993). Это намного позже, чем первые антологии поэзии русского модернизма, появившиеся в странах Западной Европы в 1917–1918 годах¹. Иностранцам издателям не на что было опереться в отборе репрезентативных текстов: у них не было авторитетного русскоязычного издания, которое можно было бы просто качественно перевести. Создание англоязычной антологии русской поэзии рубежа XIX–XX веков требовало от издателя (переводчика) не только знания языка, но и хорошего понимания

¹ Традиция издания англоязычных антологий русской поэзии берет свое начало в 1822 году в момент выхода антологии английского политика, лингвиста, путешественника и писателя Джона Боуринга (*John Bowring*, 1792–1872) *Specimens of the Russian Poets* (Boston, Hilliard and Metcalf Printers, 1822). См. подробнее об этой первой антологии в статье М.В. Цветковой и А.С. Волгиной (Цветкова, Волгина, 2009).

литературного процесса в нашей стране, представления о ключевых именах и репутациях, а также литературного вкуса, чтобы даже у хороших авторов отобрать самые сильные тексты. «Ведь антология — особый вид издания, в котором необходимо в минимальное количество страниц, отведенных одному поэту, вложить максимум информации об идейно-эстетическом и жанрово-стилистическом своеобразии его творчества» (Тихомирова, 2014, с. 177).

Англоязычные антологии поэзии русского модернизма еще не становились, насколько нам известно, предметом специального обзора. Тем не менее материал для анализа это довольно любопытный. Биографии составителей-переводчиков, годы выпуска антологий и их общее количество могут свидетельствовать об уровне интереса к русской культуре и поэзии, а также о путях ее взаимодействия с англоязычной словесностью. В 2014 году вышла статья Ю.А. Тихомировой «Русская классическая поэзия в английских антологиях: стратегии репрезентации» (Тихомирова, 2014), посвященная анализу того, как представлена в англоязычных странах русская лирика начала и середины XIX века. Нас же будет интересовать, насколько значимым явлением представлялась на Западе поэзия русского Серебряного века, осмыслялась ли она как самостоятельный этап и с какого момента пришло это понимание, какие авторы представлялись наиболее репрезентативными, насколько их отбор отличается от принятого сейчас в российской академической науке канонического перечня имен первой величины и т.д.

В данном обзоре мы не можем охватить все выпущенные антологии, поэтому сосредоточимся на самых интересных и тех, в которых поэзия русского модернизма представлена наиболее полно. Целью нашего исследования является рассмотрение издательских практик, принципов и подходов, а не оценка качества самих переводов.

Англоязычные антологии русской поэзии в XX веке

Одной из первых значимых англоязычных антологий, содержащей достаточно репрезентативный перечень авторов русской модернистской поэзии, можно считать издание 1917 года, подготовленное Полом Сельвером (*Paul Selver*, 1888–1970), «Современная русская поэзия: тексты и переводы» (*Modern Russian Poetry: Texts and Translations*). Сельвер был английским писателем и переводчиком с русского и других славянских языков, задумавшим издать целый свод современной славянской поэзии (русской, сербской, чешской, польской). Издание предварялось вступительным словом переводчика, который скромно уведомлял читателя, что представленная книга не претендует на исчерпывающий характер, что «это всего лишь наброски, которые будут заполнены позже, если позволят обстоятельства» (*Modern Russian poetry: texts and translations*, 1917, p. V)². Далее в основных чертах составитель дает представление о положении дел в современной русской поэзии

² Перевод с английского здесь и далее по тексту статьи наш. — Е.К.

(“modern Russian poetry”), под которой он понимает лирику последних тридцати лет. О своем методе перевода автор говорит следующее: «В основном переводчик счел своим долгом создать переводы, которые сами по себе являются достаточно хорошими английскими стихами. В то же время была предпринята попытка передать смысл оригиналов настолько точно, насколько позволяют ограничения рифмы и ритма. Характер оригинального метра был сохранен почти в каждом случае. В русском тексте указано естественное тоническое ударение» (Modern Russian poetry: texts and translations, 1917, p. VI). Таким образом, антология Сельвера — это двуязычное издание, стремящееся передать оригинал, но не в ущерб художественному вкусу. В том же предисловии автор выразил благодарность русскому корректору Александру Бахши, который, очевидно, выступил и в качестве литературного редактора, внес ряд поправок и критических замечаний, которые были учтены.

Знаменательно, что в антологии Сельвера представлены преимущественно поэты-символисты (К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус, Н. Минский, Ф. Сологуб, Вл. Соловьев), хотя в предисловии автор описывает основные вехи развития русской поэзии от А. Пушкина и М. Лермонтова, упоминая Ф. Тютчева, Н. Некрасова и С. Надсона. Из несимволистов в антологию попадают И. Бунин и М. Лохвицкая. Присутствие стихов последней объясняется желанием показать характерную русскую женскую лирику: страстную и экспрессивную. Очевидно, что именно символисты были для автора олицетворением современной русской поэзии (уже заявившие о себе акмеисты и футуристы в антологию не были включены). Авторы ранжированы по значимости (по количеству текстов переведенных произведений), при этом место первого поэта русского символизма занимает К. Бальмонт, за которым следуют В. Брюсов и Ф. Сологуб. А вот А. Блок, самый популярный на тот момент поэт в России, в антологии Сельвера представлен лишь двумя стихотворениями, и в предисловии ему почти не уделено внимания. Бальмонт же удостоивается высших похвал: «Как поэт, критик и переводчик он проявил замечательную энергию и разносторонность. Ведущим качеством его стихов является их спонтанная и страстная природа. Стихотворение следует за стихотворением, том следует за томом, в регулярном потоке неослабевающей гармонии. <...> Из великих европейских лирических поэтов современности Бальмонт сродни Суинберну, Драхману, д’Аннунцио и Врхлицкому. Его влияние изменило весь облик русской поэзии за последнее поколение» (Modern Russian poetry: texts and translations, 1917, p. XII).

Кратко охарактеризовав стиль Н. Минского, Ф. Сологуба и Д. Мережковского — круг поэтов «Северного вестника», Сельвер отмечает «Весы» Брюсова как пример символистского поэтического журнала и дает достаточно многочисленные ссылки на критические работы «профессора Венгерова» (“professor Vengerov”), видимо, на подготовленную им историю русской литературы в трех томах, которая и стала для него основным источником информации о русской литературе эпохи модернизма (Русская литература, 1914–1918). Из несимволистов отдельной характеристики удостоивает-

ся И. Бунин, как мастер лирического пейзажа, и переводчик «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, а в завершение своего обзора переводчик упоминает А. Белого, М. Кузмина, М. Волошина, И. Анненского, Д. Балтрушайтиса, А. Толстого, И. Северянина и С. Городецкого как представителей молодого поколения авторов, отчасти отрицающих новаторство и достижения Бальмонта и Брюсова. Однако судить их творчество время еще не пришло, поэтому переводы их произведений в антологию включены не были.

В целом издание Сельвера можно оценить как весьма прогрессивное для своего времени: он смело отсекает поэзию XIX в., не стремился объять необъятное и познакомил англоязычную публику с молодой, действительно модернистской русской лирикой.

В 1918 году вышла другая антология, подготовленная Б.А. Рудзинским (*B.A. Rudzinsky*) и называвшаяся «Избранная русская поэзия» (*Selection of Russian Poetry*). На этом издании мы не будем останавливаться подробно, так как большая часть авторов, вошедших в сборник, являются представителями поэзии XIX века (Н. Карамзин, А. Пушкин, Ф. Тютчев, А.К. Толстой, И. Никитин, А. Плещеев, С. Надсон), а к модернистам относится только один поэт — Ф. Сологуб (*Rudzinsky, 1918*). Возможно, переводчик-составитель и его считал не декадентом, а продолжателем линии русской классической поэзии и поэтому включил в антологию. Это доказывает тот факт, что весьма долго граница между классической и модернистской лирикой была размытой. Данная двуязычная антология создавалась как учебное пособие для английских студентов-лингвистов (о чем свидетельствует предисловие) и содержала также краткие сведения о каждом авторе.

В 1920-е гг. появляется сразу несколько изданий современной русской поэзии, подготовленных русскоязычным переводчиком Аврамом Ярмолинским (*A. Yarmolinsky, 1890–1975*) и его супругой, Бабетт Дойч (*B. Deutsch, 1895–1982*), которая была американской переводчицей, поэтом, критиком, преподавателем русской литературы. Одной из самых значимых ее работ является перевод «Евгения Онегина» А. Пушкина. Аврам Ярмолинский приехал в США как русский эмигрант. Он родился в Подольской губернии, а позднее стал американским историком, литературоведом, литератором и переводчиком, специалистом по истории Русской Америки и русской литературы.

В отличие от Сельвера Ярмолинский и Дойч хотят дать более масштабную панораму русской поэзии и расширяют понятие “modern”, включая в свою первую антологию «Современная русская поэзия» (*Modern Russian Poetry: An anthology, 1921*) авторов XIX в. начиная с А. Пушкина. Модернистская поэзия представлена творчеством Вл. Соловьева, Н. Минского, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, З. Гиппиус, К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина, Вяч. Иванова, Ю. Балтрушайтиса, М. Волошина, М. Кузмина, Г. Чулкова, А. Блока, А. Белого, В. Гофмана, В. Башкина, С. Городецкого, А. Ахматовой, И. Северянина, Н. Клюева, Л. Столицы, С. Есенина, З. Шишовой, П. Орешина и А. Мариенгофа (*Modern Russian poetry: An anthology,*

1921). В последующих изданиях 1923 и 1927 годов список авторов еще расширяется за счет включения молодых поэтов.

Данная антология примечательна аналитическим предисловием Ярмолинского, которое по сути представляет полноценную филологическую работу, подводящую итог целому этапу развития русской поэзии. Показательно, что содержание предисловия не вполне соответствует оглавлению антологии, которое включает в себя, как мы сказали, подборку текстов русской классической поэзии. Однако во вступительном очерке составители не останавливаются на данном периоде подробно и большая часть их работы посвящена поэзии рубежа XIX–XX веков. Несмотря на бурное развитие авангарда на момент выхода антологии, ведущим течением русской современной поэзии он называет все же символизм, вобравший в себя передовые идеи европейского модернизма (мистицизм, индивидуализм, автономия искусства) и ориентированный на западную литературу. Главными теоретиками нового направления в России стали, по мнению Ярмолинского, А. Волынский, Н. Минский и Д. Мережковский. Тогда как «Бальмонт, Брюсов и Сологуб были ведущими поэтами, которые положили начало практике того, что проповедовали Минский и Мережковский, и которые основали школу в широком смысле этого слова. Это была символистская, или, как некоторые предпочитают ее называть, неоромантическая школа. <...> Для истинного символиста размер стиха перекликается с песней, которую утренние звезды поют вместе. Он устанавливает соответствие между чувственной и мистической реальностями, используя образы как знак отдаленного и трансцендентного значения. Таким образом, следующему поколению оставалось развить религиозные следствия этой теории. Что касается Бальмонта с его беглой непосредственностью и Брюсова с его более медленными и солидными достижениями, то они в основном озабочены проблемами формы и культом красоты, основанным на бегстве от реальности. Это относится и к зловещей магии Сологуба в его ранних работах. Все трое, особенно Брюсов, — сознательные мастера, обладающие подлинным музыкальным даром» (Modern Russian poetry: An anthology, 1921, p. XIV).

Составитель упоминает И. Бунина, хранящего заветы классической традиции, и даже А. Добролюбова, который был одним из первых учеников французских декадентов, а закончил свои дни как странник и сектантский пророк. Появление младосимволизма Ярмолинский связывает с революцией 1905 года и называет его принципиальные отличия от старших декадентов: «Они были нетерпимы к культу красоты и косо смотрели на игры свободной личности. Их поэзия — страстная метафизика, стремящаяся к религиозным идеалам. Духовно восходя к Соловьеву и Достоевскому, они связаны с религией и, в значительной степени, с мессианской ролью русского народа» (Modern Russian poetry: An anthology, 1921, p. XVI).

Кризис русского символизма, по мнению Ярмолинского, приходится на 1912–1913 годы: «Незадолго до войны чувствовалось, что символистский импульс исчерпал себя. Было общее недовольство духом, который его напол-

нял. Поэты, отмечает один русский критик, устали проникать в глубочайшие глубины души и ежедневно подниматься на Голгофу мистицизма. После экстаза пришло желание ледяной воды простоты. Больше не выражая таинственность в музыке, поэты искали ограниченный, точный, конкретный образ. Это движение проявилось в акмеистическом расколе. Сгруппировавшись вокруг издательской фирмы, известной как “Цех поэтов”, которая в этом году была возрождена, акмеисты или адамисты, возглавляемые Гумилевым, Ахматовой и Городецким, атаковали символизм, чтобы реабилитировать грубую реальность» (Modern Russian poetry: An anthology, 1921, p. XVII).

Последователями акмеистов стали имажинисты, прежде всего С. Есенин и А. Мариенгоф, чьи произведения вошли в антологию. А вот творения представителей русского футуризма, ставшие сенсацией 1910-х годов, в сборник почти не попали, так как «они сопротивляются переводу, за исключением случая Северянина, раннего лидера петроградской группы, чья работа, однако, не типична» (Modern Russian poetry: An anthology, 1921, p. XVII). Поэтику футуристов переводчик весьма иронично характеризует как «язык, состоящий из элементов, имеющих звуковую и визуальную, но не интеллектуальную ценность. Это всего лишь идеал, которого, к счастью для всех нас, их поэзия не всегда достигает. <...> Сквозь их какофонию иногда слышится пронзительный и хриплый голос эпохи, созданной машинами, их искаженный язык иногда отражает время, которое вышло из-под контроля, и их жестоко эксцентричные образы вырывают новые значения из старых общих мест...» (Modern Russian poetry: An anthology, 1921, p. XVII).

Свой обзор Ярмолинский продолжает вплоть до самых последних на момент выхода антологии литературных явлений и отмечает непростое положение «уцелевших» представителей литературы модернизма в советской России, деятельность крестьянских поэтов во главе с Н. Клюевым, а также масштабные издания пролетарской поэзии. Характеристика данной тенденции при всей суровости приговора содержит надежду на возрождение русской поэзии: «Грубость и наивность поэзии рабочих, созданной после революции, искупается жестким пониманием реальности. Возвращение к реализму — это обещание нового развития русской поэзии. Как и все живое, поэзия сохраняется только благодаря переменам» (Modern Russian poetry: An anthology, 1921, p. XIX).

Переиздание антология Ярмолинского и Дойч в 1927 г. дополнилось переводами таких авторов, как А. Гастев, М. Герасимов, Д. Бедный, В. Маяковский, А. Безыменский и и В. Казин (Modern Russian poetry: an anthology, 1927). В 1949 году вышла расширенная версия антологии с указанием в качестве составителя только А. Ярмолинского, однако в предисловии он отмечает, что большая часть переводов выполнена Б. Дойч, а отдельные тексты, переведенные другими авторами, содержат указания на их имена (Yarmolinsky, 1949). Данный выпуск также был расширен новыми авторами, включившими представителей советской поэзии (Б. Лебедев, А. Твардовский, К. Симонов и др.). В 1966 году было подготовлено еще одно обобщенное

переиздание всех трех выпусков антологии Ярмолинского и Дойч под названием *Two Centuries of Russian Verse. An Anthology from Lomonosov to Voznesensky*, хронология которого была продлена в обе стороны, что нашло отражение в подзаголовке названия (*Two Centuries of Russian Verse*, 1966).

В целом американские слависты составляли англоязычную антологию русской поэзии на протяжении сорока пяти лет! Их труд ценен не только с точки зрения самих переводов, выполненных на высоком художественном уровне, но и с точки зрения литературоведческого анализа, верного в своих оценках. Картина литературных течений и взаимодействий внутри русского Серебряного века, обрисованная Ярмолинским в предисловии, в основных чертах совпадает с ныне принятой в академической науке. Однако в структуре самого издания авторы не выделяют никаких периодов в истории русской поэзии, следуя простой хронологической последовательности авторов.

Примечательную группу представляют собой антологии, подготовленные переводчиками, подолгу жившими и путешествовавшими по России на рубеже XIX–XX веков, в том числе в эпоху Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны. Выучив русский язык уже в зрелом возрасте, эти авторы полюбили русскую культуру и стали ее популяризаторами на Западе.

Одним из таких путешественников-журналистов был Морис Бэринг (*Maurice Baring*, 1874–1945), английский литератор, драматург, поэт, прозаик, переводчик, публицист и военный корреспондент. По России Бэринг путешествовал в 1905–1906 годах, работал военным корреспондентом во время русско-японской войны и по итогам этих событий написал книги «С русскими в Маньчжурии» (*With the Russians in Manchuria*, 1905) и «Русские люди» (*The Russian People*, 1911). Бэринг заинтересовался русской литературой так сильно, что даже издал циклы очерков, переведенные на русский язык: «Вехи русской литературы» (1910, русский перевод — 1913); «Очерки русской литературы» (1915).

Закономерно, что Бэринг вскоре стал заниматься переводческой деятельностью. С его переводов в 1924 году началось издание «Оксфордская книга русской поэзии» (*The Oxford Book of Russian Verse*), которое впоследствии станет расширяться и неоднократно выходить в обновленных версиях, а вторым редактором-составителем начиная с сороковых годов будет Дэсмонд Патрик Костелло (*D.P. Costello*, 1912–1964). В издание Бэринга 1924 года вошли основные авторы XIX века, начиная с Г. Державина, и следующие поэты-модернисты: Н. Минский, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, А. Блок, М. Волошин (*The Oxford book of Russian verse*, 1924). Подробнейшее предисловие представляет собой интересный обзор русской классической лирики, но эпоху Серебряного века не затрагивает вообще. Очевидно, что Бэринг считал поэтов, рожденных в конце столетия, продолжателями все той же пушкинской традиции. В последующих изданиях антологии Бэринга были добавлены советские поэты в строго хронологическом поряд-

ке: самым младшим автором издания 1961 года, выпущенного Костелло уже после смерти Бэринга, стал К. Симонов 1915 года рождения (*The Oxford book of Russian verse*, 1961). Такой принцип позволял избежать необходимости ранжировать авторов по значимости.

Другим пропагандистом русской культуры в лучшем смысле слова стал Чарльз Филлингем Коксвелл (*C.F. Coxwell*, 1856–1940), фольклорист и переводчик с немецкого и русского языков. Впервые он приехал в Россию еще в конце XIX века в составе фольклорной экспедиции, и в результате его поездок по Сибири в 1900 году появилась неоднократно переиздаваемая позднее книга «Сибирские и другие народные сказки. Архаичная литература царской империи, собранная и переведенная, с введением и примечаниями» (*Siberian and other Folk Tales. Primitive Literature of the Empire of the Tsars, Collected and Translated, with an Introduction and Notes*). В 1917 году в Лондоне вышла не менее примечательная книга путевых очерков «По России в военное время» (*Through Russia in War-time*).

В 1929 году увидела свет достаточно объемная антология его переводов «Русская поэзия» (*Russian Poems*) со вступительной статьей князя Д.П. Святополк-Мирского (под псевдонимом D. Mirsky) который, возможно, участвовал и в отборе стихотворений. Состав авторов антологии Коксвелла практически совпадает с оглавлением русскоязычного собрания, подготовленного самим Святополк-Мирским³. «Русская поэзия» Коксвелла начинается с А. Кантемира, а завершается А. Ахматовой. Из модернистов также включены Вл. Соловьев, Н. Минский, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, З. Гиппиус, И. Бунин, В. Брюсов, М. Волошин, М. Кузмин, А. Белый, А. Блок, Н. Гумилев, В. Маяковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак. Авторы следуют в строгом хронологическом порядке с указанием дат рождения и смерти. А. Блок доминирует по количеству переведенных стихотворений (10 текстов) и оставляет далеко позади В. Брюсова и К. Бальмонта, которые представлены только тремя произведениями.

Еще одним поклонником русской культуры и литературы стал британский лингвист, писатель и переводчик, друг Ильи Эренбурга, Джерард Шелли (*Gerard Shelley*, 1891–1980). В 1913–1918 годах Шелли подолгу жил в России, даже учился в Харьковском университете в течение года, выучил русский язык, несколько раз общался с Г. Распутиным, который произвел на

³ Следует отметить, что Д.П. Святополк-Мирский (1890–1939) всячески стремился познакомить зарубежного читателя с русской поэзией, но сам переводить не решился и издал русскоязычную антологию «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Paris: La Presse franco-russe, 1924. 211 с.). Переиздание вышло в 1979 году со вступительной статьей Г.П. Струве (Русская лирика, 1924, 1979). А в 1949 году уже после смерти автора, погибшего в советских лагерях после возвращения в СССР, под псевдонимом D.S. Mirsky вышла его фундаментальная работа «История русской литературы» (*History of Russian Literature*) (London, Routledge and Kegan Paul Limited, 1949. 553 p.), охватившая все этапы развития русской словесности со Средневековья по начало XX в.

него огромное впечатление. В 1918 году Шелли чудом бежал от большевиков на поезде через Финляндию и Швецию, переодевшись женщиной и спрятавшись под сиденьями вагона. Эти приключения в огромной стране, охваченной революцией и Гражданской войной, отразились в двух книгах мемуаров, изданных в 1925 году: «Пятнистые купола. Эпизоды из жизни англичанина в России» (*The Speckled Domes. Episodes of an Englishman's life in Russia*); «Голубые степи: Приключения среди россиян» (*The Blue Steppes: Adventures among Russians*). А в 1920-е годы Шелли начал переводить русских поэтов, увлекшись творчеством М. Лермонтова, и в 1930 году выпустил «Демона» в собственном переводе и с предисловием Д.П. Святополк-Мирского (*The Demon*, 1930), а затем в 1936 году вышло уникальное издание «Песни русских кабаре» (*Songs from the Russian Cabaret*), отразившее репертуар литературных кафе и кабаре Серебряного века (*Songs from the Russian Cabaret*, 1936).

Первый выпуск его антологии «Современные русские стихотворения» (*Modern Poems from Russia*) состоялся в 1942 году (Shelley, 1942), переиздание вышло в 1977 году. Этот сборник примечателен тем, что, как и антология Сельвера, он состоит почти исключительно из произведений модернистов всех основных течений: символистов, акмеистов, футуристов и имажинистов. В собрание вошли также два поэта, известные советскими патриотическими стихотворениями и текстами песен: А. Лугин и А. Жаров. Поэзия XIX века, очевидно, уже не казалась Шелли современной и не попала в антологию. Авторы в сборнике представлены в странной очередности: не по школам, не по хронологии и не алфавиту. Открывает книгу К. Бальмонт, за которым следуют Б. Пастернак, Н. Гумилев, А. Ахматова, Д. Мережковский, А. Белый, В. Каменский, Ф. Сологуб, С. Есенин, Н. Клюев, А. Блок, И. Эренбург, В. Маяковский, А. Жаров и А. Лугин. Два автора заметно выделяются количеством переведенных текстов, это А. Ахматова (20 стихотворений) и С. Есенин (19 стихотворений). В отличие от антологии Бэринга, стремящейся к академической строгости и точности, сборник Шелли отражает индивидуальные вкусы автора и его представления об актуальной русской поэзии.

В годы Второй мировой войны в англоязычных странах интерес с русской лирике заметно усиливается в связи с тяжелыми боевыми действиями, которые вела Красная Армия против нацистской Германии. Помимо антологии Шелли в 1943 году выходит небольшой сборник Ф. Конфорда (*F. Conford*) и Е. Саламана (*E. Salaman*) «Стихи из России» (*Poems from Russia*). Сборник включал произведения отдельных избранных авторов: И. Крылова, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Толстого, Н. Некрасова, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Блока, К. Бальмонта и А. Ахматовой (Conford, Salaman, 1943). Как видно из приведенного перечня, только три поэта-модерниста попали в антологию и среди них А. Ахматова, которая к началу 1940-х годов в сознании англоязычного читателя прочно заняла место выдающейся русской лирической поэтессы.

В этом же 1943 году увидела свет более серьезная и значимая антология Сесила Мориса Бауры (*Cecil Maurice Bowra*, 1898–1971) в двух томах (второй том издан в 1948 году) «Книга русской лирики» (*Book of Russian Verse*). Баура был английским литературоведом и мемуаристом, известным прежде всего работами о древнегреческой литературе. Он родился в Китае, а в 1916 году в возрасте восемнадцати лет один год прожил в России, выучил русский язык, познакомился со многими деятелями литературы, в частности с К. Чуковским, а впоследствии не только переводил с русского, но и писал работы о творчестве Б. Пастернака и других русских поэтов.

Если антологии Ярмолинского демонстрируют представление о русской поэзии изнутри русской словесности и культуры, то переводческий и редакторский выбор произведений, сделанный Баурой, — это «взгляд одной словесной культуры на другую сквозь призму антологии» (Тихомирова, 2014, с. 177). Издание Бауры начинается с русской классической поэзии, представленной именами А. Пушкина, Е. Баратынского, К. Батюшкова, М. Лермонтова, И. Козлова и др. Из модернистов в его сборник попадают следующие имена в порядке, соответствующем оглавлению: Вл. Соловьев, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, В. Ходасевич, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, Б. Пастернак, С. Есенин, В. Казин и В. Маяковский (Bowra, 1943). Отметим, что антология Сельвера завершается стихами Вл. Соловьева, а Баура с них начинает (что более логично). Блок в его сборнике уже занимает свое ведущее положение первого поэта русского модернизма, оттесняя К. Бальмонта и В. Брюсова. Отбор авторов в этой антологии очевидно хронологичен и включает почти все значимые имена. Удивляет только отсутствие А. Белого и И. Бунина (и присутствие В. Казина), но, возможно, это объясняется тем, что в Европе Белый и Бунин были более известны в качестве прозаиков, как и М. Кузмин. Структура сборника Бауры не предусматривает какое-либо выделение периодов, авторы-модернисты следуют сразу же за представителями поэзии XIX века. Баура не являлся единственным автором всего корпуса переводов своей антологии. Он привлек к работе многих известных переводчиков: Оливера Элтона, Эдварда Арнольда, Фрэнсиса Конкорда и др.

Не только выбором текстов для перевода интересны издания Бауры. Крайне примечательно и введение, предпосланное этому изданию, в котором он пытается выяснить положение русской поэзии между западноевропейской и восточной: «Часто говорят, что Россия находится на полпути между Европой и Азией и что многое из того, что Западная Европа считает мистическим в характере русских, обусловлено именно азиатским родством... Тем не менее в русской поэзии эти названные азиатские элементы совершенно отсутствуют. Русская поэзия никогда не поддавалась восточному влиянию. Система стихосложения, поэтическая форма, темы, вся манера письма — все европейское. Русская поэзия подчиняется европейской схеме и может на разных этапах своего существования сравниться с поэзией Франции, Англии или Германии на соответствующих этапах развития»

(Вовга, 1943, p. 13). Далее Баура рассуждает о том, что все-таки отличает русскую поэзию от европейской, называя главным отличием любовь к народной песне, пронесенной русскими сквозь века до современности.

Во второй половине XX века антологии русской поэзии появляются с завидной регулярностью и в самом разном формате. Одними из самых авторитетных и объемных изданий до сих пор считаются двуязычные антологии, подготовленные сыном русских эмигрантов, князем Д.Д. Оболенским (1918–2001), ставшим британским историком и филологом, медиевистом, специалистом по истории и культуре Византии. Его сборники отличает максимально широкий охват авторов и стремление к точности перевода: от устной средневековой поэзии через XVIII век (М. Ломоносов, В. Сумароков, Г. Державин) к поэзии XIX века и первой половины XX века (*The Penguin Book of Russian Verse*, 1962). А издание 1965 года даже сопровождается дословным прозаическим переводом (*The Penguin Book of Russian Verse*, 1965).

Оболенский пользовался в академических кругах Европы высочайшим авторитетом, он преподавал в Оксфорде, Кембридже, Гарварде, Принстоне, встречался с Анной Ахматовой в 1965 году в Англии, когда она приезжала получать присвоенную ей почетную степень, а в 1960 году он побывал в Москве. Всего антология включает произведения 53 авторов (в строгом хронологическом порядке по датам рождения и с краткими сведениями о каждом), а также былины, духовные стихи и «Слово о полку Игореве» в переводе самого Оболенского. Авторы-модернисты представлены всеми важными именами от Вл. Соловьева до С. Есенина. Включены также футуристы (В. Хлебников и Н. Асеев) и поэты-эмигранты М. Цветаева и Г. Иванов, которые до этого не встречались в англоязычных антологиях других составителей. В 1976 г. состоялось еще одно обновленное переиздание антологии Оболенского (*The Heritage of Russian Verse*, 1976). Конечно, эти компендиумы в силу широты охвата поэтического материала нельзя отнести к антологиям поэзии русского модернизма в строгом смысле слова, но мы не могли о них не упомянуть.

Вместе с тем по другую сторону океана в США в 1960-е годы также выходит фундаментальная двуязычная антология «Современная русская поэзия» (*Modern Russian Poetry: An anthology*, 2021), собравшая уже действительно актуальную русскую лирику (Markov, Sparks, 1966). Это издание до сих пор самое объемное собрание русских поэтических текстов на английском языке — 847 страниц. Оно было подготовлено эмигрантом второй волны, филологом В.Ф. Марковым (1920–2013). Он отвечал за выбор произведений и написал к антологии предисловие «О современной русской поэзии» (“On Modern Russian Poetry”), отличающееся обширным фактическим материалом, научной точностью и описывающее особенности как основных течений русского модернизма, так и последующей поэзии. Марков был выдающимся ученым и литературным критиком, пионером в изучении литературы русского авангарда, написавшим монографии «Длинные стихи Велимира Хлебникова» (1962), «Русский футуризм: история» (1968), «Русский имажи-

низм, 1919–1924» (1980) и оставившим «Комментарий к стихам К.Д. Бальмонта» (1988–1992). Вторым составителем и основным переводчиком стал американский поэт Меррилл Спаркс (*Merrill Sparks*).

В 1968 году антология Маркова–Спаркса получила награду международного ПЕН-клуба за лучший перевод. За время существования премии это единственный случай, когда были отмечены отдельной наградой переводы русской поэзии. Это издание наконец-то представляет поэтов русского модернизма не в хронологическом порядке, а в составе литературных групп и направлений, к которым они принадлежали, а также включает в себя поэзию эпохи революции и эмигрантскую лирику. Разделы антологии называются «Время символизма» (от К. Бальмонта до А. Белого и в этот же раздел помещен И. Бунин); «Постсимволисты» (от М. Кузмина до «Поэмы конца» В. Гнедова); «Поэзия и изгнание» (от В. Ходасевича до Н. Моршена; два стихотворения В. Набокова даны в переводах самого автора); «Поэзия и революция» (от М. Волошина до Д. Хармса и М. Шкапской); «Советская поэзия» (от В. Инбер до Р. Казаковой). В антологии представлены произведения 85 поэтов.

Сам Марков описывает себя в процессе составления антологии как находившегося между «Сциллой так называемой объективности и Харибдой интуиции» и предусмотрительно замечает, что самым болезненным моментом для русскоязычного читателя будет вопрос о том, что включено, а что не включено в антологию, так как это является подтверждением значительности вклада того или иного поэта в историю русской литературы (Markov, Sparks, 1966, p. XXV)⁴. Отбор авторов — дело непростое, и кем-то придется жертвовать. Далее Марков приводит неполный список тех имен, о непопадании которых в антологию он и сам сожалеет: И. Коневской, Ю. Балтрушайтис, В. Комаровский, Саша Черный, С. Третьяков, Г. Петников, С. Бобров, Д. Бурлюк, С. Клычков, В. Луговской, Е. Гуро, Д. Бедный, Н. Ушаков, Д. Кнут, Б. Корнилов, О. Анстей, Л. Алексеева. И тут же оговаривается: «...но в книге есть и забытые фигуры, например — Хабиас; всегда есть искушение открыть и воскресить» (Markov, Sparks, 1966, p. XXVI).

Последнее стихотворение в книге принадлежит не знаменитому поэту, а Косте Баранникову: “Kostya Barannikov, born 1924”. Свой выбор Марков обосновал в примечаниях так: «Четырехлетний ребенок сочинил эти строки в 1928 году. Ныне в России каждый знает это маленькое стихотворение как песню» (Markov, Sparks, 1966, p. 847). Речь идет о словах песни «Пусть всегда будет небо» (“Let there always be sky”)⁵.

Марков оказался едва ли не единственным, кто создал три антологии русской поэзии, разные по составу. Собрание 1952 года «Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом» включает в себя произведения шест-

⁴ Перевод здесь и далее по тексту статьи наш. — Е.К.

⁵ Подробнее об этой антологии в статье М. Ефимова «“Искушение открыть и воскресить”: антология “Modern Russian Poetry” (1966)» (Ефимов, 2018).

надцати поэтов, от А. Ахматовой до Н. Заболоцкого, творивших в советское время (Приглушенные голоса, 1952). Третья антология «100 русских поэтов. Centifolia russica. Упражнение в отборе» (1973) представляет собой авторский выбор имен и произведений, составленный исключительно по личному вкусу (Сто русских поэтов, 1973).

Во второй половине XX века русская классическая лирика окончательно перестает считаться «современной русской поэзией». Например, в антологии американских славистов «Русская поэзия, современный период» (*Russian Poetry, the Modern Period*), вышедшей в 1978 году (*Russian Poetry, the Modern Period, 1978*), отсчет начинается уже с эпохи модернизма, причем с творчества А. Блока (все старшие символисты отсеиваются). Затем следуют В. Маяковский, В. Хлебников (10 стихотворений(!)), Н. Клюев, С. Есенин, Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Петровых, М. Волошин, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, Д. Хармс, А. Введенский, И. Уткин, И. Эренбург, Н. Тиханов. В антологию также вошла эмигрантская поэзия (М. Цветаева, А. Стрейгер, Б. Поплавский, Дон Аминадо, В. Ходасевич, Д. Кнут, Вяч. Иванов, А. Вертинский, Н. Берберова, Н. Моршен, Г. Иванов, Ю. Одарченко, Ю. Иваск, И. Чиннов, И. Елагин, Б. Нарциссов), лирика первых послевоенных лет (П. Антокольский, И. Сельвинский, О. Берггольц, Б. Слуцкий, С. Гудзенко, С. Наровчатов, В. Солоухин, К. Ваншенкин, Е. Винокуров, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Ю. Мориц, А. Кушнер, Р. Рождественский, М. Борисова, В. Соснора, Н. Матвеева, В. Куприянов), так называемая «новая волна» (Ю. Галансков, В. Бурых, В. Некрасов, Г. Сапгир, И. Хомин, С. Чудаков, Д. Бобышев, С. Морозов, Н. Новиков, М. Еремин, В. Уфлянд) и «новейшая волна» в эмиграции (И. Бродский, М. Гробман, А. Амалрин, Н. Горбачевская, Ю. Иоффе, Н. Коржавин, А. Галич, Э. Лимонов, Л. Мак). Данная антология стремится как можно более полно представить русскую поэзию XX столетия и заслуживает внимания большим количеством имен, но она неправомерно отсекает авторов, заявивших о себе в конце XIX века (З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов), при том, что расцвет их творчества пришелся на 1900–1910-е годы.

Выводы

Таким образом, рассмотренные антологии демонстрируют изменение взглядов англоязычных составителей и переводчиков как на поэзию эпохи модернизма, так и на само понятие «современная русская поэзия» (*modern Russian poetry*) в целом.

Некоторые зарубежные антологии XX века под «современной русской поэзией» понимали всю лирику от А. Пушкина (а иногда от Г. Державина) до момента выхода самой антологии, то есть в течение 120–150 лет. В таких случаях обычно в заглавии использовалось прилагательное «modern», которое не означало непосредственно «модернизм» (скорее это антоним к понятию «архаичная»), и поэзия Серебряного века как таковая не выделялась в

отдельный этап. В ряде изданий отсчет начинался непосредственно со старших символистов: Вл. Соловьева и К. Бальмонта или даже от А. Блока (в таких случаях также чаще всего использовалось словосочетание «modern poetry», хотя уместнее было бы применить «contemporary poetry» в значении «новейшая поэзия»). Эпоха рубежа XIX–XX веков практически никогда (за исключением антологий П. Сельвера и Дж. Шелли) не становилась содержанием отдельной антологии, а примыкала либо к XIX, либо к XX веку. Только в 2015 году состоялось специализированное научное издание «Русская поэзия Серебряного века: тексты и контексты» (*Russian Silver Age Poetry: Texts and Contexts*), посвященное исключительно поэзии этого периода и представившее наибольшее количество русских авторов-модернистов (*Russian Silver Age Poetry*, 2015).

Менялось и представление о ведущих деятелях Серебряного века: если сначала к ним относили К. Бальмонта и В. Брюсова, то позднее на первый план выходит творчество А. Блока, А. Ахматовой и С. Есенина, которые включаются в сборники с наибольшим количеством текстов. Имена И. Северянина и С. Городецкого постепенно исчезают со страниц антологий, а В. Хлебников и Б. Пастернак, наоборот, завоевывают симпатии переводчиков. А вот творчество В. Маяковского хотя и попадает на страницы ведущих собраний, но никогда не иллюстрируется большим количеством произведений, и в целом он не представляется столь крупным поэтом, как было принято считать в СССР. Можно отметить также, что постепенно символизм перестает считаться ведущим направлением русского модернизма, каким он предстал в антологиях первой половины XX в.: П. Сельвера, А. Ярмолинского, Дж. Шелли. У издателей-составителей в 1960–1970 годах (например, В. Марков, Дж. Глад и Д. Вейсборт) значительно повышается интерес к русскому футуризму и имажинизму, которые кажутся более оригинальным порождением русской лиры, нежели заимствованный символизм.

Проанализированные антологии демонстрируют неизменный интерес англоязычных стран к русской лирике на протяжении всего XX века, который особенно усиливался в связи с определенными историческими событиями: революция 1917 года и последовавшая за ней первая волна эмиграции, Вторая мировая война и ведущая роль СССР в победе над фашизмом, 1960-е годы и «третья волна» эмиграции. В эти периоды было выпущено больше всего антологий.

Биографии составителей позволяют сделать вывод, что англоязычного читателя с русской поэзии знакомили либо филологи-эмигранты, связанные с Россией по рождению и усвоившие русский язык как родной (А. Ярмолинский, Д. Святополк-Мирский, Д. Оболенский, В. Марков), или английские и американские энтузиасты-русофилы, полюбившие русский язык и литературу во время путешествий по нашей необъятной стране еще до революции или непосредственно во время нее (М. Бэринг, Дж. Шелли, Ч.Ф. Коквелл, М.С. Баура). Их усилия привели к тому, что англоязычный читатель был знаком с поэзией русского модернизма даже лучше, чем русскоязыч-

ный. Особенно это касается лирики запрещенных долгое время Н. Гумилева, С. Есенина, Н. Клюева, О. Мандельштама, не издававшихся З. Гиппиус, М. Цветаевой, В. Хлебникова и др.

Библиографический список

- Антология. М.: Мусaget, 1911. 271 с.
- Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 383 с.
- Ефимов М. «Искушение открыть и воскресить»: антология «Modern Russian Poetry» (1966) // Знамя. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/3/modern-russian-poetry-an-anthology-with-verse-translations.html> (дата обращения: 31.01.2022).
- Приглушенные голоса: поэзия за железным занавесом: антология / Владимир Марков. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 414 с.
- Русская лирика: маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. Paris: La Presse franco-russe, 1924. 211 с.
- Русская лирика: маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / сост. кн. Д. Святополк-Мирский; вступит. ст. проф. Г.П. Струве. New York: Russica Publishers, Inc., 1979. 211 с.
- Русская литература XX века. (1890–1910). В 3 т. / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Мир, 1914–1918.
- Русская поэзия Серебряного века, 1890–1917: антология. М.: Наука, 1993. 784 с.
- Сто русских поэтов / Centifolia russica. Упражнение в отборе. St.-Petersburg, 1973. 233 с.
- Тихомирова Ю.А. Русская классическая поэзия в антологиях: стратегии репрезентации // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 173–181.
- Цветкова М.В., Волгина А.С. Русская антология Джона Боуринга как первый опыт русской поэзии в английском переводе // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3. С. 52–59.
- Bowra C.M. A Book of Russian Verse. London: Macmillan & Co., LTD, 1943. 127 p.
- Bowra C.M. The Second Book of Russian Verse. London: Macmillan & Co., LTD, 1948. 153 p.
- Cornford F., Salaman E. Poems from the Russia. London: Faber, 1943. 74 p.
- Coxwell C. F. Russian poems / intr. by D. Mirsky. London: Daniel, 1929. 306 p.
- Markov V., Sparks M. Modern Russian Poetry: An Anthology with Verse Translations. London: McGibbon & Kee, 1966. 847 p.
- Mirsky D.S. History of Russian Literature. London: Routledge and Kegan Paul Limited, 1949. 553 p.
- Modern Russian Poetry: An Anthology / select. and transl. with an introd. by B. Deutsch and A. Yarmolinsky. New York: Harcourt, Brace, 1921. 181 p.; 1927. 254 p.
- Modern Russian Poetry: Texts and Translations / select. and transl. with an introd. by Paul Selver. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd. 1917. 92 p.
- Rudzinsky B.A. Selection of Russian Poetry. Oxford: Blackie and son Limited, 1918. 102 p.
- Russian Poetry, the Modern Period / select. and transl. with an introd. by John Glad and Daniel Weissbort. Iowa City: University of Iowa Press, 1978. 420 p.
- Russian Silver Age Poetry: Texts and Contexts / ed. and introd. by Sibelan E.S. Forrester and Martha M.F. Kelly. Boston: Academic studies press, 2015. 556 p.
- Shelley G. Modern Poems from Russia. London: Ld Allen & Unwin, 1942. 93 p.
- Songs from the Russian Cabaret / transl. and arranged by G. Shelley. London: Cary & Co, [1936].

The Demon by Mikhail Lermontov. With an introduction by Prince Mirsky. London: Richards Press, [1930].

The Heritage of Russian Verse / Dimitri Obolensky (Ed.). Indiana: Indiana University Press, 1976. 475 p.

The Oxford Book of Russian Verse / chosen by M. Baring, D.P. Costello. Oxford, 1961. 364 p.

The Oxford Book of Russian Verse / chosen by M. Baring, D.P. Costello. Oxford: Clarendon, 1948. 311 p.

The Oxford Book of Russian Verse / chosen by M. Baring. Oxford: Clarendon, 1924. XXXIX. 211 p.

The Penguin Book of Russian Verse / by Dimitri Obolensky. Baltimor: Penguin Books, 1962. 444 p.

The Penguin Book of Russian Verse with Plain Prose Translations of Each Poem. Revised edition with additional poems / by Dimitri Obolensky. Baltimore: Penguin Books, 1965. 472 p.

Two Centuries of Russian Verse. An Anthology from Lomonosov to Voznesensky / trans. Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. New York: Random House. 1966. 406 p.

Yarmolinsky A. A Treasury of Russian Verse. New York: The Macmillan company, 1949. 344 p.

References

A Hundred of Russian Poets. Centifolia Russica. An Experiment in Selection (1973). Saint-Petersburg. 233 p. (In Russ.)

Baring, M. (1924). *The Oxford Book of Russian Verse*. Oxford: Clarendon. XXXIX, 211 p.

Baring, M., & Costello, D.P. (1961). *The Oxford Book of Russian Verse*. Oxford. 364 p.

Bowra, C.M. (1943). *A Book of Russian Verse*. London: Macmillan & Co., LTD. 127 p.

Bowra, C.M. (1948). *The Second Book of Russian verse*. London: Macmillan & Co., LTD. 153 p.

Cornford, F., & Salaman, E. (1943). *Poems from the Russian*. London: Faber. 74 p.

Coxwell, C.F. (1929). *Russian Poems*. London: Daniel. 306 p.

Cvetkova, M.V., & Volgina, A.S. (2009). Russian Anthology by John Bowring as First Experience of Russian Poetry in Translation. *Vestnik Permskogo universiteta*, (3), 52–59. (In Russ.)

Deutsch, B., & Yarmolinsky, A. (Trans.). (1966). *Two Centuries of Russian Verse. An Anthology from Lomonosov to Voznesensky*. New York: Random House. 406 p.

Deutsch, B., & Yarmolinsky, A. (1921, 1927). *Modern Russian Poetry: An Anthology*. New York: Harcourt, Brace, 181 p.; 254 p.

Efimov, M. (2018). “Temptation to Open and Resurrect”: Anthology “Modern Russian Poetry” (1966). *Znamya*, (3). Retrieved January 31, 2022, from <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/3/modern-russian-poetry-an-anthology-with-verse-translations.html/> (In Russ.)

Glad, J., & Weissbort, D. (1978). *Russian Poetry, the Modern Period*. Iowa City: University of Iowa Press. 420 p.

Gumilev, N. (1990). *Letters on Russian Poetry*. Moscow: Sovremennik Publ. 383 p. (In Russ.)

Markov, V. (1952). *Hushed Voices: Poetry behind the Iron Curtain: An Anthology*. New York: Izd-vo im. Chekhova Publ. 414 p. (In Russ.)

Markov, V., & Sparks, M. (1966). *Modern Russian Poetry: An Anthology with Verse Translations*. London: McGibbon & Kee. 847 p.

- Mirsky, D.S. (1949). *History of Russian Literature*. London: Routledge and Kegan Paul Limited. 553 p.
- Mirsky, P. (Introd.). (1930). *The Demon by Mikhail Lermontov*. London: Richards Press.
- Obolensky, D. (1962). *The Penguin Book of Russian Verse*. Baltimore: Penguin Books. 444 p.
- Obolensky, D. (1965). (Ed., trans.). *The Penguin Book of Russian Verse with Plain Prose* Baltimor: Penguin Books. 472 p.
- Obolensky, D. (Ed.). (1976). *The Heritage of Russian Verse*. Indiana: Indiana University Press. 475 p.
- Rudzinsky, B.A. (1918). *Selection of Russian Poetry*. Oxford: Blackie and son Limited. 102 p.
- Russian Poetry of the Silver Age, 1890–1917: An Anthology* (1993). Moscow: Nauka Publ., 784 p. (In Russ.)
- Selver, P. (1917). *Modern Russian Poetry: Texts and Translations*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd. 92 p.
- Shelley, G. (1942). *Modern Poems from Russia*. London: Ld Allen & Unwin. 93 p.
- Shelley, G. (Transl. and arranged). (1936). *Songs from the Russian Cabaret*. London: Cary & Co.
- Sibelan, E.S. Forrester, & Martha, M.F. Kelly. (Eds.). (2015). *Russian Silver Age Poetry: Texts and Contexts* edited and introduced by Boston: Academic studies press. 556 p.
- Svyatopolk-Mirskij, D. (Comp.), & Struve, G.P. (Intr.). (1979). *Russian Poetry. A Little Anthology from Lomonosov to Pasternak*. New York: Russica Publishers, Inc. 211 p. (In Russ.)
- Svyatopolk-Mirskij, D. (Comp. and intr.). *Russian* (1924). *Poetry. A Little Anthology from Lomonosov to Pasternak*. Paris: La Presse franco-russe. 211 p. (In Russ.)
- Tihomirova, Yu.A. (2014) Russian Classical Poetry in Anthologies: Strategies of Representation. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, (3), 173–181. (In Russ.)
- Vengerova, S.A. (Ed.). (1914–1918). *Russian Literature of the XX Century (1890–1910)*. In 3 vol. Moscow: Mir Publ. (In Russ.)
- Yarmolinsky, A. (1949). *A Treasury of Russian Verse*. New York: The Macmillan company. 344 p.

Сведения об авторе:

Кузнецова Екатерина Валентиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. ORCID ID: 0000-0001-6045-2162; e-mail: katkuz1@mail.ru.

Bio note:

Ekaterina V. Kuznetsova, Candidate of Philology, Research Associate of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0001-6045-2162; e-mail: katkuz1@mail.ru.

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-257-285

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Федор Сологуб в англоязычных антологиях: 1915–1950 гг.

Джейсон Меррилл

*Мичиганский государственный университет,
США, Мичиган, 48864, Ист Лэнсинг, 619 Рэд Сидар Роуд*

✉ merril25@msu.edu

Аннотация. История рецепции русского символистского движения на английском языке начинается с 1890-х годов. Читатели в Великобритании и США могли читать о русском символисте Федоре Сологубе задолго до того, как его произведения были переведены на английский язык. В годы Первой мировой войны и параллельно возникшей волны интереса к России Сологуб — один из самых популярных русских писателей в англоязычном мире. Его стихи и проза переводятся на английский язык, за период 1915–1950 годов он был представлен в не менее чем 28 англоязычных антологиях. Почти вся его проза, которая будет доступна в течение нескольких десятилетий английским читателям, отбирается и переводится в первые годы этого периода двумя переводчиками, Джоном Курносом и Стивеном Грэмом. Его стихи, в свою очередь, отбираются и переводятся несколькими переводчиками в течение всего этого периода. Антологии издавались двумя волнами: в период с 1915 до середины 1920-х годов и в 1940-е годы после начала Великой Отечественной войны. В этой статье рассматриваются англоязычные антологии этого периода, сравнивая то, что говорится о Сологубе в их введениях, с произведениями Сологуба, которые они включают. Эти антологии демонстрируют, как Сологуб был представлен англоязычной аудитории в эти годы. Одни представляли его типичным декадентом, другие пытались показать разные стороны его творчества. Статья включает аналитический обзор англоязычных антологий 1915–1950 годов, содержащих сведения о Сологубе, а также три библиографических приложения: каталоги антологизированных стихотворений и малой прозы Сологуба, каталог антологий, в которых они воспроизведены.

Ключевые слова: Федор Сологуб, литературные антологии, перевод на английский язык, англоязычная критика, русский символизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 14 января 2022 г.; откорректирована — 28 марта 2022 г.; принята к публикации — 16 мая 2022 г.

Для цитирования: Меррилл Дж. Федор Сологуб в англоязычных антологиях: 1915–1950 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 257–285. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-257-285>

Fedor Sologub in English-Language Anthologies: 1915–1950

Jason Merrill

*Michigan State University,
619 Red Cedar Rd., East Lansing, Michigan, 48864, USA*

✉ merril25@msu.edu

Abstract. The history of the reception of the Russian Symbolist movement in English begins in the 1890s. Readers in Great Britain and the United States could read about the Russian Symbolist Fedor Sologub long before any of his works were translated into English. During World War I and a parallel wave of interest in Russia, Sologub is one of the most popular Russian writers in the English-speaking world. Some of his poetry and prose works are translated into English and during the years 1915–1950 are included in no fewer than 28 English-language anthologies. During the first years of this period, almost all of his prose that is accessible to English readers is selected and translated by two translators, John Cournos and Stephen Graham. His poetry, on the other hand, is selected and translated by several translators over the course of this entire period. Anthologies with works by Sologub appear in two main waves: from 1915 until the middle of the 1920s, and in the 1940s after the outbreak of WWII. These anthologies demonstrate how Sologub was presented to English-speaking audiences during these years. This article examines English-language anthologies from this period, comparing what, if anything, is said about Sologub in their introductions to the works by Sologub they include. Some presented him as the quintessential decadent, while others tried to show the various sides of Sologub's works. It is often the case in anthologies that the opinions of Sologub presented by editors are not supported by the works by Sologub these same editors selected for inclusion. The article ends with three bibliographical appendices listing Sologub's anthologized poetry and prose and the anthologies that included them.

Keywords: Fedor Sologub, literary anthologies, English translation, English-language criticism, Russian Symbolism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: January 14, 2022; revised: March 28, 2022; accepted: May 16, 2022.

For citation: Merrill, J. (2022). Fedor Sologub in English-language Anthologies: 1915–1950. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 257–285. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-257-285>

Введение

Вопрос о судьбе русских писателей в переводных (многоавторских) литературных антологиях уже привлекал внимание исследователей (см. Гамало-

ва, 2020; Тихомирова, 2014). Переводная антология является важным жанром для изучения восприятия автора в культуре другого языка. Для многих читателей такая антология могла быть первым и, возможно, единственным знакомством с писателем. Поскольку антологии по определению охватывают многих авторов и / или разные периоды времени и во многих случаях они адресованы широкой аудитории с небольшим или нулевым опытом в данной литературе, составитель выбирает произведения всего на нескольких страницах, позволяющие читателю сформировать свои впечатления и мнения о данном писателе. Кроме того, редактор обычно имеет ограниченное пространство, если таковое вообще имеется, чтобы представить автора и поместить его / ее в соответствующий контекст. Таким образом, изучение антологий переводов может многое рассказать о том, как писатель представлен и принят в другой культуре. Немногие редакторы и составители могут выбрать авторитетные тексты и установить отношение к данному писателю на многие годы.

Тихомирова определяет три типа литературных антологий. Первый — «издания на русском языке <...> предназначенные для русскоговорящих читателей и специалистов» (Тихомирова, 2014, с. 174). Произведения Сологуба печатались в таких сборниках, например в «Антологии русской поэзии XX столетия. Том 1» (сост. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова. Прага: Наша речь, 1920), в которую вошло 14 его стихотворений. Некоторые из них («Амфора», «Триолеты северу», «Суровый звук моих стихов» и «Чертовы качели») позднее появятся в англоязычных антологиях. В этой статье не рассматриваем русскоязычные антологии; они заслуживают отдельного изучения. Второй — «разделы в учебных пособиях» и третий — антологии «на английском языке, предназначенные для широкого круга читателей, призванные дать целостную и, насколько это возможно, объективную картину» творчества писателя и русской литературы в целом (Тихомирова, 2014, с. 174). В случае англоязычных антологий трудно определить границу между этими двумя последними типами, поскольку многие из более общих типов антологий часто использовались на уроках литературы (и продолжают использоваться по сей день).

Данная статья посвящена изучению репрезентации русского символиста Федора Сологуба (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) в англоязычных антологиях, изданных до 1950 года. В период с 1915 по 1950 год антологии, включающие его сочинения, выходили двумя волнами. Первая волна — с 1915 года до середины 1920-х годов — отражает всплеск интереса к Сологубу, русской литературе и России в целом, начавшийся во время Первой мировой войны. Вторая волна начинается в годы Великой Отечественной войны и длится до конца 1940-х годов¹. В течение 1950-х годов не издается никаких новых антологий с произведениями Сологуба, а к 1960 году ситуация в англоязычных странах по отношению к русскому языку и литературе существенно меняется.

¹ Отмечается аналогичный рост интереса к русской литературе во Франции после Второй мировой войны (Гамалова, 2020, с. 100).

Интерес к русскому языку и русской литературе, обозначившийся в начале 1960-х годов (во многом вследствие внешнеполитических причин, прежде всего, запуска Спутника-1 в 1957 году), развивается в совершенно ином контексте. В этот период увеличивается государственное финансирование изучения русского языка, набор на курсы русского языка в США и Великобритании стремительно растет; в обеих странах защищаются кандидатские диссертации по русской литературе, проводятся новые исследования, печатаются новые переводы, выходят более специализированные антологии (антологии, выпущенные после 1960 года, могут стать предметом отдельного исследования).

На волне возросшего научного интереса к русской литературе Федор Сологуб становится одним из самых заметных писателей; его творчеству посвящены главы в нескольких авторитетных монографиях (например: Roggioli, 1960; Slonim, 1962). В 1962 году публикуются два новых перевода романа «Мелкий бес» (Sologub, 1962a; Sologub, 1962b), в 1966 году переиздается русский текст романа (Forsyth, 1966). Первые научные статьи в академических журналах, посвященные Сологубу, появляются в 1960-е годы (например: Bristol, 1960a; Field, 1961; Field, 1962; Kostka, 1965; Ronen, 1968), Сологуб и его произведения обсуждаются во многих более общих статьях (например: Reeve, 1963; Woodward, 1965). В 1960-е годы специалистам по творчеству Сологуба присуждаются первые кандидатские степени (Ph.D.) (например: Bristol, 1960b; Kalbouss, 1968; Barker, 1969); эти и последующие ученые (например: Brodsky, 1972; Ivanits, 1973) продолжают заниматься проблемами биографии и творчества писателя.

Целью данного исследования не является изучение качества различных переводов на английский, таких как, например, Tchougounova-Paulson (Tchougou-nova-Paulson, 2019) с антологизированными стихами Блока. Наше внимание будет всецело сосредоточено на особенностях репрезентации Сологуба в англоязычной аудитории: какие из его сочинений были отобраны и как писатель был представлен составителями антологий.

Русская литература в англоязычных странах

Переводы русских литературных произведений на английский язык стали появляться в начале 1820-х годов (например: Bowring, 1821; Bowring, 1823). Во время Крымской войны в английском переводе вышло несколько важных русских романов, в том числе «Герой нашего времени» (1853), «Мертвые души» (1854) и «Записки охотника» (1855). Целый «поток» переводов хлынул на англоязычный рынок после выхода в 1886 году английского перевода книги Эжена Мельхиор де Вогюэ «Русский роман» (May, 2000, p. 1206). Эту работу выполнили несколько переводчиков, в том числе Натан Хэскелл Доул (1852–1935), Исабель Хэпгуд (1850–1928) и Эйлер Мод (1858–1938) и Луис Мод (1855–1939). Самым плодовитым из этих ранних переводчиков была Констанс Гарнетт (1861–1946). Она перевела произведе-

ния Тургенева (1894–1899); Толстого (1894–1904; в том числе романы «Анна Каренина» в 1901 г. и «Война и мир» в 1904 г.); Достоевского (1912–1920 гг., «Братья Карамазовы» и др.) и сборники рассказов Чехова (1912 и 1919 гг.).

Названные переводчики сделали доступными для англоговорящих читателей классические произведения XIX века. Сведения о более современных направлениях русской литературы стали появляться в конце XIX века. Англо-русское литературное общество в Лондоне ежемесячно устраивало лекции, которые впоследствии печатались в их Трудах (Аршинова, 2018). В начале 1897 года Л. де Богданович (Лев Алексеевич Богданович; 1860–1913?) опубликовал «Краткий обзор русской литературы за 1896 год». В заключение обзора важных журналов, культурных событий и недавних работ таких авторов, как Толстой, Чехов, Цуриков, Мамин-Сибиряк и Щепкина-Куперник, Богданович пишет: «Я не могу не упомянуть самого уникального из наших восходящих беллетристов, г. Федора Сологуба» (de Bogdanovitch, 1897, p. 61). Он посвящает целую страницу пересказу и интерпретации рассказа Сологуба «Тени» (1894), который называет «болезненно декадентским», признавая при этом, что «невозможно игнорировать талант, который он [Сологуб — JM] проявляет» (de Bogdanovitch, 1897, p. 62). Богданович находит, что у рассказа Сологуба «чисто русский характер», и это не позволяет «поставить его на один уровень с лучшими рассказами По». Затем следует небольшой абзац о рассказе «Червяк» (1896), который критик счел менее выразительным.

Информация о последних тенденциях в русской литературе, в том числе о Сологубе, появляется также в ежегодных обзорах русской литературы и культуры, публикуемых в лондонском литературном журнале *The Athenaeum*. В качестве постоянных обозревателей на страницах этого издания выступают Константин Бальмонт (1898–1900) и Валерий Брюсов (1901–1906), в их ежегодных обзорах современной русской литературы английские читатели видели в основном положительные отзывы о новейших произведениях, созданных их коллегами-символистами (см. Ильёв, 1973; Ильёв, 1983; Ильёв, 1986; Ильёв, 1993). В 1898 году Бальмонт писал, что сборник Сологуба «Тени», содержащий «три прекрасных рассказа» и стихи, «полные изящества и музыки», стал одним из немногих примечательных изданий, вышедших в предыдущем году (Balmont, 1898, p. 26). Сологуб, наряду с Мережковским, Гиппиус и Андреевым, упоминается на страницах журнала почти каждый год. Например, в 1904 году Брюсов констатировал, что «поэтическое развитие» Сологуба (а также Гиппиус и Мережковского) «закончено» (Briusov, 1904, p. 313), однако в следующем году он назвал «Сказочки» Сологуба «лучшим из того, что он написал на сегодняшний день» (Briusov, 1905, p. 501).

Благодаря усилиям Александра Браунера и других переводчиков немецкие и австрийские читатели открыли для себя Сологуба, произведения которого появляются в переводе вскоре после их публикации в России (Азодовский, 2020). В англоязычных странах ситуация складывалась иначе, поскольку читатели, интересующиеся современной русской литературой, слы-

шали о Сологубе задолго до того, как смогли прочитать какие-либо его произведения и составить о них собственное мнение. К 1905 году были планы перевести некоторые его произведения на английский, но они не были реализованы в то время (Богомолов, 2016, с. 149)².

Впервые в английском переводе произведения Сологуба появились во время «русской мании», начавшейся в Англии около 1910 года и усилившейся с началом Первой мировой войны, поскольку читатели стремились больше узнать о своих русских союзниках. Сологуб был представлен англоязычным читателям как автор малой прозы. В 1915 году буквально в один день вышли два сборника его рассказов: *The Old House, and Other Tales* (переведено и отредактировано Джоном Курносом) и *The Sweet-Scented Name and Other Fairy Tales, Fables, and Stories* (переведено и отредактировано Стивеном Грэмом)³.

Важную посредническую роль в публикации сочинений Сологуба на английском языке сыграла переводчица и авторитетный историк западноевропейской литературы З.А. Венгерова, хорошо знавшая Сологуба и Курноса. Она сравнила переводы Курноса и Грэма и в письме к Сологубу высказалась в пользу переводов Курноса (Стрельникова, Сысоева, 2020, с. 129). В конце августа 1915 года Сологуб писал А.А. Измайлову, что «Джон Курнос отлично знает русский язык» и что он «очень литературный, чуткий человек, пишет художественным стилем» (Павлова, 1999, с. 260). Венгерова и Курнос попросили у Сологуба разрешение авторизовать переводы Курноса, и он дал согласие (Стрельникова, Сысоева, 2020, с. 130)⁴.

Следующий, 1916 год был весьма продуктивным для Курноса в работе над произведениями Сологуба. Он перевел и опубликовал его драму «Победа смерти» и роман «Творимая легенда», совместно с английским поэтом Ричардом Олдингтоном (1892–1962) работал над переводом «Мелкого беса» «чтобы книга была сделана быстро» (Сournos, 1935, p. 281). Сологуб, кото-

² К началу 1905 г. несколько сказок Сологуба были переведены на греческий язык, а его рассказ «Красота» переведен на чешский язык. Судьба произведений Сологуба в английском переводе сильно отличается, например, от Мережковского. К 1902 г. многие романы и другие произведения Мережковского уже вышли в английском и французском переводах.

³ Информация о переведенных на английский стихотворениях (Приложение А), переведенной прозе (Приложение Б) и о каждой антологии, включающей произведения Сологуба (Приложение В), дается в конце статьи. Все ссылки на антологии в тексте статьи даются в формате (фамилия редактора, год) и относятся к Приложению В. Джон Курнос (John Cournos; Йоганн (Иван) Григорьевич Коршун; 1881–1966) — англо-американский писатель, переводчик и литературный критик, родившийся в Житомире и переехавший в Англию в 1912 году. Стивен Грэм (Stephen Graham; 1884–1975) — английский писатель и путешественник, автор и составитель ряда книг о России. Описания Курноса и Грэма и их сборников см. (Стрельникова, Сысоева, 2020) и (Vaninskaya, 2011).

⁴ Сологуб в некоторой степени еще обязан своим успехом в Англии усилиям Корнея Чуковского, который вместе со своими английскими коллегами продвигал Сологуба (Vaninskaya, 2011, p. 387).

рый нередко сетовал, что отечественные критики невнимательны к нему и несправедливы в оценках его творчества, писал в «Биржевых ведомостях», что «John Cournos, англичанин, из моих книг вынес большее понимание моей литературной личности, чем мой русский собрат по литературе» (Сологуб, 1916, с. 3). В 1915 и 1916 годах Курнос напечатал несколько больших статей о Сологубе; особого внимания заслуживает первая, в которой подробно представлены пьесы Сологуба и его теория драмы. Курнос также интересовался театром; в библиотеке Сологуба сохранился экземпляр статьи Курноса «Гордон Крейг и театр будущего» (Филичева, 2016, с. 727). Курнос активно продвигал творчество Сологуба в английской печати, наряду с произведениями Бунина, Андреева и Ремизова, которых он также переводил. Он оставался активным долгое время; в 1959 году вышел его перевод «Петербурга» Андрея Белого.

Сологуб внимательно следил за критическими отзывами о своих произведениях в английской прессе, из которых мог составить представление о своей популярности за рубежом. Венгерова сообщила ему, что две его книги (в переводе Курноса и Грэма) стали «полной сенсацией» в Англии и что все рецензии, которые она собрала для него, были «чрезвычайно восторженные» (Павлова, 1999, с. 261). Сологуб, возможно, какое-то время в начале XX века являлся одним из самых известных русских писателей в Англии. Он был настолько известен, что его имя упоминается в областях, далеких от литературы. Например, в 1915 году в рецензии на книгу Фрэнсиса Ньютона Торпа «Американская фруктовая ферма: ее выбор, управление для прибыли и удовольствия» (*An American Fruit Farm: Its Selection, Management for Profit and Pleasure*) анонимный рецензент, говоря об истории литературы о цветниках, пишет следующее: «Вскоре вас охватывает ужасный страх: страх, что сад — только предлог и что теперь вы должны выступать в качестве аудитора для морализаторов по ряду вопросов, от правильного распоряжения мужьями и детьми до точного положения Сологуба в русской литературе»⁵ (Anon, 1915, p. 351). Со своей стороны Сологуб не раз высказывал восхищение Англией, в статье «Мировая громада» (1915) он писал, что считает Англию «более близкою, чем всякое иное западное государство» (Сологуб, 1915, с. 3).

Курнос и Сологуб познакомились в Петрограде в 1917–1918 годах. В своей «Автобиографии» Курнос сообщает, что слышал, как Сологуб «яростно утверждал», что он предпочел бы стать британским подданным, чем оставаться в большевистской России; — и резонировал по поводу этого признания: Сологуб «сразу же стал бы англичанином, если бы ему это разрешили» (Cournos, 1935, p. 305). Писатель, действительно, не исключал для себя возможность эмигрировать в Англию. 7 марта 1918 года Курнос писал

⁵ ...Soon a horrid fear assails you: a fear that the garden is only a pretext, and that you are presently to act as an auditor to moralizings on every subject, from the right ordering of husbands and children to the exact position of Sologub in Russian literature.

ему: «Буду иметь в виду ваши планы уехать в Англию. Не знаю, возможно это или нет — может быть новые обстоятельства дают эту возможность» (Стрельникова, Сысоева, 2020, с. 123–124). Позднее Курнос вспоминал: «...я предложил ему получить прибежище в Англии. Он поиграл с этой идеей, но потом очевидно решил не в пользу ее» (Тименчик, 2015, с. 505).

В 1917 году в английском переводе появилась статья Сологуба «Отечество для всех» — в сборнике «Щит», вместе с произведениями Горького, Андреева, Иванова, Мережковского, Соловьева и Арцыбашева (*The Shield*, 1917). Сологуб был одним из редакторов сборника (наряду с Горьким и Андреевым), участники которого поставили задачу привлечь внимание общественности к еврейскому вопросу в Российской империи с целью борьбы с антисемитизмом. Публикация «Щита» в переводе на английский имела критические отклики (см., например: Maude, 1917).

После октябрьской революции 1917 года сведения о Сологубе в западной печати появляются крайне редко. В конце декабря 1920 года, в связи с предстоящим выходом последнего романа Сологуба «Заклинательница змей» (Пг., 1921), Курнос сообщал читателям следующее: «Ни о Ремизове, ни о Сологубе мы ничего не слышим. Из письма, доставленного контрабандой другу в Англию около восемнадцати месяцев назад, стало известно, что у последнего из названных авторов был готов к публикации новый роман, но он не смог опубликовать его, несмотря на его „пролетарскую героиню“» (Cournos, 1920, p. 888). Британский писатель и журналист Карл Эрик Беххофер (1894–1949), посетивший Москву в 1921 году, обнаружил, что в книжных магазинах работали писатели, вынужденные продавать, а не писать книги, и добавил, что «такие писатели, как Сологуб, которые до сих пор в стране, пишут мало или вообще ничего» (Bechhofer, 1921, p. 661). Дмитрий Мирский, в феврале 1921 года назвавший Сологуба «величайшим художником» среди символистов (Mirski, 1921, p. 428), в 1922 году заметил: «Из наших немногих выдающихся романистов Горький и Сологуб мало пишут, а то, что они действительно пишут, — однозначно плохое» (Mirski, 1922, p. 285).

После 1916 года в течение ряда десятилетий книги Сологуба на английском языке не издавались, за единичным исключением: в 1928 году был переиздан сборник «Старый дом и другие сказки» в переводе Курноса. Внимание англоязычных читателей сместилось на советскую литературу (Gasse, 2012). В англоязычном мире имя Сологуба с 1917-го по 1950-е годы сохранилось в переводных литературных антологиях (см. Приложения), многие из которых переиздавались несколько раз.

Сологуб в англоязычных антологиях

Период после начала Первой мировой войны отмечен невероятным ростом числа русских литературных антологий. Далеко не во всех изданиях был представлен Сологуб. Гарольд Уильямс в рецензии на «Оксфордскую книгу русских стихов» (1925), составленную английским драматургом и пе-

реводчиком Морисом Бэрингом (1874–1945), задавал вопрос, почему составитель включил в антологию Николая Минского («посредственного сочинителя стихов»), но не Зинаиду Гиппиус, Федора Сологуба и Андрея Белого (Williams, 1925, p. 68). Рассматривая дополненное второе издание той же антологии (1949), английский литературовед Морис Боура (1891–1971) выражал удивление по поводу отсутствия в книге Сологуба, «который был в свое время одним из самых выдающихся символистов и до сих пор заслуживает внимания» (Bowra, 1949, p. 222). Глеб Струве в рецензии на книгу М. Гофмана «История русской литературы» (*Histoire de la littérature russe*) (Париж, 1946) также недоумевал, что в ней «нет упоминания о Сологубе ни как о поэте, ни как об авторе „Мелкого беса“» (Struve, 1946, p. 618).

Все антологии, в которые вошли произведения Сологуба, не похожи одна на другую (см. Приложение В). Многие из ранних сборников были небольшими, менее 100 страниц (в Selver 1917 — 65 страниц; в Goldberg 1919 — 74 страницы), среди более поздних встречаются объемные (в Graham 1929 — 1021 стр.; в Guerneу 1943 — 1050 стр., в Haydn and Courноs 1947 — 950 стр.). Некоторые из этих антологий продавались хорошо. Первое издание сборника «Современная русская классика» [Goldberg, 1919]⁶, например, была напечатано четыре раза (общий тираж: 22 000 экземпляров) до переиздания в 1936 году.

Произведения Сологуба, включенные в антологии (см. Приложения А и Б), в своем большинстве предназначались для обычных читателей, мало знающих Россию или совсем не имеющих о ней представления. Двухязычные издания (например: Selver, 1917, Rudnitsky, 1918) адресовались тем, кто изучает русский язык. В частности, сборник «Двадцать четыре необычных рассказа для мальчиков и девочек» (*Twenty-Four Unusual Stories for Boys and Girls*) (Tyler, 1921), содержащий сказочку Сологуба «Крылья», состоял из рассказов, которые читали маленьким детям во время детских чтений в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Стихотворение «Опять меня объемлет лень...» впервые в переводе появилось в нотах семилистника песен «Лживый день» Лазара Саминского [Saminsky, 1927].

Антологии включают стихи и прозу Сологуба; при этом поэтические тексты, рассказы и романы имеют разную историю переводов. До 1917 года стихов Сологуба в английском переводе публиковалось мало. Три его стихотворения были переведены для английского журнала «The Russian Review» (табл. 1).

Небольшая подборка стихов Сологуба, опубликованная в журнале *The Russian Review*, согласуется с выводом Бисли о том, что сторонники Сологуба в Англии намеренно представляли Сологуба английской публике как универсального поэта, не особенно декадентского или русского, чтобы соответствовать «моральным императивам военного времени» и показать русских союзников в позитивном свете (Beasley, 2012, p. 562). В этой небольшой поэ-

⁶ В квадратных скобках указаны издания из Приложений к данной статье.

тической подборке нет ничего пессимистического или декадентского, стихи относятся к текущим событиям. Они репрезентуют Сологуба сторонником войны, верующим в Бога и противником социального неравенства.

Таблица 1/Table 1

Название (дата написания; дата первой публикации на русском языке) / Title (date of writing; date of the first publication in Russian)	Название в переводе/ Title in translation	Переводчик / Translator	Номер журнала / Journal number
В этот час / «В этот час, когда грохочет в темном небе грозный гром» (1915; 1915)	In This Hour / “In this hour, when mighty thunder”	P. Leonov	Vol. I, no. 2 (March 1916), 119
«Я верю в творящего Бога» (1897; 1900)	“My faith is in God the Creator”	Translated for the Russian Review	Vol. II, no. 4 (October 1916), 190
«В тени аллея прохлада» (1895; 1917)	Inequality / “The garden shade is pleasant”	Translated for the Russian Review	Vol. IV, no. 1 (April 1918), 111

Стихи, публиковавшиеся в англоязычных антологиях, обычно переведил составитель сборника. В некоторых случаях в изданиях имя переводчика не обозначено. Почти никогда, как было принято в то время, не указывали источников публикаций оригинальных стихотворений. Исключением является Сельвер, который для русского раздела своей славянской антологии называет несколько источников, «кроме работ индивидуальных авторов», в том числе и «Думы и песни. Сборник новых песен» (М., 1911), составленный женой Сологуба Анастасией Чеботаревской [Selver 1919, 347]. Наиболее вероятным источником стихотворений, напечатанных в антологиях этого периода, являются собрания сочинений Сологуба, выпущенные издательствами «Шиповник» (в 12 т.; СПб., 1909–1912) и «Сирин» (в 20 т.; СПб., 1913–1914). Несколько стихотворений из английских антологий можно найти только в томе 17 издания «Сирин» (1914). Другие были опубликованы после 1914 года, например «В этот час» (1915) и «Скифские суровые дали» (1918).

Иная ситуация с антологизированной прозой Сологуба (см. Приложение Б). Почти вся проза Сологуба, появившаяся в антологиях до 1950 года, переведена либо Стивеном Грэмом, либо Джоном Курносом, и почти все эти произведения появились в выше названных сборниках 1915 года. За немногими исключениями («Маленький человек» в [Selver, 1919]; «Сон утешающий» в [Hammerton, 1920], английские антологии переиздавали переводы (или те же тексты в других переводах), которые ранее были опубликованы Курносом или Грэмом.

В ряде антологий, включающих произведения Сологуба, отсутствуют сведения об их авторе [Townsend, 1924, van Doren, 1928, Bowra, 1949, даже Graham, 1929]. Например, Шелли ограничивается сообщением, что Сологуб был ведущим символистом [Shelley, 1942, p. 41]. Вместе с тем каждая анто-

логия, благодаря подборке произведений или заметке о Сологубе, дает представление читателям об особенностях его писательской манеры. Интерпретации его произведений при этом разнообразны.

Следуя примеру некоторых российских критиков, Бабетт Дойч (Babette Deutsch; 1895–1982) и Авраам Ярмолинский (1890–1975; он перевел «Щит» на английский язык в 1917 г.) представили творчество Сологуба как квинтэссенцию декадентства. В антологии «Современная русская поэзия» они характеризовали Сологуба как «раздраженного солипсиста, живущего в болезненном, фантастическом мире» (Modern Russian Poetry: An Anthology, 1921, p. 61), который «видит вселенную как ужасный зверинец, в котором звери привыкли к своему зловонию. Отсюда он убегает в мир невозможных представлений и наполняет свою изоляцию литургиями собственному эго, гимнами дьяволу, осаннами на смерть. Его неземной мир полон плотских похотей»⁷ (Modern Russian Poetry: An Anthology..., 1921, p. 61).

Те же составители в сборнике «Русская поэзия» ограничились утверждением, что «упаднический аспект русского модернизма лучше всего иллюстрирует раздраженный фантаст Сологуб» (Deutsch & Yarmolinsky, 1927, p. 17). Спустя более двух десятилетий Ярмолинский вернулся к оценке творчества Сологуба, разъясняя, что из своего «мучительного отечества» Сологуб убегает в «долину грез, красивый мир его собственного воображения. Отсюда болезненный и лишенный юмора фантаст выходит только для того, чтобы произносить угрозы солнцу, молитвы Сатане, гимны Смерти, Избавителю»⁸ (см.: Modern Russian Poetry: An Anthology..., 1921).

Дойч и Ярмолинский, а позже Ярмолинский (без своего составителя), выбрали для своих книг поэтические тексты, иллюстрирующие сложившийся у них («диаболоческий» по Ханзену-Лёве (Ханзен-Лёве, 1999)) образ Сологуба: самые «декадентские» стихи, известные к тому времени в английском переводе. Например, «Злой дракон, горящий ярко там, в зените...» (1904), в котором лирический герой сражается со злым драконом (в поэтическом мире Сологуба Дракон олицетворяет Солнце), и «Чертовы качели», символизирующие жизнь в духе учения А. Шопенгауэра — как бессмысленное однообразное движение, побуждаемое дьявольской силой, из которой единственный выход — смерть. Эти антологии (Modern Russian Poetry: An Anthology..., 1921; Yarmolinsky, 1949) — единственные, в которых напечатано самое «декадентское» стихотворение Сологуба «Когда я в бурном море плавал», в котором тонущий лирический герой обращается за спасением к Дьяволу, которого называет своим отцом, обещая прославить его и стать его верным сыном.

⁷ He sees the universe as a ghastly menagerie in which the beasts have become wonted to their own stench. From this he escapes to a world of impossible imaginings, and fills his isolation with liturgies to his own ego, hymns to the devil, hosannahs to death. His unearthly world is fevered with fleshly lusts.

⁸ ...A valley of dreams, a fair world of his own imagining. Thence the sick and humorless fantast emerges only to utter threats to the sun, prayers to Satan, hymns to Death, the Deliverer.

Английский писатель и переводчик (в основном с чешского) Пол Сельвер (Paul Selver, 1888–1970) пытался осветить разные стороны творчества Сологуба (см.: [Selver, 1917 и 1919]). Он цитирует мнение Семена Венгерова (в энциклопедии Брокгауза и Ефрона), что стихи и проза Сологуба представляют собой «прямой гимн смерти», но добавляет, что «критика такого рода игнорирует чистую и обнадеживающую сторону творчества Сологуба», которая выражается в таких «очаровательных стихах, как „Северные триолеты“ и, собственно, во всем сборнике стихотворений „Земля родная“» (Modern Russian Poetry: Texts and Translations, 1917, p. xiv–xv). В качестве примера Сельвер знакомит читателей с разными стихотворениями Сологуба; в их числе декадентское «Злой дракон», «Северные триолеты» с их радостными описаниями природы, и патриотическое, поднимающее воинственный дух «В этот час». Два года спустя в своей современной славянской антологии Сельвер повторит основную мысль: стихи Сологуба «часто обладают теми же болезненными качествами, что и его проза; но, как показывают примеры в этой антологии, ни то, ни другое [т.е. и стихи и проза Сологуба — *J.M.*] не заняты исключительно темными аспектами души» (Modern Russian Poetry: Texts and Translations, 1919, p. 339). В эту антологию вошли только два стихотворения Сологуба: умеренно «декадентский» «Злой дракон» и «Северные триолеты», воспевающие красоту русских пейзажей.

В своей «Книге русских стихов» Боура (Bowra, 1949) предлагает читателям новые переводы четырех стихотворений Сологуба. «Восставил Бог меня из влажной глины...» является медитацией о месте в мире поэта и творчества. В стихотворении «Амфора» («The Jar»), как и раб в первой строфе, во второй лирический герой несет сосуд печали. «В село из леса она пришла» («She was in a village») рассказывает о перепуганной женщине, которая стучится в двери, но никто ее не пускает, и утром ее находят мертвой. «Тихая колыбельная» («Lullaby in Undertones») — стихотворение о засыпании с аллюзией на смерть.

Боура представляет Сологуба как мыслителя, поддерживающего философию, созданную им самим: для него «единственная реальность — это реальность духа, поэт особенно одарен для ее восприятия и понимания. Его мистицизм не обязательно христианский, хотя в нем часто используются символы христианства. Он основан на вере в то, что мир, который поэт узнает в свои вдохновенные моменты, — это все, что действительно имеет значение, и что знакомство с ним освобождает его от многих обычных уз и обязанностей»⁹ (Bowra, 1949, p. xviii).

Мнение Боуры не ново; до этого родившийся в России американский переводчик и издатель, Томас Сельцер (Thomas Seltzer, 1875–1943) писал

⁹ ...A philosophy already formed by Solovyev and Sologub, that the only reality is that of the spirit and that the poet is specially gifted to understand it. This mysticism is not necessarily Christian, though the symbols of Christianity are often used by it. It is based on the belief that the world which the poet knows in his inspired moments is all that really matters and that his acquaintance with it frees him from many ordinary ties and responsibilities.

о Сологубе как поклоннике «у алтаря красоты и мистицизма» [Seltzer, 1917]. Англоязычная критика того времени в оценках переводимых авторов нередко следовала за русскими критиками (напр. Стеклов, 1909). В своем предисловии к антологии «Русские стихотворения», составленной переводчиком и автором ряда книг о России С. Коксуэллом (Charles Fillingham Coxwell; 1856–1940), Мирский сетует на «обычную болтовню о „русском мистицизме“, исходящую от людей, которые не знают ни что такое русский язык, ни что такое мистицизм»¹⁰ [Coxwell, 1929, p. 17]. Тем не менее Боура продолжает связывать Сологуба и русский мистицизм.

Во введении к антологии русских рассказов, родившаяся в России переводчик Рошель Таунсенд (Rochelle S. Townsend, 1881–1970) называет реинкарнацию любимой темой писателя, отмечая, что Сологуб ее «очень мощно использует» в трех рассказах: «Белая мама», «Призывающий зверя» и «Сон утешающий» [Hammerton, 1920]. В этот сборник, составленный автором и составителем некоторых известных энциклопедий Джоном Хаммертоном (Sir John Alexander Hammerton; 1871–1949), вошел еще один рассказ Сологуба — «Обруч», который во введении не упоминается.

Б.А. Рудзинский восхваляет Сологуба как «замечательного стилиста во всем, что он пишет» и «одного из величайших ныне живущих творческих писателей с богатым воображением» (Rudzinsky, 1917, p. 92). В его сборнике напечатаны четыре стихотворения Сологуба. В «Песенке» («Song») день пасмурный и лирическому герою грустно оттого, что он один; в стихотворении «О, жизнь моя без хлеба...» («Oh my life without bread») герой беден, и его смерть близка, но он счастлив, когда смотрит на природу и беззаботно созерцает жизнь; в стихотворении «О, Русь! в тоске изнемогающая...» («O Russia») герой заявляет, что нет страны дороже его родины. Это одно из стихотворений, которые хорошо вписались бы в дискурс о текущих событиях 1917 года. Тоска, печаль при созерцании бескрайних просторов России — тема этого, а также четвертого стихотворения — «Люблю я грусть твоих просторов» («I love the sadness of thine endless spaces»).

В англоязычной критике по отношению к Сологубу часто встречается определение «стилист». Например, Гарольд Уильямс в книге «Россия русских» (1914 г.), появившейся в то время, когда доступных англоязычных работ о Сологубе было мало, писал: «Сологуб страдает какой-то глубокой душевной болезнью, которая не дает ему покоя» и его «более поздние работы полны отталкивающих элементов» (Williams, 1914, p. 216), но тем не менее он называет Сологуба «замечательным стилистом» (Williams, 1914, p. 213). Представление о писателе как об искусном стилисте в англоязычной критике звучало не раз. *The New York Times*, анализируя рассказы Сологуба в контексте «Искусства рассказа в России», писала: «Сологуб, должно быть, очень

¹⁰ ...The usual twaddle about “Russian mysticism” coming from people who know neither what Russian is nor what mysticism is. Подробнее о Мирском и его произведениях о русской литературе см. (Коростелев, Ефимов, 2013).

выдающийся стилист на своем гибком языке» (Anon, 1915, p. 444). А.Л. Гатри в обзоре русской литературы отмечал, что Сологуб — «первый из русских стилистов» (Guthrie, 1917, p. 41–42). Определение «стилист» по отношению к Сологубу вероятно, восходит к русской критике. Например, Андрей Белый начинает рецензию на сборник рассказов Сологуба «Истлевающие личины» (1907) с того, что называет его «один из первых стилистов нашего времени» (Белый, 1907, с. 3)¹¹. Вслед за ним, откликаясь на этот же сборник, Б. Группильон писал, что «Сологуб один из величайших, если не величайший, стилист современной русской литературы» (Группильон, 1907, с. 56).

Не все соглашались с этой характеристикой. По мнению П.А. Тверского (наст. имя: Петр Алексеевич Дементьев [1850–1919]), писателя (и одного из основателей американского города Сент-Питерсберга), принявшего американское гражданство в 1893 году, «Сологуб, Рукавишников и некоторые другие впустили настоящие чудовища [в русский язык] — [совершили] умышленное убийство компактного, логичного и красивого синтаксиса»¹² (Tverskoj, 1916, p. 219). Достаточно резко высказывался об авторском стиле Сологуба Владимир Набоков, например, в письме к Е.А. Малоземовой в январе 1938 года: «Первый раз слышу, что Сологуб считается первым стилистом русской литературы. Как прозаик, он бездарен, а как поэт — *minor poet* (второстепенный поэт. — *Дж.М.*). Никакого следа на большой дороге русской литературы он не оставил» (Бабинов, 2018, с. 390)¹³.

Есть две антологии, которые включают только один рассказ Сологуба — «Прятки». Они могут служить наглядным примером того, как могут различаться интерпретации одного текста. В рассказе речь идет о невинной детской игре, которой увлечены мама и ее маленькая дочь Лелечка. Няня Федосья говорит, что одержимость ребенка игрой в прятки — плохая примета. Серафима не верит в примету, но сама увлекается игрой в прятки с девочкой. Внезапно Лелечка заболевает и умирает. Серафима ищет малышку, продолжая играть с ней, не сомневаясь, что та спряталась от нее. Когда тело девочки выносят из комнаты, Серафима продолжает искать ее, шепча «тю-тю». Представляя этот рассказ Сологуба, Сельцер пишет, что из «небольшой группы писателей, оторванных от основного течения русской литературы, поклоняющихся святыне красоты и мистицизма», Сологуб «добился высочайшего авторитета» [Seltzer, 1917, p. xiii]. Тридцать лет спустя, представляя «Прятки» читателям в книге Гайдна (Hiram Haydn; 1907–1973) и Курноса «Мир великих рассказов», профессор английского языка Джозеф

¹¹ Рецензия Белого была переиздана в сборнике Чеботаревской 1911 года «О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (Издательство «Шиповник», 1911), так что выводы Белого, должно быть, понравились Сологубу и Чеботаревской.

¹² Sologub, Rukavishnikov, and some others have introduced actual monstrosities — a willful murder of the compact, logical, beautiful syntax.

¹³ Набоков продолжил эту мысль: «Но и Бунина первым русским стилистом тоже нельзя назвать. Первыми русскими стилистами были Державин, Карамзин, Пушкин» (Бабинов, 2018, с. 390).

Ремени характеризует Сологуба как «демонического писателя», который «был очарован странным и недостижимым» и «выражал манихейское презрение к реальному миру». Ремени добавляет, что «репутация Сологуба как одержимого суевериями поддерживается таким „детским рассказом“, как „Прятки“, где «смешиваются элементы невинности, загадочности и страха» [Haydn & Cournos, 1947, p. 557]. Таким образом, Сельвер причисляет Сологуба к мистикам, ценителям высшей красоты, а Ремени, анализируя тот же рассказ, осуждает его за демонизм и ненависть к миру¹⁴.

Некоторые составители повторяли стереотипы суждений о Сологубе, не подкрепляя их конкретными примерами. В «Сокровищнице русской литературы» родившийся в России переводчик и писатель Бернард Герни (1894–1979) приводит собственные переводы трех произведений: сказку «Три плевка» (о смысле жизни) и два стихотворения: «Амфора» и «Побеждайте радость...». В этих произведениях нет ничего «декадентского» по сологубовским меркам. Однако Герни пишет, что он «не может вспомнить ни одного более странного писателя в русской литературе, — несмотря на присутствие в этой литературе Брюсова. В его прозе или стихах обычно присутствует оттенок демонизма или даже сатанизма». По мнению Герни, «если творчество Сологуба — странный, нездоровый цветок, если его сверхчувствительная муза „аскетически чудовищна“, то виновата в этом почти полностью отравленная почва, кошмарная атмосфера царизма» [Guerney, 1943, p. 901]. Олег Масленников в словарной статье “Fyodor Sologub” (1947) представляет поэзию Сологуба аналогичным образом — как «ультрадекадентную по своей тематике»: поэт отдает предпочтение «мотивам самообожествления, демонологии (поклонению демонам. — Дж.М.) и прославления боли и смерти» (Maslennikov, 1947, p. 761). Никаких стихотворных примеров, подтверждающих этот тезис, Масленников не приводит, не смущаясь тем обстоятельством, что подавляющее большинство стихотворений Сологуба, переведенных к 1947 году, этой интерпретации противоречит или ее не поддерживает.

Заключение

Рецензенты, реагирующие на эти антологии, редко упоминали Сологуба, за одним примечательным исключением. Владимир Набоков, сравнивая «Сокровищницу русской жизни и юмора» Курноса [1943] и «Сокровищницу

¹⁴ В свою очередь переводчик Исаак Гольдберг (Isaac Goldberg, 1887–1938) на основе одного рассказа в «Современной русской классике» характеризует Сологуба как мастера психологии; в единственном относящемся к творчеству писателя предложении он спрашивает: «Сколько из наших застенчивых техников могут справиться с неуловимой историей ненормального психологического фона с прямой простотой, как Сологуб в “Белой собаке”»? [Goldberg 1919, 8]. Этот перевод переиздан в 1926 году в журнале «Странные рассказы» (Weird Tales Magazine) (Февраль 1926 г., Т. 7. № 2. С. 211–214.).

русской литературы» Герни [1943], резко критиковал подборку произведений, комментарии и переводы Курноса, но находил переводы Герни «близкими к совершенству» (Nabokov, 1944, p. 93). Что касается содержания, Набоков не без сожаления отметил, что в этих двух антологиях представлен Сологуб, «тот очень второстепенный писатель, к которому Англия и Америка проявляют такое необъяснимое пристрастие»¹⁵ (Nabokov, 1944, p. 92).

Это не единственный случай, когда Набоков скептически отзывался о литературных вкусах британских и американских читателей; также хорошо известна его неприязнь к пользующемуся колоссальной популярностью Достоевскому. Несмотря на резкие высказывания признанного корифея русской словесности, после 1960 года Сологуб был вновь открыт читателями, критиками и учеными в англоязычных странах. На какое-то время он фактически становится более популярным, чем ранее (до 1950 г.), вновь привлекает внимание ученых и читателей. Печатаются новые переводы как ранее переведенных, так и не переведенных произведений (Sologub, 1978; Sologub, 1979). Сологуб представлен в новейших антологиях (например: Lodge, 2007); издаются сборники, посвященные исключительно его произведениям (например: Sologub, 1977; Sologub, 1997). После 1960 года началась новая эра в восприятии Федора Сологуба в англоязычных странах.

Библиографический список

- Азадовский К.М.* Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Русская литература. 2020. № 1. Приложение. Александр Браунер. Письма Федору Сологубу 1897–1912 годов (подготовка текста и комментарии М.М. Павловой). С. 122–161.
- Аршинова И.В.* Серебряный век в «Трудах англо-русского литературного общества» // Русская литература. 2018. № 4. С. 91–96.
- Бабилов А.А.* Письмо В.В. Набокова к Е.А. Малоземовой // Литературный факт. 2018. № 10. С. 385–392.
- Белый А.* Истлевающие личины // Критическое обозрение 3, 1907. С. 27.
- Богомолов Н.А.* Письма С.А. Соколова и Л.Д. Рындиной к Ф. Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской (1904–1915) / вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н.А. Богомолова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М.: НЛЮ, 2016. С. 140–237.
- Гамалова Н.* Осип Мандельштам во французских антологиях русской поэзии // *Literatura* (Vilnius) 2020. № 62(2). С. 92–111. <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.5>
- Группильон Б.* Федор Сологуб. Истлевающие личины // Перевал. 1907. № 7 (май). С. 54–56.
- Ильёв С.П.* К.Д. Бальмонт – обозреватель русской литературы конца XIX века // Блоковский сборник. 1986. № 7. С. 99–112.
- Ильёв С.П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала “The Athenaeum” (1901–1906) // Брюсовские чтения 1980 года. 1983. С. 275–349.
- Ильёв С.П.* Статьи В. Брюсова “The Athenaeum” // Брюсовские чтения 1971 года. 1973. С. 569–579.

¹⁵ Sologub, that very minor writer for whom England and America show such an unaccountable predilection.

Ильёв С.П. 1993. Уильям Ричард Морфилл и русские символисты (Бальмонт, Брюсов, “Athenaeum” и “Весы”) // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1993. № 25. С. 33–40.

Коростелев О.А., Ефимов М.В. «Судья строгий, но праведный»: статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922–1929). (Вступит. статья, подготовка текста и комментарии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; пер. с англ. М.В. Ефимова) // *Русская литература*. 2013. № 3. С. 199–232.

Павлова М.М. Федор Сологуб и Ан.Н. Чеботаревская. Переписка с А.А. Измайловым // *Ежегодник рукописного отдела пушкинского дома на 1995*. СПб: Дмитрий Буланин, 1999. С. 194–293.

Сологуб Ф. В тусклый день // *Биржевые ведомости*. 1916. № 15176 (1 апр.) утр. Выпуск. С. 2–3.

Сологуб Ф. Мировая громада // *Биржевые ведомости*. 1915. № 14638 (28 янв.) утр. выпуск. С. 3.

Стеклов Ю.М. О творчестве Федора Сологуба // *Литературный распад: критический сборник*. Кн. 2. СПб.: Книгоиздательство «EOS», 1909. С. 165–216.

Стрельникова А.Б., Сысоева А.В. Сборник рассказов Федора Сологуба «The Old House and Other Tales» в переводе Джона Курноса: Вопросы рецепции и конкуренции // *Русская литература*. 2020. № 2. С. 122–131.

Тименчик Р. Последний поэт: Ахматова в 60-е годы. М., 2015. Т. 2.

Тихомирова Ю.А. Русская классическая поэзия в англоязычных антологиях: стратегия репрезентации // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 3. С. 173–181.

Филичева В.В. Дополнения к описанию библиотеки Ф. Сологуба // *Федор Сологуб: Разыскания и материалы*. М: НЛЮ, 2016. С. 710–732.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 511 p.

Anon. An American Fruit Farm: its Selection, Management for Profit and Pleasure. By Francis Newton Thorpe. (Putnam’s Sons, NY) // *Journal of the Royal Horticultural Society*. 1915. No. XLI (часть II). P. 351.

Anon. The Art of the Short Story in Russia // *The New York Times*. 1915. (November 14). P. 443–446.

Balmont C. Russia // *The Athenaeum*. 1898. No. 3688 (July 2). P. 25–26.

Barker M.G. The Novels of Fedor Sologub: Ph.D. dissertation. Yale University, 1969.

Beasley R. Modernism’s Translations // *The Oxford Handbook of Global Modernisms*. NY: Oxford UP, 2012. P. 551–570.

Bechhofer C.E. Russian Literature Today // *Times Literary Supplement*. 1921 (October 13). P. 661.

De Bogdanovitch L. A Cursory Review of Russian Literature for the Year 1896 // *The Anglo-Russian Literary Society Proceedings*. 1897. No. 16 (November, December 1896, January 1897). P. 49–65.

Bowra C.M. A Book of Russian Verse. London: Macmillan & Co., LTD, 1943. 127 p.

Bowra M. Poets of Russia // *Times Literary Supplement*. 1949 (April 2). P. 222.

Bowring J. Specimens of the Russian Poets with Preliminary Remarks and Biographical Notices. London: Hunter, 1821. 280 p.

Bowring J. Specimens of the Russian Poets with Introductory Remarks: Part the Second. London: Whittaker, 1823. 271 p.

Bristol E.C. Fedor Sologub’s Postrevolutionary Poetry // *The American Slavic and East European Review*. 1960a. No. 19.3 (October). P. 414–422.

Bristol E.C. The Lyric Poetry of Fedor Sologub: Ph.D. dissertation. University of California, Berkeley, 1960b.

Briusov V. Russia // *The Athenaeum*. 1904. No. 4010 (Sept. 3). P. 312–314.

Briusov V. Russian Literature // *The Athenaeum*. 1905. No. 4068 (Oct. 14). P. 500–502.

Brodsky P.P. Fedor Sologub, Optimist of Death: A Thematic Analysis of His Short Prose and a Comparison with Selected German and American Authors: Ph.D. dissertation. University of California, Berkeley, 1972.

Cournos J. *Autobiography*. NY: G.P. Putnam's Sons, 1935. 344 p.

Cournos J. Russian Literature in Exile // *Time Literary Supplement*. 1920 (December 30). P. 888.

Field A. The Created Legend: Sologub's Symbolic Universe // *The Slavic and East European Journal*. 1961. No. 5.4. P. 341–349.

Field A. The Theatre of Two Wills: Sologub's Plays // *The Slavonic and East European Review*. 1962. No. 41. P. 80–88.

Forsyth J. Introduction // Федор Сологуб: Мелкий бес / F. Sologub: Shabby Demon. Letchworth, UK: Bradda Books, 1966. P. 1–5.

Gasse I. The British Reception of Early Soviet Fiction 1917–1934 // *Key Words: A Journal of Cultural Materialism*. 2012. No. 10. P. 68–87.

Guthrie A.L. Garshin, Kuprin, Sologub and Other Short Stories // *Russian Literature: A Study Outline*. NY: H.W. Wilson Company, 1917. P. 41–42.

Ivanits L.J. The Grotesque in F.K. Sologub's Novel "The Petty Demon": Ph.D. dissertation. The University of Wisconsin-Madison, 1973.

Kalbouss G. The Plays of Fjodor Sologub: Ph.D. dissertation. New York University, 1968.

Kostka E. Heinrich Mann and Fedor Sologub // *Rivista di letteratura moderne e compare*. 1965. No. 18.1. P. 245–258.

Lodge K. The Dedalus Book of Russian Decadence: Perversity, Despair and Collapse. Gardena, CA: Dedalus, 2007.

Maslennikov O. Fyodor Sologub // *Columbia Dictionary of Modern European Literature*. NY: Columbia University Press, 1947. P. 761–762.

Maude A. The Treatment of Jews in Russia // *The Times Literary Supplement*. 1917 (December 13). P. 606.

May R. Russian Literary Translation into English // *Encyclopedia of Literary Translation into English*. Vol. 2. M-Z. London: Fitzroy Dearborn, 2000. P. 1204–1209.

Mirski D.S. A Russian Letter. The Symbolists // *The London Mercury*. 1921 (February) No. 16. P. 427–430.

Mirski D.S. The Literature of Bolshevik Russia // *The London Mercury*. 1922. No. 27. P. 276–285.

Modern Russian Poetry: An Anthology / by B. Deutsch and A. Yarmolinsky. New York: Harcourt, Brace, 1921. 181 p.; 1927. 254 p.

Modern Russian Poetry: Texts and Translations / by Paul Selver. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd. 1917. 92 p.; 1919. 371 p.

Nabokov V. Cabbage Soup and Caviar // *The New Republic*. 1944 (January 17). P. 92–93.

Poggioli R. Fedor Sologub // *The Poets of Russia, 1890–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 105–111.

Reeve F.D. The Geometry of Prose // *The Kenyon Review*. 1963. No. 1. P. 9–25.

Ronen O. Toponyms of Fedor Sologub's Tvorimaja Legenda // *Die Welt der Slaven*. 1968. No. 13. P. 307–316.

Rudzinsky B.A. Selection of Russian Poetry. Oxford: Blackie and son Limited, 1917. 102 p.

Slonim M. From Chekhov to the Revolution: Russian Literature 1900-1917. NY: Oxford UP, 1962. 256 p.

Sologub F. Bad Dreams / translated by Vassar Smith. Ann Arbor: Ardis Press, 1978. 298 p.

- Sologub F.* Consolation, a Story: Selected Verse / translated by Vassar W. Smith. Barbary Coast Books, 1997. 186 p.
- Sologub F.* The Created Legend / translated by Samuel D. Cioran. Ann Arbor: Ardis Press, 1979. Vol. 1: Drops of Blood, 219 p. Vol. 2. Queen Ortruda, 249 p. Vol. 3. Smoke and Ashes, 137 p.
- Sologub F.* The Kiss of the Unborn and Other Stories by Fedor Sologub / translated by Murl G. Barker. Knoxville: University of Tennessee Press, 1977. 214 p.
- Sologub F.* The Little Demon / translated by Ronald Wilks. London: New English Library, 1962a. 336 p.
- Sologub F.* The Petty Demon / translated by Andrew Field. NY: Random House, 1962b. 355 p.
- Struve G.* Histoire de la littérature russe (Paris, 1946) by M. Hofmann // Slavonic and East European Review. 1946. No. 25. P. 617–618.
- Tchougounova-Paulson E.E.* Chronology of the English Translations of Alexander Blok's Works: History and Modernity // Новый филологический вестник. 2019. No. 3 (50). P. 249–260. 10.24411/2072-9316-2019-00076
- The Shield. Edited by Maxim Gorky, Leonid Andreyev and Fyodor Sologub. NY: Alfred A. Knopf, 1917. 213 p.
- Tverskoy P.A.* Vladimir G. Korolenko // Russian Review. 1916. No. II (5). P. 213–219.
- Vaninskaya A.* Kornei Chukovsky in Britain // Translation and Literature. 2011. No. 3. P. 373–392.
- Williams H.W.* Fedor Sologub // Russia of the Russians. London: Sir Isaac Pitman and Sons, 1914. P. 213–216.
- Williams H.* Russian Poetry // Times Literary Supplement [London, England]. 1925 (29 January). P. 68.
- Woodward J.B.* From Brjusov to Ajkhenvald: Attitudes to the Russian Theatre, 1902–1914 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1965. No. 7. P. 173–188.

References

- Anon. (1915). An American Fruit Farm: its Selection, Management for Profit and Pleasure. By Francis Newton Thorpe. (Putnam's Sons, NY). *Journal of the Royal Horticultural Society*, (XLI) (part II).
- Anon. (1915, November 14). The Art of the Short Story in Russia. *The New York Times*, 443–446.
- Arshinova, I.V. (2018). Silver Age in “Anglo-Russian Literary Society Works”. *Russkaya Literatura*, (4), 91–96. (In Russ.)
- Azadovsky, K.M. (2020). Viennese Accent: Fedor Sologub and His Translator. *Russkaya Literatura*, (1), 122–161. (In Russ.)
- Babikov, A.A. (2018). Letter of V.V. Nabokov to E.A. Malozemova. *Literary Fact*, (10), 385–392. (In Russ.)
- Balmont, C. (1898, July 2). Russia. *The Athenaeum*, (3688), 25–26.
- Barker, M.G. (1969). *The Novels of Fedor Sologub* (Ph.D. dissertation). Yale University.
- Beasley, R. (2012). Modernism's Translations. *The Oxford Handbook of Global Modernisms* (pp. 551–570). NY: Oxford UP.
- Bechhofer, C.E. (1921, October 13). Russian Literature Today. *Times Literary Supplement*, 661.
- Bely, A. (1907). Masks in Decay. *Kriticheskoe Obozrenie*, (3), 27. (In Russian)
- Bogomolov, N.A. (2016). Letters of S.A. Sokolov and L.D. Ryndina to F. Sologub and A.N. Chebotarevskaya (1904–1915). *Fedor Sologub: Research and Materials* (pp. 140–237). Moscow: NLO. (In Russ.)

- Bowra, C.M. (1943). *A Book of Russian Verse*. London: Macmillan & Co., LTD.
- Bowra, C.M. (1949, April 2). Poets of Russia. *Times Literary Supplement*, 222.
- Bowring, J. (1821). *Specimens of the Russian Poets with Preliminary Remarks and Biographical Notices*. London: Hunter.
- Bowring, J. (1823). *Specimens of the Russian Poets with Introductory Remarks: Part the Second*. London: Whittaker.
- Bristol, E.C. (1960a, October). Fedor Sologub's Postrevolutionary Poetry. *The American Slavic and East European Review*, (19.3), 414–422.
- Bristol, E.C. (1960b). *The Lyric Poetry of Fedor Sologub* (Ph.D. dissertation). University of California, Berkeley.
- Briusov, V. (1904, September 3). Russia. *The Athenaeum*, (4010), 312–314.
- Briusov, V. (1905, October 14). Russian Literature. *The Athenaeum*, (4068), 500–502.
- Brodsky, P.P. (1972). *Fedor Sologub, Optimist of Death: A Thematic Analysis of His Short Prose and a Comparison with Selected German and American Authors* (Ph.D. dissertation). University of California, Berkeley.
- Cournos, J. (1920, December 30). Russian Literature in Exile. *Time Literary Supplement*, 888.
- Cournos, J. (1935). *Autobiography*. NY: G.P. Putnam's Sons.
- De Bogdanovitch, L. (1897, November, December 1896, January 1897). A Cursory Review of Russian Literature for the Year 1896. *The Anglo-Russian Literary Society Proceedings*, (16), 49–65.
- Deutsch, B., & Yarmolinsky, A. (1921, 1927). *Modern Russian Poetry: An Anthology*. New York: Harcourt, Brace.
- Field, A. (1961). The Created Legend: Sologub's Symbolic Universe. *The Slavic and East European Journal*, (5.4), 341–349.
- Field, A. (1962). The Theatre of Two Wills: Sologub's Plays. *The Slavonic and East European Review*, (41), 80–88.
- Filicheva, V.V. (2016). Additional Materials to Fedor Sologub's Library Descriptions. *Fedor Sologub: Research and Materials* (pp. 710–732). Moscow: NLO. (In Russ.)
- Forsyth, J. (1966). Introduction. *Федор Сологуб: Мелкий бек / F. Sologub: Shabby Demon* (pp. 1–5). Letchworth, UK: Bradda Books.
- Gamalova, N. (2020). Osip Mandelstam in French Anthologies of Russian Poetry. *Literatura (Vilnius)*, 62(2), 92–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.5>
- Gasse, I. (2012). The British Reception of Early Soviet Fiction 1917–1934. *Key Words: A Journal of Cultural Materialism*, (10), 68–87.
- Gruppilion, B. (1907). Fedor Sologub. Masks in Decay. *Pereval*, (7), 54–56. (In Russ.)
- Guthrie, A.L. (1917). Garshin, Kuprin, Sologub and Other Short Stories. *Russian Literature: A Study Outline* (pp. 41–42). NY: H.W. Wilson Company.
- Hansen-Leve, A. (1999). *Russian Symbolism. The System of Poetical Motifs. Early Symbolism*. Saint-Petersburg: Akademicheskyy Proekt Publ. (In Russ.)
- Iliev, S.P. (1973). V. Briusov's Articles in "The Athenaeum". *Briusovskie Chteniya 1971* (pp. 569–579). (In Russ.)
- Iliev, S.P. (1983). Valery Briusov's Reviews of Russian Literature for "The Athenaeum" (1901–1906) (pp. 275–349). *Briusovskie Chteniya, 1980*. (In Russ.)
- Iliev, S.P. (1986). K.D. Balmont — an Observer of Russian Literature of the Late XIX Century. *Blokovsky Sbornik*, (7), 99–112. (In Russ.)
- Iliev, S.P. (1993). William Richard Morfill and Russian Symbolists (Balmont, Briusov, "Athenaeum" and "Vesy"). *Studia Rossica Posnaniensia*, (25), 33–40. (In Russ.)
- Ivanits, L.J. (1973). *The Grottesque in F.K. Sologub's Novel "The Petty Demon"* (Ph.D. dissertation). The University of Wisconsin-Madison.

- Kalbouss, G. (1968). *The Plays of Fjodor Sologub* (Ph.D. dissertation). New York University.
- Korostelev, O.A., Efimov, M.V. (2013). “The Judge is Strict, but Just”: D. Mirsky’s Articles and Reviews in “The Slavonic Review” (1922–1929). *Russkaya Literatura*, (3), 199–232. (In Russ.)
- Kostka, E. (1965). Heinrich Mann and Fedor Sologub. *Rivista di letteratura moderne e compare*, (18.1), 245–258.
- Lodge, K. (2007). *The Dedalus Book of Russian Decadence: Perversity, Despair and Collapse*. Gardena, CA: Dedalus.
- Maslennikov, O. (1947). Fyodor Sologub. *Columbia Dictionary of Modern European Literature* (pp. 761–762). NY: Columbia University Press.
- Maude, A. (1917, December 13). The Treatment of Jews in Russia. *The Times Literary Supplement*, 606.
- May, R. (2000). Russian Literary Translation into English. *Encyclopedia of Literary Translation into English*. (Vol. 2, pp. 1204–1209). M-Z. London: Fitzroy Dearborn.
- Mirski, D.S. (1921, February). A Russian Letter. The Symbolists. *The London Mercury*, (16), 427–430.
- Mirski, D.S. (1922). The Literature of Bolshevik Russia. *The London Mercury*, (27), 276–285.
- Nabokov, V. (1944, January 17). Cabbage Soup and Caviar. *The New Republic*, 92–93.
- Pavlova, M.M. (1999). Fedor Sologub and A.N. Chebotarevskaya. Correspondence with A.A. Izmailov. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela puskinskogo doma na 1995* (pp. 194–293). Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (In Russ.)
- Poggioli, R. (1960). Fedor Sologub. *The Poets of Russia, 1890–1930* (pp. 105–111). Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Reeve, F.D. (1963). The Geometry of Prose. *The Kenyon Review*, (1), 9–25.
- Ronen, O. (1968). Toponyms of Fedor Sologub’s Tvorimaja Legenda. *Die Welt der Slaven*, (13), 307–316.
- Slonim, M. (1962). *From Chekhov to the Revolution: Russian Literature 1900–1917*. NY: Oxford UP.
- Rudzinsky, B.A. Selection of Russian Poetry. Oxford: Blackie and son Limited, 1917.
- Selver, P. (1917, 1919). *Modern Russian Poetry: Texts and Translations*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.
- Sologub, F. (1915, January 28). The World Colossus. *Birzheviye Vedomosti*, (14638), 3. (In Russ.)
- Sologub, F. (1916, April 1). On a Dim Day. *Birzheviye Vedomosti*, (15176), 2–3. (In Russ.)
- Sologub, F. (1962). *The Little Demon*. London: New English Library.
- Sologub, F. (1962). *The Petty Demon*. NY: Random House.
- Sologub, F. (1977). *The Kiss of the Unborn and Other Stories by Fedor Sologub*. Knoxville: University of Tennessee Press.
- Sologub, F. (1978). *Bad Dreams*. Ann Arbor: Ardis Press.
- Sologub, F. (1979). *The Created Legend*. Ann Arbor: Ardis Press, 1979.
- Sologub, F. (1997). *Consolation and Selected Verse*. Barbary Coast Books.
- Steklov, Yu.M. (1909). On Fedor Sologub’s Works. *Literurny Raspad: Kriticheskii Sbornik* (pp. 165–216, Book. 2). Saint-Petersburg: “EOS” Publ. (In Russ.)
- Strelnikova, A.B., Sysoeva, A.V. (2020) Fedor Sologub’s Collection of Stories “The Old House and Other Tales” in John Cournos’s Translation: Reception and Rivalry. *Russkaya Literatura*, (2), 122–131. (In Russ.)
- Struve, G. (1946). Histoire de la littérature russe (Paris, 1946) by M. Hofmann. *Slavonic and East European Review*, (25), 617–618.

Tchougounova-Paulson, E.E. (2019). Chronology of the English Translations of Alexander Blok's Works: History and Modernity. *The New Philological Bulletin*, 3 (50), 249–260. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00076>

Gorky, M., Andreyev, L., & Sologub, F. (Eds.). (1917). *The Shield*. NY: Alfred A. Knopf.

Tikhomirova, Yu.A. (2014). Russian Classic Poetry in English-language Anthologies: Strategy of Representation. *Siberian Journal of Philology*, (3), 173–181. (In Russ.)

Timenchik, R. (2015). The Last Poet: Akhmatova in the 60s. Moscow. (Vol. 2). (In Russ.)

Tverskoy, P.A. (1916). Vladimir G. Korolenko. *Russian Review*, II (5), 213–219.

Vaninskaya, A. (2011). Kornei Chukovsky in Britain. *Translation and Literature*, (3), 373–392.

Williams, H. (1925, January 29). Russian Poetry. *Times Literary Supplement* [London, England], 68.

Williams, H.W. (1914). Feodor Sologub. *Russia of the Russians* (pp. 213–216). London: Sir Isaac Pitman and Sons.

Woodward, J.B. (1965). From Brjusov to Ajkhenvald: Attitudes to the Russian Theatre, 1902–1914. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, (7), 173–188.

Yarmolinsky, A. (1949). *A Treasury of Russian Verse*. New York: The Macmillan company.

Приложение А / Application A

Стихотворения Сологуба в англоязычных антологиях 1915–1950
Sologub's Poems in English Anthologies 1915–1950

Название (дата написания; дата первой публикации на русском языке) / Title (date of writing; date of the first publication in Russian)	Английское название / English title	Первая публикация на английском языке / First publication in English	Источник / Source
Амфора / «В амфоре, ярко расцвеченной» (1891; 1893)	The Amphora. “In a gay jar upon his shoulder”	1921	Deutsch & Yarmolinsky, 1921, 1927; van Doren, 1928; Yarmolinsky, 1949
	The Amphora. “In an amphora brightly patterned”	1943	Guerny
	The Jar. “Inside a jar with painted flowers”	1943	Bowra
Ангел благого молчанья / «Грудь ли томится от зною» (1900; 1904)	The Angel of Kindly Silence. “Whether the heat is oppressive”	1929	Coxwell
«Благословляю, жизнь моя» (1893; 1893)	Praise of Sorrow. “O my life,”	1923	Courmos, 1923; Courmos, 1943
«В село из леса она пришла» (1902; 1905)	“She was in a village by a forest side”	1943	Bowra
В этот час / «В этот час когда грохочет в небе грозный гром» (1915; 1915)	In this hour. “In this hour, when darkened skies are by the awful thunder rent”	1917 (Russian Review, 1916)	Selver, 1917

Продолжение прил. А / Continuation of App. A

Название (дата написания; дата первой публикации на русском языке) / Title (date of writing; date of the first publication in Russian)	Английское название / English title	Первая публикация на английском языке / First publication in English	Источник / Source
«Восставил Бог меня из влажной глины» (1896; 1903)	“From moistened clay by God I was created”	1917	Selver
	“As God’s creation from the soil”	1929	Coxwell
	“God, who created me from sodden clay”	1943	Bowra
Песенка / «День туманный» (1898; 1904)	Song. “Gloomy day”	1917	Rudzinsky
	Song. “Day is over”	1929	Coxwell
«Еще томительно горя» (1898; 1901)	“The stifling day was harsh and hot”	1948	Bowra
Злой дракон, горящий ярко там, в зените» (1904; 1907)	“Evil dragon, ‘mid the zenith hotly burning”	1917	Selver 1917; Selver 1919
	The Dragon. “Evil dragon in the zenith fiercely glowing”	1921	Deutsch & Yarmolinsky 1921, 1927
	Evil Dragon. “Evil dragon in the zenith fiercely glowing”	1949	Yarmolinsky
«Когда я в бурном море плавал» (1902; 1903)	“When, heaving on the stormy waters”	1921	Deutsch & Yarmolinsky, 1921, 1927
	“When, tossed upon the stormy waters”	1949	Yarmolinsky
«Люблю я грусть твоих просторов» (1903; 1906)	“I love the sadness of thine endless spaces”	1917	Rudzinsky
	“I love thy sad and endless space”	1929	Coxwell
«Мы устали преследовать цели» (1894; 1896)	We are weary. “We are weary of steering a course”	1949	Yarmolinsky
Выбор / «На перепутьи бытия» (1888; 1910)	The Crossroad. “At Being’s crossroad”	1931	Saminsky
«О, жизнь моя без хлеба...» (1898; 1904)	“O, my life is without bread”	1917	Rudzinsky
«О, Русь! в тоске изнемогая» (1903; 1904)	“O Russia! growing weak with longing”	1917	Rudzinsky
«Опять меня объемлет лень» (1894; 1904)	The Lying Day. “Again an idle ghost has gripped me”	1927	Saminsky, 1927; Saminsky, 1931
«Побеждайте радость» (1897; 1900)	“Vanquish all your gladness”	1943	Guerney

Окончание прил. А / *Ending of App. A*

Название (дата написания; дата первой публикации на русском языке) / Title (date of writing; date of the first publication in Russian)	Английское название / English title	Первая публикация на английском языке / First publication in English	Источник / Source
«По жестоким путям бытия» (1890; 1895)	Compensation. “I roam in the cruel paths of life”	1923	Cournos, 1923; Cournos, 1943
«Просыпаюсь рано» (1896; 1900)	Lullaby for a Grown-Up. “When I woke from slumber”	1942	Shelley
«Скифские суровые дали» (1918; 1921)	“Harsh are my Scythian surroundings”	1929	Coxwell
«Суровый звук моих стихов» (1899; 1904)	“Austere the music of my songs”	1921	Deutsch & Yarmolinsky, 1921, 1927; van Doren, 1928
	“Austere my verse: therein are heard”	1949	Yarmolinsky
Тихая колыбельная / «Много бегал мальчик мой» (1906; 1907)	Lullaby in Undertones. “Running barefoot all the day”	1943	Bowra
Триолеты северу 1. «Земля докучная и злая» (1913; 1914)	“Thou earth with guile and irksome woe”	1917	Selver, 1917; Selver, 1919
Триолеты северу 2. «Любите, люди, землю, землю» (1913; 1914)	“The earth, the earth, ye men, revere”	1917	Selver, 1917; Selver, 1919
Триолеты северу 3. «Сердце дрогнуло от радости» (1913; 1913)	“Quivers the heart with joyousness”	1917	Selver
Триолеты северу 4. «Купол церкви, крест и небо» (1913; 1913)	“Church-spire, crucifix, and sky”	1917	Selver
Триолеты северу 5. «Какая радость, по дорогам» (1913; 1914)	“What delight, from place to place”	1917	Selver, 1917; Selver, 1919
Чертовы качели / «В тени косматой ели» (1907; 1907)	The Devil’s Swings. “Below a pine’s rough shadow”	1921	Deutsch & Yarmolinsky, 1921, 1927
	The Devil’s Swing. “Beneath a shady pine”	1942	Shelley
	The Devil’s Swing. “Beneath a shaggy pine”	1949	Yarmolinsky
«Этот зыбкий туман над рекой» (1895; 1896)	“Over the river the hazes that flow”	1917	Selver
«Я был один в моем раю» (1905; 1907)	In my Eden I was alone	1943	Cournos
«Я к ней пришел издалека» (1905; 1906)	“I came. Cool are the meadows here”	1948	Bowra

Рассказы и «сказочки» Федора Сологуба в англоязычных антологиях 1915–1950
Stories and “fairy tales” by Fyodor Sologub in English-language anthologies 1915–1950

Название (дата первой публикации на русском языке) / Title (date of the first publication in Russian)	Английское название / English title	В каких антологиях / Included in the following anthologies
Алая лента (1912)	The Crimson Ribbon	Graham, 1915
Белая мама (1898)	The White Mother	Cournos, 1915; Hammerton, 1920; Townsend, 1924
Белая собака (1908)	The White Dog	Cournos, 1915; Goldberg, 1919
Благоуханное имя (1905)	The Sweet-Smelling Name	Graham, 1915
Будущие (1905)	The Future	Graham, 1915
	The Unborn	Cournos, 1943
Бык (1905)	The Bull	Graham, 1915
Венчанная (1913)	She Wore a Crown	Graham, 1915
Глаза (1905)	Eyes, Eyelings, Stare-Eyes	Cournos, 1943
Голодный блеск (1907)	The Glimmer of Hunger	Cournos, 1915
	The Hungry Gleam	Graham, 1915
	The Gleam of Hunger	Cournos, 1943
Дама в узах (1912)	The Lady in Fetters	Graham, 1915
Две свечи, одна свечка, три свечи (1905)	The Candles	Graham, 1915
Дорога и свет (1905)	The Road and the Light	Graham, 1915
Дрова (1913)	Fuel	Cournos, 1943
За рекою Мейрур (1906)	On the Other Side of the River Mairure	Graham, 1915
Золотой кол (1905)	The Golden Post	Graham, 1915
Капля и пылинка (1913)	A Marriage	Cournos, 1943
Ключ и отмычка (1906)	The Keys	Graham, 1915
Крылья (1906)	Wings	Graham, 1915; Tyler, 1921
Кусочек сахара (1905)	The Lump of Sugar	Graham, 1915
Леденчик (1905)	The Bit of Candy	Graham, 1915
Лоэнгрин (1911)	Lohengrin	Graham, 1915
Лягушки (1905)	Frogs	Graham, 1915
Маленький человек (1905)	The Tiny Man	Selver, 1919
Мечта на камнях (1912)	Who art Thou?	Graham, 1915
Нежный мальчик (1905)	The Delicate Child	Graham, 1915
Неутомимость (1916)	The Lengthening Chain	Stephens, 1916

Название (дата первой публикации на русском языке) / Title (date of the first publication in Russian)	Английское название / English title	В каких антологиях / Included in the following anthologies
Обруч (1902)	The Hoop	Cournos, 1915; Hammerton, 1920; Russian Short Stories, 1943 ¹⁶
Обыск (1908)	The Search	Cournos, 1915
Одежды лилии и капустные одежки (1905)	The Dress of the Lily and of the Cabbage	Graham, 1915
	The Rainment of the Lily and the Clothing of the Cabbage	Bruno, 1919
	The Lily and the Cabbage	Cournos, 1943
Чудо отрока Лина (1906)	Slayers of Innocent Babes	Graham, 1915
Палочка (1905)	The Little Stick	Graham, 1915
Песенки (1905)	Little Songs	Cournos, 1943
Плененная смерть (1905)	Captive Death	Cournos, 1943
Поцелуй нерожденного (1911)	The Kiss of the Unborn	Graham, 1915
Призывающий зверя (1906)	The Invoker of the Beast	Cournos, 1915; Hammerton, 1920
	The Herald of the Beast	Graham, 1915; Graham, 1929
Прятки (1898)	Hide and Seek	Cournos, 1915; Seltzer, 1917; Haydn & Cournos, 1947
Путешественник-камень (1905)	Adventures of a Cobble-stone	Graham, 1915; Graham, 1929
Равенство (1905)	Equality	Graham, 1915; Graham, 1929
Самостоятельные листья (1913)	The Independent Leaves	Graham, 1915
Свет и тени (1894)	Light and Shadows	Cournos, 1915
Сделался лучше (1905)	He Became Better	Cournos, 1943
Сказки на грядках и сказки во дворе (1905)	Fairy Tales in the Garden and Fairy Tales at Court	Cournos, 1943
Смертерадостный покойничек (1906)	The Merry Dead Man	Bruno, 1919
Согнутые ноги (1913)	The Bent-Kneed One	Cournos, 1943
Сон утешающий (1909)	A Soothing Dream	Hammerton, 1920
Соединяющий души (1906)	The Uniter of Souls	Cournos, 1915; Cournos, 1943
Стал маленьким (1905)	The Man Who Became Smaller	Cournos, 1943
Старый дом (1909)	The Old House	Cournos, 1915
Три плевка (1906)	Three Gobs of Spit	Cournos, 1943; Guerne, 1943
Турандина (1912)	Turandina	Graham, 1915; Graham 1929
Улыбка (1897)	The Smile	Cournos, 1915
Хрыч да хрычовка (1905)	Dotard and Dotardess	Cournos, 1943
Что будет? (1913)	So Arose a Misunderstanding	Graham, 1915

¹⁶ Во введении (Russian Short Stories. С. 5) редакторы благодарят Seeker и Warburg LTD за разрешение использовать рассказ Сологуба «Улыбка» из сборника «Старый дом» в переводе Джона Курноса, однако вместо него в сборнике опубликован рассказ «Обруч» (С. 344–348).

**Англоязычные антологии, включающие произведения Сологуба, 1915–1950 гг. /
English-language anthologies including Sologub's works, 1915–1950**

Антология / Anthology	Библиографические сведения / Bibliographic information	Последующие издания / Subsequent editions
Bowra, 1943	A Book of Russian Verse. Translated into English by various hands and edited by C.M. Bowra. London: MacMillan & Co	Второе издание / Second edition, 1947
Bowra, 1948	A Second Book of Russian Verse. Translated into English by various hands and edited by C.M. Bowra. London: MacMillan & Co	
Bruno, 1919	Judas Iscariot and Other Tales. Guido Bruno	
Cournos, 1915	The Old House and Other Tales by Feodor Sologub. Translated from the Russian by John Cournos. London: Martin Secker	Переиздан / Reissue: The Old House and Other Stories. Translated from the Russian of Feodor Sologub by John Cournos. NY: Alfred A. Knopf, 1916; London: Martin Secker, 1928
Cournos, 1923	In Exile. New York: Boni and Liveright Publishers	
Cournos, 1943	A Treasury of Russian Life and Humor. Edited, with an Introduction by John Cournos. NY: Coward-McGann, Inc. 1943	
Coxwell, 1929	Russian Poems. Translated with Notes by C. Fillingham Coxwell. With Introduction by Prince Mirsky. London: C.W. Daniel Company	
Deutsch & Yarmolinsky, 1921	Modern Russian Poetry: An Anthology. Chosen and Translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. NY Harcourt Brace and Company	Переиздан / Reissue: London: John Lane the Bodley Head Ltd., 1923
Deutsch & Yarmolinsky, 1927	Russian Poetry: An Anthology. Chosen and Translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. New York: International Publishers	Переиздан / Reissue: London: Lawrence, 1929
Goldberg, 1919	Modern Russian Classics. Introduction by Isaac Goldberg. Boston: The Four Seas Company Publishers	Переиздан / Reissue: 1936
Graham, 1915	The Sweet-Scented Name and Other Fairy Tales, Fables, and Stories by Fedor Sologub. Edited by Stephen Graham. London: Const-able and Co.	Переиздан / Reissue: NY: G. P. Putnam's Sons, 1915
Graham, 1929	Great Russian Short Stories. Edited by Stephen Graham. NY: Horace Liveright Publishers	

Продолжение прил. В / Continuation of App. B

Антология / Anthology	Библиографические сведения / Bibliographic information	Последующие издания / Subsequent editions
Guerneу, 1943	A Treasury of Russian Literature. Ed. by Bernard Guilbert Guerneу. NY: The Vanguard Press	
Hammerton, 1920	The Masterpiece Library of Short Stories. Vol. XII: Russian. 1920. Edited by J.A. Hammerton. London: The Educational Book Company	
Haydn & Cournos, 1947	A World of Great Stories. Ed. Hiram Haydn and John Cournos. NY: Crown Publishers	
Rudzinsky, 1917	Poems Selected from Karamzin, Pushkin, Tyutchev, Lermontov, Count A. Tolstoy, Nikitin, Pleshcheyev, Nadson, and Sologub. Edited with Biographical Sketches, English Translations, and Notes by B.A. Rudzinsky. Assisted by Stella Gardiner. Introduction by Sir Donald Macalister. London: H.S. Marshal	Переиздан / Reissue: Edinburgh and Glasgow: John Menzies & Co., 1917; Glasgow and Bombay: Blackie and Son Ltd., 1918
Russian Short Stories, 1943	Russian Short Stories. London: Faber and Faber	
Saminsky, 1927	Lazare Saminsky. The Lying Day. A Cycle of Seven Songs. op. 8 (1914). English Translations by Lillian Saminsky. Vienna: Universal-Edition A. G.	
Saminsky, 1931	Poems and Adaptations. By Lillian Saminsky. Oxford: Oxonian Press	Второе издание / Second edition: NY: Art Publications, 1947
Seltzer, 1917	Best Russian Short Stories. Compiled and Edited by Thomas Seltzer. NY: Boni and Liveright Publishers	Переиздан / Reissue: NY: Modern Library, 1925
Selver, 1917	Modern Russian Poetry. Texts and Translations. Selected and Translated with an Introduction by P. Selver. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co / New York: E. P. Dutton & Co	
Selver, 1919	Anthology of Modern Slavonic Literature in Prose and Verse. Translated by P. Selver. With an Introduction and Literary Notes. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. New York: E. P. Dutton & Co	
Shelley, 1942	Modern Poems from Russia. Translated by Gerard Shelley. London: George Allen & Unwin Ltd	
Stephens, 1916	The Soul of Russia. London, New York: MacMillan	

Окончание прил. В / Ending of App. B

Антология / Anthology	Библиографические сведения / Bibliographic information	Последующие издания / Subsequent editions
Townsend, 1924	Short stories by Russian Authors. Translated by R.S. Townsend. London: J.M. Dent & Sons / New York: E.P. Dutton and Co	Переиздан / Reissue: 1929, 1934, 1943, 1952, 1960, 1967
Tyler, 1921	Twenty-Four Unusual Stories for Boys and Girls. Arranged and Retold by Anna Cogswell Tyler. With Illustrations by Maud and Miska Petersham. NY: Harcourt, Brace and Co	
Van Doren, 1928	Anthology of World Poetry. Edited by Mark Van Doren. NY: The Literary Guild of America	Переиздан / Reissue: 1934
Yarmolinsky, 1949	A Treasury of Russian Verse. Edited by Avrahm Yarmolinsky. NY: The MacMillan Company	

Сведения об авторе:

Меррилл Джейсон, Ph.D., профессор русского языка, Мичиганский государственный университет. ORCID ID: 0000-0003-0753-813X; e-mail: merril25@msu.edu

Bio note:

Jason Merrill, Ph.D., Professor of Russian at Michigan State University. ORCID ID: 0000-0003-0753-813X; e-mail: merril25@msu.edu

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-286-298

УДК 821.161.1:821.113.6

Научная статья / Research article

**Джон Курнос — переводчик
Федора Сологуба на английский язык:
роль Зинаиды Венгеровой во взаимоотношениях
двух литераторов**

М.-Ш. Смит, Е.В. Юшкова

*Независимые исследователи
Российская Федерация — США*

 elyushkova@yandex.ru

Аннотация. Федор Сологуб вошел в британское литературное сознание только после начала Первой мировой войны. Британско-русский военный альянс был благоприятен для переводов русской литературы, создав своего рода «русский бум», как назвал это явление Джон Курнос. Только в 1915 году появились две большие подборки рассказов Сологуба. Авторы статьи рассматривают британское восприятие Сологуба, фокусируясь на работе Джона Курноса (1881–1966), одного из наиболее ранних и выдающихся переводчиков, а также на той роли, которую сыграла Зинаида Венгерова (1867–1941), выступив посредником между переводчиком и автором. В переписке с Сологубом Венгерова продвигает Курноса в качестве лучшего переводчика. Самой сложной частью переговоров с писателем для Венгеровой стала ее попытка убедить Сологуба признать Курноса «авторизованным» переводчиком. Статья также демонстрирует, как творчество Сологуба могло восприниматься в контексте военной пропаганды в Великобритании. С политической точки зрения приоритетом для британского правительства стало формирование братских чувств между двумя союзниками и позитивного мнения о России, ведь до создания альянса у англичан преобладало негативное восприятие царской России, ее правительства и культуры. Противоречивая природа произведений Сологуба осложняла их восприятие критикой.

Ключевые слова: Джон Курнос, Федор Сологуб, Зинаида Венгерова, переводы с русского на английский, модернизм в русской литературе, британско-русский военный альянс

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта Мерилин Ш. Смит «Джон Курнос — переводчик русской литературы на английский язык».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 8 декабря 2021 г., откорректирована — 25 февраля 2022 г.; принята к публикации — 28 апреля 2022 г.

Для цитирования: Смит М.-Ш., Юшкова Е.В. Джон Курнос — переводчик Федора Сологуба на английский язык: роль Зинаиды Венгеровой во взаимоотношениях двух литераторов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 286–298. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-286-298>

John Cournos — Fedor Sologub's Translator into English and the Role Played by Zinaida Vengerova

Marilyn Schwinn Smith, Elena V. Yushkova

*Independent Scholars,
Russian Federation — USA*
 elyushkova@yandex.ru

Abstract. Fedor Sologub entered British literary consciousness only after the onset of WWI. The British-Russian war alliance was auspicious for the translation of Russian literature, bringing about what John Cournos termed a “Russian Boom.” In 1915 alone, two translated collections of Sologub’s short stories appeared. This paper examines the British reception of Sologub, with a focus on John Cournos (1881–1966), one of Sologub’s earliest and most prolific translators, and the role played by Zinaida Vengerova (1867–1941) as mediator between translator and author. In her correspondence with Sologub, Vengerova promotes Cournos as translator. A more pressing concern for Vengerova was to convince Sologub to make Cournos his “authorized” translator. This paper also argues that the reception of Sologub in Britain must be contextualized in terms of war propaganda. Politically, the British government prioritized the promotion of brotherly feeling between the two allies and a positive opinion of Russia. Prior to the war alliance, the British public held a negative opinion of tsarist Russia, of its government and culture. The controversial nature of Sologub’s writing complicated his critical reception.

Keywords: John Cournos, Fedor Sologub, Zinaida Vengerova, translations from Russian into English, Modernism in Russian literature, British-Russian war alliance

Acknowledgements and Funding. The article was written as part of Marilyn Smith’s research John Cournos — Translator of Russian Literature into English.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 8, 2021; revised: February 25, 2022; accepted: April 28, 2022.

For citation: Smith, M.S., & Yushkova, E.V. (2022). John Cournos — Fedor Sologub’s Translator into English and the Role Played by Zinaida Vengerova. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 286–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-286-298>

Родившийся в России и выросший в Филадельфии Джон Курнос переехал в Лондон в 1912 году с намерением стать писателем. Чтобы заработать на жизнь, он в качестве фрилансера работал журналистом, художественным критиком и переводчиком с русского языка. Переводить Курнос начал еще в США. Руководствуясь коммерческим интересом, он занимался произведениями классиков XIX века, но больше интересовался творчеством новых авторов, представителей модернизма, в основном Леонида Андреева. В Лондоне его интерес к писателям-модернистам усилился, и он сосредоточился на произведениях Федора Сологуба. К тому же британско-русский военный альянс оказался благоприятным для переводов российской литературы.

Произведения Сологуба начали появляться в переводах Джона Курноса в журнале *New Statesman* в 1913 году (Sologub, 1913; Sologub, 1914)¹. Отдельная книга *The Old House, and Other Tales* вышла в июне 1915 года почти одновременно со статьей о творчестве Сологуба, опубликованной в сентябрьском номере журнала *The Fortnightly Review* (Sologub, 1915, 1928; Cournos, 1915)². 1916 год стал рекордным по публикациям Сологуба в переводах Курноса. Десять *Little Tales* выходили в каждом номере журнала *Egoist* с января по декабрь, а в январе цикл предварила статья переводчика, озаглавленная «Федор Сологуб». Следующая публикация датируется маем 1917 года (Cournos, January 1916; Sologub, January 1916; Sologub, November 1916; Sologub, May 1917)³. Еще два коротких рассказа опубликовал в октябре 1916 года другой прогрессивный журнал, *The Welsh Outlook* (Sologub, 1916b; Sologub, 1916a). Кроме того, в том же 1916 году увидели свет переведенные Курносом романы «Мелкий бес» и «Творимая легенда», а также пьеса «Победа смерти» и статья Курноса о Сологубе-драматурге (Sologub, October 1916; Sologub, 1916; Sologub, August 1916; Cournos, August 1916)⁴. 24 июля 1917 года, накануне отъезда Курноса в Петроград, все его переводы коротких рассказов, собранные в книгу, вышли небольшим тиражом, изданные с помощью ручного печатного станка в Кливленде, Огайо (Sologub, 1917).

Сологуб был представлен британской публике не только одновременно с появлением пропагандистского нарратива, направленного на изменение

¹ Курнос начал сотрудничать с журналом *New Statesman*, основанным в 1913 году Беатрис и Сидни Уэбб для поддержки социалистического Fabian Society, с помощью своего друга Дж.С. Сквэра (J. C. Squire).

² *The Fortnightly* был влиятельным журналом, в котором публиковались произведения известных литераторов.

³ Основанный в 1914 году, *The Egoist* публиковал входящих в моду модернистов: Уиндэма Льюиса, Эзру Паунда и Джеймса Джойса.

⁴ Независимое издательство Мартина Секера (Martin Secker, 1882–1978) было основано в 1905 году. В 1915 году оно опубликовало *The Old House*. М. Секер, известный как издатель Генри Джеймса и Д. Лоуренса, в 1930-е годы примкнул к левому политическому движению. В 1937 году, будучи переименованным в *Secker and Warburg*, издательство выпустило книгу *Bonaparte* Евгения Тарле (1874–1955), вышедшую в СССР под названием «Наполеон», в переводе Курноса. Эзра Паунд помог Курносу опубликоваться в журнале *The Drama*.

негативного мнения англичан о царской России и формирование братского чувства между союзниками, но и с модернистским переходом от «доместифицированных» переводов к «форейнизированным», то есть сохраняющим специфические культурные аспекты оригинальных текстов (см. Venuti, 1995). В случае с Сологубом выбор между двумя подходами представлялся Курносу крайне сложным, что демонстрируют все его усилия по продвижению русского писателя. Иллюстрацией к этому может служить предисловие Курноса к книге *The Old House, and Other Tales*. Представляя Сологуба британцам, Курнос говорит о нем как об амальгаме двух небританских авторов: русского писателя Антона Чехова, с творчеством которого англичане могли познакомиться в переводах Констанс Гарнет 1916–1917 годов, и американца Эдгара Алана По, признанного во Франции гораздо раньше, чем в Великобритании. Однако в случае «Мелкого беса» апелляция к «форейнизации» вступала в противоречие с интересами военного времени. Курнос тем не менее придерживался именно такой практики в процессе перевода «Мелкого беса».

В конце концов, я могу быть прощен за мои разговоры о трудности с переводом «Мелкого беса». Не только потому, что оригинал чрезвычайно колоритен и богат современным русским сленгом — иногда даже со скрытым смыслом, но и персонажи время от времени не отказывают себе в каламбурах и говорят в рифму; такой способ изъясняться — не редкость среди крестьян в России. В каждом конкретном случае переводчики стараются найти английский эквивалент, а там, где донести значение сказанного не представляется возможным, переводчики вынуждены использовать неизбежные в этом случае сноски (Cournos, 1916, p. vii).

Тем не менее при подготовке публики к восприятию «Мелкого беса» Курнос в своих статьях и предисловии обращается к тактике «доместификации».

Статус Курноса как наиболее выдающегося переводчика Сологуба сложился благодаря Зинаиде Венгеровой, дружившей как с русским писателем, так и с Курносом. В конце лета 1914 года, после начала Первой мировой войны, Анастасия Чеботаревская, жена Сологуба и соавтор «Старого дома», написала Венгеровой письмо, направляясь по Волге в сторону Костромы. Она благодарила Венгерову за то, что та прислала ей перевод Курноса и рекомендовала, что следует переводить дальше. Особенно подчеркнув, что «Мелкий бес» не следует переводить, она утверждала, что окончательное решение все же за самим Сологубом⁵.

Венгерова встречала Курноса, по всей вероятности, в читальном зале Британского музея, находящемся недалеко от ее дома № 54 на улице Блумс-

⁵ Harvard University. Houghton Library. Russian MS 61 [6]. Teternikova. A.L.s. to Zinaida Afanes'evna Vengerova; [n.p.], 1914. FOUND IN: Houghton Library / Collection: Fyodor Sologub papers concerning The little demon.

бери. В недатированном письме брату Зинаиды Сергею Александровичу Венгеру, написанном в конце лета 1915 года, Курнос упоминает, что встречал ее почти каждый день в музее⁶.

В конце июля 1915 года, после публикации двух сборников рассказов Сологуба — *The Old House* в переводе Курноса и *The Sweet-Scented Name* в переводе Стивена Грэма (Sologub, 1915, 1928; Sologub, 1915), Венгерова написала самому Сологубу, представив Курноса как лучшего переводчика и приложив два письма от самого Джона к писателю. Она воспользовалась случаем и покритиковала Грэма за слабые переводы, продемонстрировав примеры вопиющих ошибок и объяснив, что самим выбором рассказов переводчик формирует искаженное представление о творчестве писателя — «он старается дать „пуританского Сологуба“»⁷. Анонимный рецензент журнала *The Nation* явно поддерживал утверждения Венгеровой, заметив, что выбор рассказов, сделанный Курносом, больше соответствует славе Сологуба как одного из самых «патологических» гениев. Он развивает эту мысль, характеризуя патологические наклонности Сологуба как «более глубокие в духовном плане и более прекрасные эстетически», чем их представил Грэм в своей подборке, которая потрясла рецензента тем, что была «максимально подогнана под английское чувство идеализма» (*The Nation* [London], 1915, p. 464, 466).

По поводу Курноса Венгерова писала:

*Пресса вся отмечает превосходство перевода Курноса. Он отлично знает язык — он родом из России, но ребенком попал в Америку и по воспитанию и жизни американец. Он очень литературный и чуткий человек, пишет художественным стилем и переводы его отличные. Он восторженный ваш поклонник, написал для *Fortnightly* (здесьшний «Вестник Европы»), но с уклоном [к] модернизму) очень хорошую статью о Вас, кот[орую] я читала в корректуре. Словом, он понимающий человек — и я Вам его очень рекомендую⁸.*

В конце сентября Венгерова вновь написала Сологубу, упрекая его за то, что он не ответил ни ей, ни Курносу:

Теперь у него почти готов перевод «Творимой Легенды». Он читал мне часть рукописи, и я прямо поражена, до чего он уловил дух подлинника. Работает он, можно сказать, набожно.

Почему же Вы не хотите послать ему «авторизацию», как я Вас просила? Появятся другие переводы, искажающие оригинал (Я Вам писала, в каком виде Вас перевел Ст. Грэм) — и если не отметить лучший перевод одобрением, вернее согласием автора, то публика, не знающая подлинника, не сможет разобраться. Еще раз поэтому и я в свою очередь прошу Вас — из симпатии к

⁶ Фонд С.А. Венгерова. Рукописный отдел ИРЛИ, 377_4_1266, л. 3.

⁷ Фонд Сологуба Ф. К. Рукописный отдел ИРЛИ, 289_3_124, [14/27.vii.1915], л. 5.

⁸ Там же.

переводчику и из любви к Сологубу, которого хочется представить нашим английским союзникам в истинном свете — пришлите Курносу авторизацию переводить Ваши произведения на английский язык⁹.

В этом письме Венгерова выступает скорее как литературный агент, предупреждая писателя о других, менее удачных переводах, подчеркивая важность авторизации Курноса как переводчика, обсуждая авторское предисловие и напоминая Сологубу о последствиях того, что Россия не участвует в Женевской конвенции об авторских правах.

Кроме «Творимой Легенды», К[урнос] переводит «Мелкого Беса». И вот по этому поводу просьба к Вам: не согласитесь ли Вы написать для английского издания введение в 2–3 страницы, заключающее в себе Ваше обращение к Вашим английским читателям. Вы знаете, что ввиду отсутствия конвенций, английский издатель не может платить за перевод автору подлинника (так как не может приобрести этот подлинник в свою исключительную собственность) и потому дать авторизацию будет с Вашей стороны только любезность, и Ваш интерес только моральный, обеспечивающий Вам наилучший перевод. Уверена, однако, что это для писателя наибольший интерес. За 2–3 страницы введения издатель Курноса может заплатить Вам некоторый гонорар. Согласитесь Вы удовлетвориться 5 фунт[ами] ст[ерлингов] (немножко больше 50 р.)? Я знаю, это немного; но больше нельзя ему взять за это — и я очень-таки надеюсь, что Вы войдете в положение Вашего «набожного» переводчика и окажете ему эту любезность¹⁰.

В рецензии на подборку рассказов Сологуба 1915 года Джулиус Вест, петроградский корреспондент журнала *New Statesman*, подчеркнул ситуацию с авторским правом, говоря о возможности появления конкурирующих переводов на рынке.

Мы уже познакомились с Сологубом в английском «платье»; около пятнадцати романов и рассказов опубликованы. <...> Существующее положение дел с законом об авторском праве делает публикацию романа Сологуба крайне рискованным предприятием, так как всегда есть шанс, что другой издатель вынесет на свет более дешевую версию в то же самое время (West, 1915, p. 448; см. также Ayers, 2018, p. 13).

8 октября Сологуб ответил на увещевания Венгеровой, написав Курносу, что получил оба его письма, и извиняясь за то, что долго не отвечал. Он дает Курносу свою авторизацию на перевод как «Творимой легенды», так и «Мелкого беса».

Роман «Мелкий бес», самое известное произведение Сологуба на Западе, в России после первой публикации воспринималось как очень противоречивое. Русские критики разделились на два противоборствующих лагеря —

⁹ Фонд Сологуба, Ф. К. Рукописный отдел ИРЛИ, 289_3_124, [25.ix.1915], л. 7–9.

¹⁰ Там же, л. 9.

одни обвиняли Сологуба в болезненности, аморальности и солипсизме, а другие оказались восприимчивы к идее писателя о том, что красота может стать спасением от мирового зла. Вопрос интерпретации стал центральным для Курноса в принятии его решения «одомашнить» роман для британского потребления. В 1914 году Чеботаревская предлагала не переводить «Мелкого беса». Затем, в 1915 году, сам Сологуб оказал сопротивление переводу романа. И даже в октябрьском письме к Курносу, давая авторизацию, он все же рекомендовал отложить перевод:

Но мне кажется, что роман Мелкий бес в настоящее время лучше бы отложить переводом. Слишком мрачное изображение главного действующего лица этого романа может быть принято читателями в слишком ограниченном смысле, как точный и исчерпывающий синтез русской жизни, и там, где автор хочет изобразить некий изгиб души человека, чужеземный читатель может увидеть изображение русского¹¹.

Курнос ответил на сомнения Сологуба в своем недатированном письме, посланном Венгеровой 5 ноября:

Я уже давно тщательно обдумал ту сторону «Мелкого Беса», которая побуждает Вас советовать отложить издание романа в Англии. Для того, чтобы предупредить толкование книги в узком смысле, я решил объяснить в предисловии общечеловеческое значение типа, представленного в герое, настаивая на том, что ни один не-русский не должен льстить себя уверенностью, что он вполне свободен от Передоновщины.

Я отчасти подготовил почву для этого объяснения в моей статье о Вас в Fortnightly Review, кот. я Вам послал несколько недель тому назад¹².

В статье 1915 года Курнос обильно цитировал Сологуба, объясняя, что главный герой романа, Передонов, а также феномен, получивший название «передоновщина», отражает универсальные человеческие свойства. Курнос ссылается на статью своего друга Эрнеста Риса, который совершенно очевидно был знаком с рукописью его перевода «Мелкого беса»:

Точно так же в статье в Welsh Outlook (я посылаю ее Вам одновременно с этим письмом) один очень известный валлийский писатель, обратившийся за сведениями ко мне, справедливо отмечает, что Передонов мог бы вполне быть валлийцем¹³.

¹¹ Harvard University. Houghton Library. MS Russian 61 [2]. Teternikov, Fedor Kuz'mich, 1863–1927. 3 letters to John Cournos. FOUND IN: Houghton Library / Collection: Fyodor Sologub papers concerning The little demon. Item — Volume: 1 Identifier: MS Russ 61, [2–4].

¹² Фонд Сологуба, Ф. К. Рукописный отдел ИРЛИ, 289_3_124, [5.xi. 1915], л. 13.

¹³ Там же, л. 14.

Рис причудливо развивает эту универсальную характеристику: «Передонов с легкостью может быть перенесен на валлийскую или английскую почву. Мы просто могли бы изменить фамилию героя на Дэвис, Джонс или Ллойд». Рис транспонирует передоновщину в английский контекст:

*Чтобы избежать несправедливости по отношению к настоящим носителям этого имени, лучше взять оригинальную валлийскую форму фамилии, Llwyd [hloo-id], поскольку ее значение может открыть для валлийцев то, что выразила русская фамилия, — определенную серость, скучную обыденность, убивающую душу — **Llwydiaeth!** (Rhys, 1915, p. 343)¹⁴.*

Общие усилия Риса и Курноса отвлекать внимание от интерпретации «Мелкого беса» как отражающего русский национальный характер оказались не особенно успешными. После публикации романа далеко не все критики согласились с утверждением Курноса о том, что, подобно гоголевскому Чичикову, Передонов — универсальный персонаж, «русский — американский — английский» (Cournos, 1916, p. 7). Геральд Гулд в журнале *The New Statesman* утверждал, что Передонов не только не универсальный, но даже и не русский, основываясь на том, что все его русские друзья «без исключения полностью психически нормальные» и что та русская литература, которая в настоящее время переводится на английский, совершенно не соответствует его личным познаниям относительно русского характера (Gould, 1916, p. 645).

Появлялись возражения по поводу морали в книге, точнее, ее отсутствия, например, в эпизоде Саши с Людмилой. В своем предисловии переводчика к «Мелкому бесу» Курнос писал:

Прекрасный эпизод с Сашей и Людмилой смягчает атмосферу передоновщины, как отблеск киноленты смягчает серый цвет. Но вот что автор нам показывает — даже такая идиллическая любовная сцена находится под воздействием этой атмосферы, и ее красота и невинность теряются под покровом лжи как под слоем серой пыли (Cournos, 1916, p. vi).

Геральд Гулд, характеризуя эту сцену как безнравственную, отвечает: «Это идиллия? <...> Это идиллия, если сравнивать с Передоновым — ведь и слегка запачканное лицо кажется чистым по сравнению с очень грязным — и это все» (Gould, 1916, p. 645). Предвидя подобный ответ, Курнос предположил своему предисловию к «Творимой легенде» эпитафию из Шекспира:

¹⁴ Статья Риса являлась, по сути, рецензией *The Old House*, и он совершенно очевидно был знаком с рукописью перевода Курноса *The Little Demon*. Курнос встретился с Рисом в 1912 году, и они стали друзьями. Будучи редактором и основателем *Everyman's Library*, Рис, по всей вероятности, помог Курносу написать предисловие к переводу Сю Дж. Хогарта «Мертвых душ» (London: Dent, 1915, 1916) и «Тараса Бульбы» (London: Dent, 1917, 1918, 1922).

«Нет ничего, что было бы хорошим или дурным, / Но делает его сознание таковым» (Sologub, 1916a, p. 5)¹⁵.

В статье «Feodor Sologub as a Dramatist», опубликованной в августе после рецензии на «Мелкого беса», Курнос отвечает на возражения против «универсальности» Передонова, утверждая, что критик оказался «слишком тупым, чтобы не увидеть того факта, что это — критика жизни» (Cournos, 23 August 1916, p. 343). В той же статье он обращается к интерпретации сцены Саши с Людмилой с точки зрения философии Сологуба. Он утверждает, что, конечно же, Передонов воплощает низкие и провинциальные черты жизни как таковой, что критики из-за своей «тупости» не рассмотрели, но и Людмила представлена здесь не как некая яркая точка на бледном ландшафте, а скорее как ответ на мерзость жизни. В ее мощном стремлении к красоте она создает новый мир (Cournos, 23 August 1916, p. 331).

В предисловии, написанном специально к переводу и датированном январем 1916 года, Сологуб еще раз обращает внимание на свои предупреждения переводчику, столь важные в свете британско-российского военного альянса:

В дни англо-русского сближения, в дни великого стресса, когда общая опасность объединяет две великие нации, мне кажется несвоевременным знакомить Англию с этой мрачной картиной. Думаю, что есть опасность для моих новых читателей воспринять этот роман как точный и характерный портрет русской жизни. <...> Я бы хотел предупредить читателей против соблазна видеть только русские черты в этом романе. Портрет Передонова является выражением общечеловеческой склонности к злу, а также почти не замечаемого стремления извращенной человеческой души отделиться от общего курса универсальной жизни, руководимой одной Волей: и, в попытке отомстить миру за свое горькое одиночество, принести в мир зло и мерзость искалечить реальность и осквернить прекрасные мечты человечества. <...>

Возможно, внимательный читатель найдет даже в этом мрачном романе определенные отражения чарующей русской природы и живой русской души (Sologub, 1916b, p. xv–xvi).

В первых фразах предисловия к «Мелкому бесу» Сологуб ссылается на войну. Альянс военного времени был поводом для беспокойства с самого начала работы над переводом. Венгерова тоже в своем первом письме от имени Курноса упоминает данный альянс:

*Еще раз поэтому и я в свою очередь прошу Вас — из симпатии к переводчику и из любви к Сологубу, которого хочется представить **нашим английским союзникам** в истинном свете — пришлите Курносу авторизацию переводить Ваши произведения на английский язык¹⁶.*

¹⁵ Предисловие Курноса датировано февралем. *The Created Legend* была опубликована в апреле, после публикации *The Little Demon*.

¹⁶ Фонд Сологуба, Ф. К. Рукописный отдел ИРЛИ, 289_3_124, [25.ix.1915]., л. 8.

В своем октябрьском письме к Курносу, в котором Сологуб отговаривает переводчика от работы над «Мелким бесом», он упоминает войну: «События которые мы переживаем, мне кажется, делают необходимым соблюсти в этом отношении некоторую осторожность»¹⁷. Однако, ссылаясь в своем предисловии на «общий курс универсальной жизни, руководимой одной Волей», Сологуб невольно вызывает образ британского *bête noire* (черного зверя) военного времени — немецкой философии¹⁸. Философия Шопенгауэра и Ницше во многом повлияла на русскую литературу Серебряного века, но во время войны она могла бы быть неуместна в британском восприятии Сологуба. Шопенгауэр был широко известен в Великобритании через свою близость английским литературным пессимистам¹⁹. Передонов и его земляки вполне вписывались в пессимистическую картину миру Шопенгауэра²⁰.

Вторым эпиграфом к предисловию Курноса к «Творимой легенде» стали слова Ницше: «Для нечистого все вещи нечисты». Людмила и ее одержимость Пыльниковым представляет собой ницшеанское видоизменение философии Шопенгауэра с компонентами дионисийского экстаза²¹. Выбор Курносом фразы Ницше многое объясняет. Он уже писал о ницшеанских нотах у Сологуба в своей статье 1915 года, опубликованной в *Fortnightly*: «Передоновское сумасшествие — это знак превосходства его как индивида» (Cournos, 1915, p. 487). Как замечает Дэвид Тэтчер, говоря о культуре Англии рубежа веков, «следует понять, что влияние Ницше сильнее чувствовалось не в академических, а в художественных кругах» (Thatcher, 1970, p. 121). Из числа коллег и друзей Курноса переключка с Ницше больше всего ощущалась в творчестве таких писателей, как Эрнест Рис, Томас Эрнест Хьюм, Перси Уиндэм Льюис, Эзра Паунд, Ричард Олдингтон и Уильям Батлер Йейтс. Среди идей, которые привлекали британцев, в основном предста-

¹⁷ Harvard University. Houghton Library. MS Russian 61 [2]. Teternikov, Fedor Kuz'mich, 1863–1927. 3 letters to John Cournos. FOUND IN: Houghton Library / Collection: Fyodor Sologub papers concerning The little demon. Item — Volume: 1 Identifier: MS Russ 61, [2–4].

¹⁸ Курнос явно ссылается на работу Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в своей статье 1916 года «Федор Сологуб как драматург», которая, в свою очередь, основана на статье Сологуба «Театр одной воли».

¹⁹ Знакомство британцев с Шопенгауэром рассматривается в книге (см. Goodale, 1932, p. 241–261). Гудейл отмечает, что к 1883 году любой образованный человек ассоциировал пессимизм с именем Шопенгауэра. Однако он в своем эссе ищет оригинальные корни британского литературного пессимизма, противопоставляя их влиянию немецкого философа. Любая мода на Шопенгауэра была бы восприятием родства с немецкой философией.

²⁰ О явном философском подтексте, связанным с пессимистической философией Воли Шопенгауэра в рассказах Сологуба, писал R. Keys (Keys, 2002, p. 7–19).

²¹ Дороти Андерсон в диссертации «Федор Сологуб и танец» пишет, что «все творчество Сологуба в целом происходит из дионисийского состояния» (Anderson, 2000, p. 25).

вителей авангарда, у Ницше, было возрождение индивидуализма. «Эгоизм» Макса Штирнера стал главной философской предпосылкой модернистского журнала «Эгоист», в число авторов которого входили Льюис, Паунд, Джойс, Олдингтон и Джон Курнос и в котором печатались переводы Сологуба. Исследователь Сьюзан Соломон утверждает:

Многие замечали сходство между идеями и стилем изложения Штирнера и Фридриха Ницше, чей интересующийся только самим собой Заратустра проложил путь к возрождению интереса к философии Штирнера среди интеллектуалов конца 19-начала 20 вв. Через эту связь мы также можем видеть отношения между «Эгоистом» и писателями, испытавшими на себе влияние Ницше, такими как Уиндэм Льюис и русские символисты, переведенные Джоном Курносом [на английский язык]²².

Критик журнала *The Nation*, анализирувавший подборку 1915 года, заметил связь между Ницше и Сологубом и указал на главное препятствие для поиска читательской аудитории «Мелкого беса» — Ницше был персоной нон-грата в Великобритании в то время, когда писалась данная рецензия. Фактически с самого начала войны вся военная машина Германии объяснялась философией Ницше (Martin, 2006, p. 144–166). Рецензент заметил:

Удивительно, что Ницше воспринимается [сегодня] британцами как наш архи-враг! И что если Сологуб... и приветствуется нашими сердцами и домами, то это потому... [пропуск в оригинале], что он такой очаровательно русский, как вы знаете! (The Nation [London], 1915).

В своей рецензии на «Творимую легенду», опубликованную в «Эгоисте», друг Курноса Джон Гульд Флетчер писал:

С огромным удовольствием поздравляю мистера Курноса с завершением столь трудного дела. Представить такого писателя, как Сологуб, английской публике требовало не только огромных затрат времени и энергии, но также самоотречения в надежде на то, что работа когда-то будет вознаграждена. Для Сологуба маловероятно, что он станет популярным автором за пределами своей страны, хотя по темпераменту и менталитету он гораздо менее «русский» в узком смысле слова, чем многие другие русские писатели, чьи имена разлетелись по всем сторонам света (Fletcher, 1916, p. 167).

Флетчер ошибся в своем прогнозе. Но лишь потому, что сделал его за несколько десятилетий до появления новых переводов «Мелкого беса», когда имя Сологуба стало действительно широко известным — и преимущественно как автора «Мелкого беса» (см.: Sologub, 1962; Sologub, 1970; Sologub, 1983).

²² Modernist Journals Project. Solomon S. Introduction to the New Freewoman and the Egoist. URL: <https://modjournal.org/introduction-to-the-new-freewoman-and-the-egoist> (accessed: 12.06.2021).

Библиографический список / References

- Anderson, D.P. (2000). *Fedor Sologub and the Dance* (PhD dissertation). Cornell University. Ann Arbor, MI: UMI.
- Ayers, D. (2018). *Modernism, Internationalism and the Russian Revolution*. Edinburgh: Edinburgh UP, 2018.
- Cournos, J. (1916, August). Feodor Sologub as a Dramatist. *The Drama* 23. P. 329–345.
- Cournos, J. (1915, September 1). Feodor Sologub. *The Fortnightly Review*, 104, 480–490.
- Cournos, J. (1916). “Translator’s Preface.” Feodor Sologub. *The Little Demon*. London: Secker’s.
- Cournos, J. (1916). Feodor Sologub. *The Egoist* 3:1 [illustrated by Roald Kristian]. January, 1. P. 4–5.
- Fletcher, J.G. (1916, November 1). Sologub’s ‘Created Legend’. *The Egoist* 3.11, 167–168.
- Goodale, R.H. (1932). Schopenhauer and Pessimism in Nineteenth-Century Literature. *PMLA*, 1(47), 241–261.
- Gould, G. (1916, April 8). New Novels [The Little Demon by Feodor Sologub, The River of Life by Alexander Kuprin, The Duel by Alexander Kuprin, The Mantle by Nicholas Gogol]. *The New Statesman*, 645–646.
- Keys, R.J. (2002). Narratorial Structure and Semantic Authority in the Short Stories of Feodor Sologub. *Slavonica*, 1(8), 7–19.
- Martin, N. (2006). Nietzsche as Hate-Figure in Britain’s Great War: ‘The Execrable Neech’. In Fred Bridgham (Ed.), *The First World War as a Clash of Cultures* (pp. 144–166). Rochester, NY: Camden House.
- Modernist Journals Project. Solomon S. Introduction to the New Freewoman and the Egoist. Retrieved June 6, 2021, from <https://modjourn.org/introduction-to-the-new-freewoman-and-the-egoist/> [Accessed 12/06/2021]
- Rhys, E. (1915, September). Sologub. *The Welsh Outlook, a Monthly Journal of National Social Progress*, 2(9), 342–344.
- Sologub, F. (1913, December 20). The White Dog. *The New Statesman*, II (37), 339–340.
- Sologub, F. (1914, June 27). The Hoop. *The New Statesman*, III(64), 371–372.
- Sologub, F. (1915). *The Sweet-Scented Name and Other Fairy Tales, Fables and Stories*. London: Constable and Co.; New York: Putnam’s.
- Sologub, F. (1915, 1916, 1928). *The Old House, and Other Tales*. London, M. Secker; New York: Knopf.
- Sologub, F. (1916). *The Created Legend*. New York: Frederick A. Stokes Co; London: M. Secker.
- Sologub, F. (1916). *The Little Demon*. London: M. Secker; New York: A.A. Knopf.
- Sologub, F. (1916, August 23). The Triumph of Death. A Tragedy in Three Acts with a Prologue. *The Drama*, 346–384.
- Sologub, F. (1916, December). Little Tales. *Egoist*, 3(12), 188–190.
- Sologub, F. (1916, January 1). Little Tales. *The Egoist*, 3(1), 8–9.
- Sologub, F. (1916, November). Two Candles, One Candle, Three Candles; He Became Better; Three Gobs of Spit; Fairy Tales in the Garden, and Fairy Tales at Court; A Marriage; Captive Death; The Wandering Jew. *The Egoist*, 3(11), 175.
- Sologub, F. (1916, October). Dreams. An authorized translation by Mr. John Cournos. *The Welsh Outlook, a Monthly Journal of National Social Progress*, 3(10), 329. [“Fuel” “The Bent-Kneed One”]
- Sologub, F. (1917). *Little Tales*. Cleveland: Printed at the Clerk’s Private Press.

Sologub, F. (1917, May). Eyes, Eyelings, Stare-Eyes. *Egoist*, 4(4), 54.

Sologub, F. (1962). *The Little Demon*. London: New English Library.

Sologub, F. (1962, 1970). *The Petty Demon*. NY: Random House; Bloomington, IN: Indiana UP.

Sologub, F. (1983). *The Petty Demon*. Ann Arbor, MI: Ardis Press.

Thatcher, D.S. (1970). *Nietzsche in England 1890–1914: The Growth of a Reputation*. Toronto: U. of Toronto P.

The Nation [London]. (1915, July 3). 17(14), 464, 466.

The Nation [London]. (1915, July 3). 17(14), 464.

Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. New York: Routledge.

West, J. (1915, August 14). "Translated from the Russian". *New Statesman*, 447–448.

Сведения об авторах:

Смит Мерилин Швинн, PhD по сравнительному литературоведению, независимый исследователь; e-mail: msmith@amherst.edu

Юшкова Елена Владимировна, кандидат искусствоведения, независимый исследователь, ассоциированный исследователь Five College Women's Studies Center. ORCID ID: 0000-0002-7388-1123, e-mail: elyushkova@yandex.ru

Bio notes:

Marilyn Schwinn Smith, PhD in Comparative Literature, Independent Scholar, e-mail: msmith@amherst.edu

Elena V. Yushkova, Candidate of Arts, Independent Scholar, Research Associate at Five College Women's Studies Center. ORCID ID: 0000-0002-7388-1123, e-mail: elyushkova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-299-322

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Английская и американская рецепция «Красного смеха» Л. Андреева

Е.А. Маркова

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ РАН),
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а*

*Российский университет дружбы народов (РУДН),
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6*

 glazkova1992@gmail.com

Аннотация. Рассматривается английская и американская рецепция одного из самых резонансных текстов Леонида Андреева, его рассказа «Красный смех». Проанализированы свидетельства о его прочтении и осмыслении в самых разных источниках — это газетные и журнальные публикации, предисловия к переводам, художественные произведения, мемуары. Прослеживаются всплески интереса к рассказу, связанные со значимыми в истории России и всего мира событиями (революция 1905 года, две мировые войны), история переводов андреевского текста, общий контекст, в который «Красный смех» оказывается вписанным, — исторический, социальный, культурный и литературный. Андреев сопоставляется не только со своими соотечественниками (здесь наблюдаются ожидаемые параллели — Горький, Толстой, Чехов, Тургенев), но и с писателями, представляющими «литературу ужасов» (По, Готорн, Джеймс, Кроуфорд), и с теми, кто писал о Гражданской войне в США (Крейн, Бирс). Автор пришел к выводу, что в англоязычной журналистике и публицистике Андрееву дан широкий спектр оценок — он предстает как реалист, экспрессионист, автор «литературы ужасов» и «странной литературы», символист, декадент.

Ключевые слова: рецепция, Л. Андреев, «Красный смех», взаимосвязи русской и англоязычных литератур, ранние переводы Л. Андреева

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 4 апреля 2022 г.; откорректирована — 12 апреля 2022 г.; принята к публикации — 14 мая 2022 г.

Для цитирования: Маркова Е.А. Английская и американская рецепция «Красного смеха» Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 299–322. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-299-322>

British and American Reception of *The Red Laugh* by Leonid Andreev

E.A. Markova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*

*Peoples' Friendship University of Russia,
10/2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 glazkova1992@gmail.com

Abstract. The article deals with the English-language reception of *The Red Laugh*, one of the most well-known of Leonid Andreev's texts both in Russia and abroad. As the examples of this reception, a number of newspaper and magazine publications, memoirs, translators' prefaces, and works of fiction are analyzed. There exist several waves of interest in Andreev's story. They could be explained either by the appearance of new translations or by significant historic events of the time (the Russian Revolution, World Wars I and II). Andreev's critics in Britain and America place his story in a variety of contexts – historical, social, cultural, and literary. Some literary parallels are quite expected and seem to come from Russian sources (parallels with Gorky, Tolstoy, Chekhov, Turgenev), others are completely original and 'indigenous' to Britain and America (commentators of Andreev's text see its resemblance with the horror and "weird" fiction of Poe, Hawthorne, Henry James, as well as with some works of war fiction, such as *The Red Badge of Courage* by Stephen Crane). A wide spectrum of characteristics is given to the author of *The Red Laugh*; he is perceived as a realist, expressionist, an author of horror and weird fiction, a symbolist, and a decadent.

Keywords: literary reception, Leonid Andreev, *The Red Laugh*, interrelations of Russian and English-language literatures, early translations of L. Andreev

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: April 4, 2022; revised: April 12, 2022; accepted: May 14, 2022.

For citation: Markova, E.A. (2022). British and American reception of *The Red Laugh* by Leonid Andreev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 299–322. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-299-322>

Введение

Восприятие андреевского творчества в Европе и США — тема достаточно большая — Андреев оказался одним из немногих русских писателей рубежа веков, которых стали рано и активно переводить на основные европейские языки, но изученная недостаточно. Следует отметить существующие работы о рецепции творчества Андреева в Европе и США в целом (Григорьев, 1972), а также в отдельных странах: Германии (Бондарева, 2005; Кен, 1975; Хайрулина, 2019), Франции (Роле, 2012), Великобритании (Дэвис, 2012;

Davies, 2011), США (Ришина, 2012) и других странах)¹. Наиболее исследованным представляется вопрос взаимосвязей Андреева с немецким экспрессионизмом, что объяснимо близостью творческого метода и стиля русского писателя этому направлению, ассоциирующемуся прежде всего с Германией². Проблема рецепции произведений Леонида Андреева в Великобритании с США, частному аспекту которой посвящена настоящая статья, еще не становилась предметом крупного исследования, диссертации или монографии. Наше обзорное исследование призвано способствовать частичному восполнению этого пробела.

Рассмотрение англоязычной рецепции Л. Андреева представляется логичным начать именно с рассказа «Красный смех» (1904). Во-первых, он стал одним из первых текстов писателя, переведенных на английский язык, и, скорее всего, самым первым — согласно библиографии переводов Андреева на английский, составленной Р. Дэвисом в 2012 году (Дэвис, 2012). Именно это произведение (его тематика, проблематика, стиль) и его оценки заложили основу восприятия творчества Андреева в Великобритании и США. Именно с ним соотносили многие последующие английские переводы и издания произведений Андреева (Andreyev — A New Portent in Russian Literature, 1908; Bernstein, 1908; Leonid Andreev, Apostle of the Terrible, 1912).

Ко времени выхода первого английского перевода (1905 год) на своей родине Леонид Андреев был уже весьма популярным, хотя и «молодым», «новым» писателем. Его произведения читали почти все деятели Серебряного века (Боева, 2018). В России «Красный смех» был оценен как текст остро актуальный и общественно значимый. Приведем только некоторые высказывания из отечественной газетной публицистики того времени: «гневный пламенный памфлет против войны и всех ее ужасов»; «огненное слово, надрывным криком вырывающееся из возмущенной души» (Ашешов, 1905, с. 37); «это не только литературно-художественное, но и общественное явление, такое же, как сама война или 9-е января» (Андреев, 1994). В России «Красный смех» обсуждали в контексте антивоенных трактатов Толстого; критиковали Андреева за изображение войны, в которой он сам участия не принимал; воспринимали изображение войны в рассказе как аллегория войны в целом (Шишкина, 2020).

Вероятно, более глубоко проникли в андреевскую эсхатологию его великие соотечественники-современники, в частности Вяч. Иванов, который связывал этот рассказ с идеями Ницше (Иванов, 1905, с. 43), и А. Белый, который говорил о «Красном смехе» как о воплощении борьбы вселенской души с мировым ужасом (Белый, 2012). В Великобритании же на первый перевод Андреева, несмотря на то что его имя было уже на слуху, его вели-

¹ См., напр., раздел «Рецепция» в кн.: Леонид Андреев: исследования и материалы, 2012. Перечислены только некоторые работы по теме.

² См. вступительную статью к «Энциклопедическому словарю экспрессионизма»: (Топер, 2008).

кие зарубежные современники не обратили особого внимания, хотя многие из них интересовались русской литературой — Дж. Гиссинг, Т. Харди, Дж. Конрад. Позже — группа «Блумсбери» и В. Вульф, Д.Г. Лоуренс, Дж. Джойс и др. При этом в скобках отметим, что Вульф вместе со своим мужем издала в 1922 году рассказ «Тьма». Лоуренс, хотя и читал Андреева, им не проникся, и хоть сколько-нибудь развернутых отзывов о его творчестве не оставил. Вместе с тем авторы последующих поколений обратили внимание на Андреева (Дж.К. Повис упоминает повесть «Иуда Искарот») (Powys, 1934, p. 467), К. Уилсон пишет главу об Андрееве в одном из своих трудов (Wilson, 1962, pp. 83–93)).

Несколько иная ситуация сложилась в Америке. Известно о рецепции Андреева в традиции американской литературы ужасов — у Г.Ф. Лавкрафта («Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных» хранились в его библиотеке (Joshi, 2017)) и Р.Э. Ховарда (Howard, 1998). Отдельные упоминания рассказа «Красный смех» встречаются у ряда авторов (например, именно его читает один из героев Ш. Андерсона (Anderson, 1947, p. 330)).

Между тем нельзя сказать, что на рассказ «Красный смех» в Великобритании начала XX века не обратили внимания. Его рецепция достаточно широко представлена в периодике. То же (с некоторыми дополнениями) можно утверждать и в связи с американской историей восприятия этого произведения. В данной статье англоязычная рецепция рассказа Андреева рассматривается в хронологическом порядке — от первых переводов и первых рецензий к более поздним фактам восприятия образа «красного смеха», переводу 1980-х годов и последнему переводу 2021 года. Однако в некоторых случаях логика изложения требует упоминания более поздних публикаций.

В задачи настоящего исследования не входит всесторонний анализ переводов — они рассматриваются обзорно, как источники зарубежной рецепции в прессе, художественных и нехудожественных произведениях и как явление, формирующее «волны» интереса к «Красному смеху» и его образам в Великобритании и США. Основная задача статьи — дать обзор и характеристику рецепции образа «красного смеха» в культурной и общественной жизни указанных стран. В дальнейшем эта задача может быть расширена — исследования требует вопрос влияния рассказа Андреева на английскую и американскую литературы.

Первые переводы и отклики

Первый английский перевод «Красного смеха» вышел в 1905 году, через год после его первой публикации в оригинале. Вернее, одновременно были изданы два перевода: 1) под названием *The Crimson Laughter* в «Нью-Йорк Таймз» (переводчик неизвестен, переведены отрывки, дата публикации — 2 июля 1905 года); 2) под названием, которое впоследствии закрепилось за этим произведением, *The Red Laugh* (переводчик — Александра

Линден, о которой известно мало, — в 1902 году она также перевела роман Горького «Трое»; издательство *T. Fisher Unwin*, дата публикации 23 октября 1905 года). Именно перевод Линден станет каноническим и будет переиздан несколько раз (Дэвис, 2012, с. 310).

Трудно объяснить, почему именно «Красный смех» привлек внимание переводчиков и почему появилось сразу два перевода, да еще и на разных континентах. Можно предположить, что дело не только в нарастающей в начале XX века популярности Леонида Андреева в России, но и в назревающих там революционных событиях, которые заставили мировую общественность пристально следить за их развитием и обратить свой взор на современную русскую литературу, особенно остро социальную. В одном из кратких английских обзоров первого перевода сказано: «Маленькая книжка в сто семнадцать страниц, которая передавалась из рук в руки — и русскими моряками, и солдатами во Владивостоке, и рабочими в городах, и крестьянами в отдаленных землях, вызвала всеобщий гнев и негодование, переродившиеся в бунт и восстание, которые вспыхнули и до сих пор тлеют по всей России» (“*The Red Laugh*,” 1905, December, p. 2). Это, безусловно, художественное преувеличение, и вместе с тем эта книга Андреева действительно вызвала у англичан ассоциации с революцией 1905 года. Об этом прямо говорится и в другой рецензии: «Именно такие книги, как „Красный смех“, помогают нам составить правильное представление о революционном духе в России» (*The Red Laugh*, 1905, November, p. 2). Схожие представления о рассказе Андреева как причине революции высказываются и в Америке, в частности в предисловии к первому американскому переводу (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40).

Этот перевод вышел под заголовком: «Русский вариант „Хижина дядюшки Тома“, который произвел сенсацию во всей империи. Запрещен правительством. Отрывки из этого удивительного произведения впервые печатаются в Америке» (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40). Этот подзаголовок интересен прежде всего сравнением с романом Х. Бичер-Стоу (*Uncle Tom’s Cabin*, 1852), который также в свое время привел к огромному общественному резонансу (и даже, по некоторым оценкам, стал катализатором Гражданской войны в США (Goldner, 2001)), так как был направлен против рабовладения. Конечно, это сравнение продиктовано не сходством содержания, образов и т.п., а именно сенсационностью обоих произведений, их злободневностью и последовавшими за их публикацией столкновениями и конфликтами.

В небольшом вступлении к анонимному переводу 1905 года пересказывается содержание рассказа и сам писатель сопоставляется с Верещагиным: «Андреев — это Верещагин с пером» (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40). Любопытным представляется наблюдение автора перевода о жанре рассказа: «Это не роман, это символистское эссе, ниспровергающее войну» (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40). Добавим, что по размеру леонид-андреевский текст тяготеет к роману, коим многие ан-

глюзыечные критики его и называют. Вслед за этим предисловием рассказ не раз называют в американской прессе символистским (Moderwell, 1915, p. 8). Трактровка «Красного смеха» как символистского текста не вызывает удивления — писательские стратегии Андреева близки символизму, в том числе универсализацией конкретных исторических фактов (Боева, 2016, с. 32).

Совсем иначе выглядит анонимное предисловие (подписанное одной буквой — “O”) к английскому переводу этого рассказа. В этой короткой заметке писатель представлен как автор «короткой прозы», мрачных рассказов, которые — по традиции того времени, заложенной переводчиками и ранними исследователями русской литературы (особенно Достоевского), — интерпретируются в наивно биографическом ключе (в частности, вспоминаются попытки Андреева напечатать свой первый рассказ, «О голодном студенте», которые не увенчались успехом, — якобы в этом рассказе писатель изобразил самого себя). С другой стороны, в предисловии андреевская репутация в России определяется как «сенсационная», «фурорная»: «Он сотворил сенсацию» (“He has invented a new thrill”) (Preface, 1905). «Действительно, — продолжает автор предисловия, — Андреев чувствует себя увереннее всего в жанре ужасов, хотя это прежде всего психологические ужасы, ужасы, бликующие множеством оттенков» (Preface, 1905). Так в англоязычной традиции зарождается репутация Андреева как автора литературы ужасов, которая получила особое развитие в Америке XX века. Из его рассказов автор предисловия выделяет «Молчание» как характерное для писателя произведение, которое его и прославило на родине, и собственно «Красный смех», в котором излагается андреевское восприятие «анахронизма войны» (Preface, 1905). Вероятно, имеется в виду условность контекста Русско-японской войны в этом произведении.

До издания перевода Линден интерес к Андрееву в Великобритании был небольшим. И все же ему способствовали статьи В. Брюсова о современной русской литературе, опубликованные с 1902 по 1905 год в журнале *Athenium*, в которых неоднократно упоминался Андреев (Briusov, 1902, p. 24; Briusov, 1903, p. 23; Briusov, 1904, p. 312; Briusov, 1905, p. 501). Его имя мелькает на страницах журнала *Academy and Literature*, в частности в номере от 24 октября 1903 года, в небольшой заметке о росте популярности русской литературы в Великобритании, где он назван в числе самых читаемых писателей из России — наряду с Достоевским, Тургеневым и Чеховым, но после Горького и с большим отрывом Толстого (*Literary Notes and News*, 1903, p. 432). В этом же номере высказано удивление по поводу отсутствия произведений Андреева (который «в своем роде так же примечателен, как Горький» (*Literary Notes and News*, 1903, p. 432)) в антологии русской литературы под редакцией Л. Винера, в которую были включены тексты, начиная с самых древних и заканчивая самыми на тот момент современными, изданными до 1902 года (*Anthology of Russian Literature*, 1902). То же самое можно сказать и о американской рецепции Андреева до 1905 года. Иногда он упоминался в связи с Горьким (Seltzer, 1903, p. 21), порой попадал в спи-

сок самых читаемых писателей в России (вместе с Толстым, Достоевским, Тургеневым и Чеховым) (Writers and Books, 1903, p. 20).

Итак, первый значимый всплеск интереса к Андрееву в англоязычном мире связан именно с публикацией переводов рассказа «Красный смех». Начнем с небольшой препубликационной заметки в английском журнале *Academy and Literature*. Ее автор, уже познакомившийся с переводом рассказа, сравнивает изображение войны у Андреева и Толстого — и делает вывод не в пользу последнего (подобное мнение высказывают и другие рецензенты (The Red Laugh, 27 Oct. 1905, p. 4)). С одной стороны, он заявляет о реализме Андреева в описании ужасов войны, а с другой — отмечает бессвязность текста, «будто бы порожденного больным разумом» (The Literary Week, 1905, p. 1094). В декабрьском обзоре книжных новинок за 1905 год в *The Westminster Review* рассказ охарактеризован как серия «импрессионистских зарисовок», показывающих «мрачную реальность войны» (Belles Lettres, 1905, p. 714). Раскрывает рецензент и смысл названия, вспоминая эпизод с улыбающимся солдатом, которого убивают выстрелом в голову. Любопытно, что и здесь популярность Андреева сравнивается с популярностью Горького — видимо, вслед за соответствующим постулатом из предисловия к переводу Линден («Теперь его популярность в России почти превзошла популярность Горького» (Preface, 1905, p. vii)). В некоторых обзорах это сравнение получает развитие: «...Это первый английский перевод самого крупного соперника Горького, Леонида Андреева, который, судя по портрету, предвещающему книгу, удивительно похож внешне на Горького» (The Red Laugh, 22 Dec. 1905, p. 455). В другом кратком обзоре леонид-андреевской новинки также отмечен особый психологизм и реализм в изображении войны (New Leaves, 1906, p. 6), и в то же время рассказ воспринимается как чудовищный кошмар, где действительность призрачна, фантомна.

Если англичане связывали Андреева с Горьким, вторя предисловию Линден, которое, по всей видимости, опиралось на мнения из России, где отношения Горького и Андреева привлекали особое внимание общественности (Мескин, 2019), то в США сразу были предприняты попытки сопоставить Андреева и его творчество с американскими писателями настоящего и прошлого. Речь идет не только об уже упомянутом предисловии к первому американскому переводу «Красного смеха», где рассказ был сравнен с романом «Хижина дядюшки Тома», но и о многих других параллелях, выстроенных критиками и в 1905 году, и значительно позже.

Одна из таких параллелей — с Э.А. По — стала впоследствии общим местом в критике и литературоведении. При этом далеко не всегда Л. Андреев назывался продолжателем американского писателя или его русским «эквивалентом». Например, в статье 1908 года в журнале *Current Opinion* анонимный автор статьи об Андрееве, хотя и находит некоторое сходство в творчестве двух писателей («Действительно, есть в его [Л. Андреева] творчестве нечто странное, жуткое, потустороннее, смутно напоминающее По» (Andreyev — A New Portent in Russian Literature, 1908)), видит и много тако-

го, что их разделяет: «...нездоровый в некоторых отношениях гений По не следует сравнивать в плане „тяжести недуга“ с андреевским, который однозначно болен» (Andreyev — *A New Portent in Russian Literature*, 1908); проблема пола мало волновала По, в отличие от Андреева; американский писатель был мечтателем, художником, оторванным от реальности, Андреев же был не просто художником, но и гуманистом, «плодом революции», в произведениях которого отразились «все напрасные надежды, смятение и бедствия народа» (Andreyev — *A New Portent in Russian Literature*, 1908). В предисловии к переводу «Молчания» также критикуется сравнение с По. Признавая их сходство (Андреев, По, а вместе с ними и Готорн — «мастера самонаблюдения» (Leonid Andreev, *Apostle of the Terrible*, 1912, p. 238), наделенные богатым воображением), автор вступительной заметки³ замечает, что изображаемое русским писателем «странное» (“the weird”) всегда скрывает под собой нечто реальное, в то время как «странное» у По — это всегда фантазия, плод воображения в чистом виде. Очевидно, под реальным имеются в виду реальные события — революция и, конечно, война (которая описана в «Красном смехе»). Согласно вступлению, гений Л. Андреева двуединый, в нем как бы соединяются два человека — один, как Готорн, меланхоличный и пессимистичный, но «всем сочувствующий» — больше, чем то предполагает реализм, другой — «мрачный, больной и отвратительный» — неприкрыто демонстрирует все ужасы войны и уродства души (Leonid Andreev, *Apostle of the Terrible*, 1912, p. 238). Вырисовывается весьма противоречивый образ писателя — гуманиста и вместе с тем художника ужасов, душевных уродств, действительно ставших предметом изображения в интересующем нас рассказе, который назван в заметке «самым чудовищным произведением реализма» (Leonid Andreev, *Apostle of the Terrible*, 1912, p. 240).

Л. Андреев ставится в один ряд и с другими американскими писателями, творившими в жанре ужасов и «странной» литературы (weird fiction). Например, критики начала XX века сравнивают его с Ф.М. Кроуфордом (Francis Marion Crawford, 1854–1909) и даже видят в «Красном смехе» отголоски рассказа «Мертвая улыбка» (“The Dead Smile”, 1899) (Scarborough, 1917). Это сходство, вероятнее всего, чисто типологическое — рассказ не был переведен на русский язык к 1904 году и нам не удалось найти никаких указаний на его прочтение Андреевым. Нечто похожее на «красный смех» — отвратительная «вечная» улыбка умирающего и — позже — умершего отца главного героя, за которой скрывается тайна, которую он не желает раскрывать и хочет унести с собой в могилу, — заявляет о себе в рассказе Кроуфорда. Улыбка смерти, не сходящая с уст отца, при его жизни пугающая героя и его двоюродную сестру и после его смерти преследующая их во снах и грезах, оказывается маской страшной тайны: герой вырывает из мертвых рук отца письмо, в котором тот признается в том, что герой и его кузина

³ Заметка подписана «от редактора». Предположительный автор — Дж.Б. Эзенвэйн, который был редактором “Lippincott’s Monthly Magazine” с 1905 по 1914 год.

Эвелин — на самом деле единокровные брат и сестра и что они об этом не узнают, пока не совершится их брак. Улыбка покидает мертвое лицо в тот момент, когда сын читает письмо, которое — по извращенной воле отца — должно было быть прочитано только после заключения брака, но оказывается в руках героя до этого события. Из этого краткого пересказа ясно следует, что сходство этого рассказа с текстом Л. Андреева лишь поверхностное — в зловещих образах улыбки или смеха. Между тем за этими образами таятся смыслы совершенно разные — у Андреева «красный смех» — это метафора безумия войны, у Кроуфорда «мертвая улыбка» — символ тайны, необъяснимого зла в душе человека.

В своем исследовании Скарборо также находит «русские следы» в творчестве Артура Мэчена (Arthur Machen, наст. имя Arthur Llewellyn Jones, 1863–1947), валлийского писателя, автора литературы ужасов, но конкретных произведений не называет. Нам не удалось найти никаких достоверных доказательств взаимовлияния, однако вопрос о типологическом сходстве может быть поставлен. Исследовательница воспринимает Андреева как характерного представителя русской литературы — мрачной, пессимистичной, реалистичной и вместе с тем формирующей основу для сверхъестественного восприятия действительности. Поскольку русская литература, согласно Скарборо, притягательна в своей мрачности, она оказала большое влияние на становление современной англоязычной литературы ужасов (Scarborough, 1917).

Американцы «вплетают» «Красный смех» Андреева и его творчество в целом не только в традицию американской литературы ужасов, но и в традицию «военной» литературы США. Уже в 1905 году первые отклики на рассказ в Америке указывают на сходство рассказа русского писателя с романом Стивена Крейна (Stephen Crane, 1871–1900) «Алый знак доблести» (*The Red Badge of Courage*, 1894) (At Moscow, 1905, p. 5). Сравнение, как кажется, основано на нескольких параллелях: 1) реализм в изображении войны; 2) изображение ужасов войны через внутреннее состояние героя; 3) особый психологизм; 4) интенсивное использование цветовой образности.

Линия сопоставления рассказа Андреева с романом Крейна проходит через весь XX век: в 1915 году оба автора названы «не просто художниками, но и тонкими психологами», которые не просто описывают ужасы войны, но реакции чрезмерно чувствительной личности на ее события (*Campaigning Described by a Russian*, 1915, p. 6). Автор заметки резюмирует: это особенное восприятие, частный случай, по которому не стоит судить о войне в целом. О войне и ее последствиях автор «Красного смеха» не говорит ничего и не дает цельной картины. Он сообщает только о сиюминутных впечатлениях, о том, что он видит здесь и сейчас, и о путешествиях своего сознания и воображения. Его изображение войны такое же ложное, как в тех книгах, где она описывается как триумф и романтическое приключение. В 1987 году вышел новый перевод рассказа Андреева, и вслед за ним появились новые рецензии. В одной из них «Красный смех» снова сопоставляется с «Алым знаком

доблести», и автор статьи оценивает американский роман о Гражданской войне выше, чем повествование Андреева, в котором «ужасы войны не соотносятся с человечностью» (Eder, 1987, p. 88), то есть существуют как бы сами по себе, вытесняя или побеждая человеческое начало. Во времена Первой мировой войны, когда в США, так же как и в Великобритании, тема войны в литературе актуализируется, рассказ русского писателя оказывается соотнесенным с другими произведениями о Гражданской войне в Америке, в частности с «Рассказами о военных и штатских» (*Tales of Soldiers and Civilians*, 1891) Эмброуза Бирса (Ambrose Bierse, 1842–с.1914). Сравнение это оправдано не только содержанием, но и стилистикой — рассказы Бирса мрачные, полные жестокости, горькой иронии, ценятся за достоверность.

Как и в США, в 1905–1906 годы в Великобритании складывается представление об Андрееве как реалисте и тонком психологе, с одной стороны, и как авторе литературы ужасов — с другой. Но ужасов не мистических, не в духе Э. По (в этих ранних английских отзывах на «Красный смех» имя американского писателя не появляется), а ужасов посюсторонних, реалистичных, хотя и гротескно изображенных. Иными словами, это мистика социальная. Англичане этот оттенок сразу уловили. И в то же время Андреев воспринимается как «импрессионист» — в нескольких рецензиях «Красный смех» охарактеризован как литература «впечатлений» (“impressions”). Думается, здесь англичане выявили особенность леонид-андреевского стиля, которая позже дала основание исследователям видеть в его творчестве черты экспрессионизма.

В связи с Андреевым встречаются и небезынтересные более пространственные суждения о русской литературе вообще, реализме и андреевском реализме. Вот что пишет автор одного из наиболее развернутых откликов на это произведение в английской прессе: «Признаюсь, я всегда приступаю к чтению новой книги из России — особенно если ее автор имеет определенную репутацию на родине — с некоторым нетерпением и благоприятным настроением. И, как я вижу, многие со мной солидарны. Русские писатели впечатляют свежестью взгляда на жизнь, своей совершенной искренностью и реализмом произведений в целом. Я прошу прощения за слово „реализм“, которое часто трактуется неверно — как уместные или же маловажные и омерзительные детали, а не как беспрекословное следование правде, истине, что и есть настоящий реализм. <...> Я не знаю, что думать о „Красном смехе“ <...> [описанное в этой книге] невозможно воспринять как правду. Андреев хочет заставить нас думать, что война — это хаос, ужас и безумие <...> Я полагаю, это впечатление человека с воображением и чувствительностью писателя <...>. И тогда эти впечатления правдивы. Однако мы знаем, что не все солдаты сходят с ума и не все они воспринимают борьбу с врагом как кошмар. Они, скорее, наслаждаются ею, особенно если дело идет к победе. Поэтому „Красный смех“ не воспринимается как правдивое повествование, только если не считать, что безумный писатель всех остальных также представляет сумасшедшими. Но как выражение впечатления, произ-

веденного на чувствительное сознание ужасами войны, книга может считаться правдивой. Это не рассказ, но серия впечатлений...» (Р.А.Н., 1905, р. 2). Автор другой рецензии не так благосклонно настроен по отношению к русской литературе в целом и оценивает «Красный смех» исходя из своих предубеждений: «[Этот рассказ] русский — по-странному русский — характерное для полубезумного гения этого народа произведение» (The Red Laugh, 22 Dec. 1905, р. 455).

Подобные суждения обнаруживают себя и в американской периодике. Андреев оценивается как «продукт своей страны, чем он и интересен» (Andreyev — A New Portent in Russian Literature, 1908, р. 282), или — некоторые критики идут дальше, вписывая его творчество в социальный контекст, — «типичный продукт беспокойной общественной обстановки в царской России» (Gorky's Rival In Russia, 1905, р. 7). Указывая на андреевский реализм, американские критики прибегают к историческим параллелям: если изображение войны в «Красном смехе» достоверно, то «генерал Шерман кажется консерватором» (Leonid Andreev, Apostle of the Terrible, 1912, р. 240). Картины ужасов войны в рассказе также сравниваются с творчеством бельгийского художника-романтика А.-Ж. Вирца⁴, запечатлевшего «кровь и пытки».

В конце 1900-х заявила о себе рецепция образа «красного смеха» не только в периодике, но и в художественной литературе, в поэзии. В 1906 году была впервые опубликована книга английского поэта и писателя А. Нойеса (Alfred Noyes, 1880–1958) «Дрейк, английский эпос» (Eng. *Drake, an English Epic*, 1906) о Фрэнсисе Дрейке, английском капитане, мореплавателе времен королевы Елизаветы I. Эпос Нойеса посвящен странствиям Дрейка и написан в духе романтизма, в схожей манере с Теннисоном и Вордсвортом. образу «красного смеха» здесь противопоставлен образ «мирового благоденствия», а от ужасов войны, от «красного смеха» призвана защитить любовь (очевидно, имеется в виду любовь второй жены Дрейка, Элизабет Синдхем).

Двумя годами позже поэт Дж.Б. Хьюитсон (George Benson Hewetson) выпустил сборник стихотворений «Горы и другие стихотворения» (*The Mountains: And Other Poems*, 1908). Многие стихотворения в нем посвящены актуальным событиям начала XX века — смерти королевы Виктории, коронации Эдуарда VII, а в интересующем нас стихотворении — под названием «Япония» (“Japan”) — выписан образ таинственной восточной державы — поэт говорит о ней «ОНА» (she) — древней и в то же время молодой — царствующей на земле и на воде. И вот в «кровавой тоске» «она засмеялась красным смехом громкого веселья Войны / Когда ее сыновья вышли умирать». Но в речи Японии, которая завершает стихотворение, звучат совсем

⁴ См., напр., его картины «Преждевременное погребение» (L'Inhumation précipitée, 1854), «Что видит голова гильотинированного в первые три момента после казни» (Pensées et visions d'une tête coupée, 1853), «Самоубийство» (Le Suicide, 1854).

не леонид-андреевские мотивы — благородной заботы о своих «детях», живых и мертвых, ведь «благородный никогда не умрет», а «Истине нет могилы» (Hewetson, 1908). Иными словами, «красный смех», ужасы войны обрачиваются не всеобщим безумием, а, напротив, — умиротворением, светом, которым мертвые освещают живых.

В Америке «красный смех» также был воспринят в поэзии, в стихотворении ныне практически забытого автора К.Б. Эллиса (Clifford B. Ellis), посвященном событиям Первой мировой войны. В этом тексте возникают образы грозной «красной ночи» (“red night”), «мира, обезумевшего от войны» (“war-mad world”), вызывающие ассоциации с рассказом Андреева. В стихотворении речь идет о поиске «человека в здравом уме» (“one sane man”), который мог бы спасти мир от надвигающегося апокалипсиса; льется «красный дождь» (“red rain”), по полям вполне по-андреевски раскинуты «вздувшиеся тела с опустевшим взглядом» (“swollen corpses with glazed eyes blank”). Мир — это только мир могилы, о котором умоляют погибающие. Наконец, появляется образ собственно «красного смеха», который «смешивается со стонами смерти» (“red laugh echoes the groans of death”) (Ellis, 1914, p. 6).

Возвращаясь к рецепции в периодике, скажем, что уже в 1906 году «красный смех» стал расхожим выражением для оценки происходящих в России (и не только) событий. В одном из номеров шотландской газеты *Dundee Evening Telegraph* было помещено письмо, посвященное проблемам безработицы, автор которого возмущен пренебрежительным отношением к этому вопросу (в одном из предыдущих номеров предлагалось избавиться от безработных) и в качестве предостережения приводит пример России, где подобное невнимание к бедам «безработных и работников низко оплачиваемого труда привело к погружению в „красный смех“, который повлек за собой разрушительные последствия» (L.V., 1906, p. 2). Андреевский образ начинает жить собственной жизнью и появляется в контекстах, никак не связанных с Россией, — например, в статье об англо-немецких отношениях «красный смех войны» сопоставляется с «улыбкой мира» (Anglo-German Amity, 1910, p. 4). Рассказ связывается и с актуальной для Великобритании повесткой дня, ее имперскими амбициями: «Ярые патриоты, грезящие о военной славе, могут найти лекарство от своей болезни в этой книге» (New Leaves, 1906, p. 6); «наша война в южной Африке была весьма скверной, но эта русско-японская война — в десять раз хуже» (“The Red Laugh”, 11 Nov. 1905, p. 7).

В 1910-е годы и в Великобритании, и в США образ «красного смеха» продолжает отмежевываться от своего автора и России и начинает ассоциироваться с войнами, в которых полыхала Европа. В частности, согласно статье в английском издании “Daily Chronicle Telegram” от 23 ноября 1912 года, приуроченной, как кажется, к окончанию итало-турецкой войны, «красный смех войны» больше не слышится в Стамбуле (именуемом в этой заметке Константинополем) (A Nation of Triflers, 1912, p. 4). «Красный смех» здесь противопоставлен мирной жизни. С началом Первой мировой войны о

«Красном смехе» вспоминают снова — рассказ переиздают в 1915 году и часто обсуждают в контексте реализма в изображении войны (Edinburgh Evening News, 1914, p. 5; Among the Books, 1915, p. 12). Особенно часто ссылались на реализм Андреева и цитировали его в своих целях представители рабочего движения: «...это книга, полная ужасных сцен. Вы никогда не думали, почему цензура правящих классов так беспощадна? Представьте чувства матери из рабочего класса, которая увидела нечто подобное на экране кинотеатра? Теперь вы понимаете? Цивилизованные нации „христианской Европы“ призывают множить отряды солдат и оружие, и именно к рабочим они обращают свое воззвание: и именно от рабочих должен исходить ужасный ответ [на этот призыв]» (Everard, 1914, p. 5). Социалисты также обращались к Андрееву за подтверждением своих положений. Так, в пацифистской статье в газете *Socialist* заявляется: «В последние несколько месяцев можно наблюдать постепенные изменения в общественном мнении. По крайней мере, простой народ начинает осознавать, что война это не величественное и благородное дело, каким политики и духовенство пытаются ее представить <...> Что такое война? Возможно ли в полной мере осознать весь ее беспросветный ужас, ее неопишумую трагичность? Я не думаю, что даже самый талантливый писатель способен описать поле боя, запечатлеть безумие штыковой атаки. Я не буду пытаться сделать это сам <...> но я выбрал один или два отрывка из книги под названием „Красный смех“ Андреева, которая, как мне кажется, в определенной мере демонстрирует ужасы войны» (Howard, 1916, p. 14).

В американских публикациях времен Первой мировой войны «Красный смех» напрямую связывается с событиями настоящего. К примеру, подзаголовок одной из них звучит следующим образом: «“Красный смех”, написанный Леонидом Андреевым до текущего европейского конфликта и теперь переведенный на английский, серия выдающихся впечатлений» (A Russian Novelist's Picture of War, 1915, p. 245). Автор заметки отмечает, что, когда произведение впервые появилось в английском переводе, оно вызвало достаточно бурную читательскую реакцию, но затем как бы выпало из поля зрения, публика потеряла к нему интерес. К концу Первой мировой войны текст Андреева снова стал актуальным и приобрел популярность. Согласно статье, это не просто «общее изображение войны», но отражение именно славянского ее восприятия, «дефектного» и болезненного. Существуют определенные различия между славянской и англосаксонской ментальностью. Славянин, как никто другой, «осознает себя». Американец или англичанин едва ли чувствует свою «душу» — еще в самом начале его жизни она оказывается где-то в темном углу его организма и впоследствии практически полностью игнорируется. Он не любит обсуждать «душу» и ее движения. А вот русскому «душа» очень интересна — он изучает ее, он «втыкает в нее нож, с беспристрастным и религиозным рвением» (A Russian Novelist's Picture of War, 1915, p. 245). Но поскольку он не способен познать свою душу, русский человек увлекается крепкими напитками или совершает суицид.

Именно с этой национальной особенностью — интересом к движениям души и страстью к рефлексии, самоанализу — автор статьи в *New York Times* связывает успехи русской литературы. Однако проблема в том, сообщает он, что чрезмерно рефлексирующий человек неспособен к действию. Когда наступает необходимость действовать резко и решительно, он «впадает в состояние паралича воли и хаоса сознания, такого знакомого нам по героям русских романов, или же он сразу сходит с ума» (*A Russian Novelist's Picture of War*, 1915, p. 245). То же происходит и в «Красном смехе» — это «история мысли, ворвавшейся в пучину действия, которая видит в физическом ужасе ужас психический, что неизбежно завершается безумием» (*A Russian Novelist's Picture of War*, 1915, p. 245).

В то же время автор заметки называет Андреева реалистом и характеризует один из отрывков из рассказа как «лаконичный, почти по-научному буквальный» (*A Russian Novelist's Picture of War*, 1915, p. 245). Завершается статья рассуждениями о том, что «Красный смех» может пролить свет на причину или одну из причин поражения России в Маньчжурии. Задан риторический вопрос: а может быть, причина — в национальном характере, в этой особой неспособности русского человека скоординировать действие и саморефлексию? Русские смелы и могут действовать решительно, — но только если можно действовать быстро. В длительных боях русские начинают анализировать и рефлексировать — в этом их беда.

Что характерно для американцев, в заключении вырисовывается сопоставление — американцы никогда бы не придумали такую историю, не описали бы войну так (как Толстой или Андреев) — в силу недостатка воображения. Но вопрос в том, сможет ли нация, которая видит в войне только «красный смех», выйти победителем без невероятных потерь и эффективно?

На универсальный характер леонид-андреевских картин войны указывается и в другой статье о Первой мировой и ее восприятии в Америке. Можно избегать тему войны, пишет автор статьи, а можно (и нужно) быть открытым к ней как интеллектуальному стимулу, позволяющему переосмыслить жизнь. С его точки зрения, рассказ Андреева — о тщетности войны, о том, что война — это преступление, хотя и неизбежное. Мир во время войны обезумел — «цивилизованный мир окунулся в зверство и варварство» (E.F.E., 1915, p. 6). В статье речь идет именно об американском восприятии: хотя война и далеко от американцев физически, благодаря таким книгам, как рассказ Андреева, они могут ощутить ее во всей полноте. Автор статьи оправдывает войну в Европе — ведь она освободительная, и никак иначе «зверские амбиции одной из наций» не остановить (E.F.E., 1915, p. 6).

«Красный смех» оказался вписанным и в «домашний» контекст США, послужив аргументом против «цивилизованной войны» и конфликтов с коренными народами Америки (*Civilized Warfare*, 1914, p. 4). Автор статьи иронизирует, когда говорит, что под «цивилизованной войной» подразумеваются мины, закопанные глубоко в землю и в нужный момент уничтожаю-

щие все живое и неживое на поверхности, создавая месиво из рук, ног, голов. И это, конечно, — здесь звучит явная ирония, — совершенно не то же самое, что древние варварские обычаи индейцев, нападающих ночью и сжигающих противника заживо. «Цивилизованная война» предполагает, продолжает автор статьи, что сбрасывать бомбы из самолетов на спящие города лучше того, что делают индейцы. Заметка заканчивается цитатой из «Красного смеха», описанием одного из «кровавых» эпизодов рассказа, и комментарием: «Вот „цивилизованная война“, которую ведут русские „христиане“» (Civilized Warfare, 1914, p. 4).

Любопытно, что именно в США во времена Первой мировой и вскоре после ее окончания возникает рецепция «Красного смеха» в других видах искусства — в живописи и театре. Из газетных публикаций известно о картине⁵ Майкла Карра (Michael Carr), профессора искусств университета Миссури, написанной по мотивам андреевского рассказа (Columbian stirs “chi” with his futurist art, 1915, p. 1). Критики не опознают родство текста и картины, хотя они носят одно и то же название и обе посвящены войне. Картина описана как «очередной пугающий образ ужасов войны — красное облако крови» (Columbian stirs “chi” with his futurist art, 1915, p. 1). В другой статье на ту же тему, в которой замысел картины также не получил должного толкования, полотно охарактеризовано несколько иначе: «Зеленоватая фигура, стоящая посреди бескрайнего моря, выплескивающая поток крови. Эта картина непонятна. Она недостаточно красива или трогательна сама по себе. Не дает она и метафизического объяснения жизни, так свойственного модернизму. Мистер Карр просто играл с красками, когда писал ее» (R.J.V., 1916, p. 2B).

В 1923 году рассказ Л. Андреева был адаптирован для театра и поставлен на подмостках театра “Portal Playhouse”. Автор драматизации — Дин Дженсен (Dean Jensen), в главных ролях — Элвин Бартлетт (Elvin Bartlett) и Флоренс Морфи (Florence Morphy). Постановка оценивается критиками как успешная (Lenart, 1923, p. 11; Hedges, 1923, p. 7) и характеризуется как «нетрадиционная драма, апеллирующая к воображению и высшим чувствам» (Hedges, 1923, p. 7). «Мешок из рогожки, свеча из сала, шесть человеческих лиц, искаженных мазком ярко-красной краски» — всего это достаточно, чтобы передать андреевское «бездонное отчаяние» (Hedges, 1923, p. 7), с которым сталкивается человек на войне. Это мелодрама, продолжает автор статьи, но полная социального смысла, которая «странной красотой своей прерывистой поэзии вызывает поток космических образов в зрителе» (Hedges, 1923, p. 7).

Особенно выделяется последняя сцена, которая, как мы понимаем из текста статьи, отличается от оригинального сюжета рассказа. Дженсен «одомашнивает» текст Андреева — или, по крайней мере, его героев — и дает им

⁵ К сожалению, нам не удалось найти фотографий этой картины в сети Интернет, равно как и информации о ее местонахождении.

имена, которых в оригинале нет вовсе. Главным героем пьесы становится солдат Джулиан, глазами которого и показаны все ужасы войны и который погибает в битве (рассказчик у Андреева умирает дома от ран и изнурительного умственного труда). В последней сцене, «с ее странным взаимопроникновением действия, мысли и метафизической подоплеки, мать Джулиана, мертвого солдата, заставляет аудиторию наблюдать за ползущим по миру тем же червем-завоевателем, которого Джулиан видел в своей палатке на поле битвы. Привидение Джулиана возвращается — не безмятежное привидение елизаветинского театра — а сардонический призрак, поющий ликующую военную песню обесчеловеченных душ» (Hedges, 1923, p. 7). Очевидно, пьеса создана, скорее, по мотивам рассказа или представляет собой его вольную интерпретацию — в драматизации значительная роль отведена матери героя (у Андреева она не участвует в действии), которая «провозгласила новое социальное кредо матерей» (Hedges, 1923, p. 7), в статье упоминаются эпизоды, которых мы не находим в оригинале. Пожалуй, единственный образ, который отсылает нас к исходному тексту, — это образ врача (его роль исполнил Льюис Данкан / Lewis Duncan), который наблюдал за безумцами, сражавшимися как здоровые.

Автор статьи почему-то называет «Красный смех» поэмой (возможно, пьеса была написана в стихах) — поэмой вещественной, по своей «текстуре и цвету» напоминающей поэзию Э. По, но более глубоко проникающей в социальную проблематику. Отмечается близость рассказа Андреева к экспрессионизму. Поэтому, сообщается, это произведение должно рассматриваться как часть современной литературы, стремящейся выразить наиболее глубокие социальные смыслы.

«Красный смех» после Первой мировой

После Первой мировой войны интерес к образу «красного смеха» сходит на нет. Его рецепция оказывается связанной со Второй мировой войной, а также выходом новых переводов. Расскажем об одном, наиболее примечательном, подобном случае. Ирландский писатель и драматург Шон О'Кейси (Sean O'Casey, 1880–1964), социалист и пацифист, проявлял пристальное внимание к русской литературе — в первую очередь, в связи со своими политическими взглядами. Потому естественно, что большая часть его статей о русской литературе начала XX века посвящена творчеству Горького и Маяковского. Неудивительно также, что о Л. Андрееве он отзывов не оставил. Однако по его литературной автобиографии 1956 года очевидно, что с книгами русского писателя ирландец был знаком. Одна из глав этой автобиографии названа «Красный смех войны» (“The Red Laugh of War”), что само по себе служит прямой отсылкой к леонид-андреевскому рассказу. В этой главе в художественной форме осмысливается Вторая мировая война и ее последствия — через своеобразное сплетение «Красного смеха» Андреева и «Любовной песни Альфреда Дж. Пруфрока» Т.С. Элиота. Пруфрок оказыва-

ется символом слабого и будто бы нерешительного человека, столкнувшегося лицом к лицу с ужасами войны, необходимостью им противостоять: «Он [Пруфрок] снял свой воротничок и галстук, обернул шарф вокруг своей тощей шеи, огрубевшей от солнца, ветра и дождя, и покрыл свою лысеющую голову, худые ноги и руки стальным шлемом и доспехами... Действительность была настолько динамичной и грозной, что в ней не осталось места страху» (О'Кейси, 1976, р. 574). Андреевское влияние в этой главе заявляет о себе как в конкретных образах, так и в общих мотивах. Проникновение «красного смеха» войны в мирную жизнь, которая стала измеряться не «чайными ложками», а «ружьем»; прежде спокойный, тихий городок Тотнес наполнился хаотичным движением, и люди «почти убивали друг друга» во время подготовки к вторжению врага — все это описано с явным намеком на Андреева, в рассказе которого сначала солдаты одной армии стали убивать друг друга без причины, а затем и мирные жители (О'Кейси, 1976, р. 575).

О'Кейси описывает Лондон военного времени, рассказывает об американских солдатах, с которыми вел беседы. Об одном из них, скучающем по родному Канзас-Сити, О'Кейси говорит: «Он отвернулся и продолжил свой неторопливый променад по лагерю, медленный и механический, в поисках тишины и уединения, чтобы снова образ Канзаса возник в больших широко открытых карих глазах; и красный смех снова обжег уши Шона» (О'Кейси, 1976, р. 578)⁶. Мирному прошлому, символически выраженному в счастливом смехе у «пылающего рождественского камина, напитанного красноватым блеском», ирландский писатель противопоставляет военное положение, некоего «мерзавца, который залился резким красным смехом» (О'Кейси, 1976, р. 579). В этой главе автобиографии появляется и другой «красный» образ — образ красной звезды, советского флага, ассоциирующегося с надеждой на мирную жизнь, на спасение: «Советский флаг впервые появился на улицах Тотнеса, и многие носили красные звезды на лацканах блуз и пальто; ведь успехи Красной Армии смягчили страх и уменьшили вероятность вражеского вторжения...» (О'Кейси, 1976, р. 580). Автор сообщает о предчувствии победы союзных войск, и здесь «красный смех» приобретает несколько иной смысл — О'Кейси «угрожает» «красным смехом» Гитлеру. То есть «красный смех» сопровождает победное наступление союзных войск на Германию. «Красный смех» охватывает все сферы бытия в военное время, обволакивает проигрывающих и побеждающих, солдат и мирных жителей: «Он был везде: преследовал Гитлера; звучал мягко, иронично, убийственно в ушах нацистов, стремительно наступающих на Россию; он просачивался в фантазии американцев, копающих траншеи вокруг лагеря...; он окружил британцев, лишая Англию ее имени; его насмешка кошунственно затмила хрипы тяжело раненого, умирающего солдата, и здесь его порыв захлестнул этот простой домишко в Девоншире, мягкий, ироничный, убий-

⁶ «Шона» — Шона О'Кейси, здесь он говорит о себе в третьем лице.

ственный — красный смех войны» (O'Casey, 1976, p. 581). Таковы Вторая мировая война в восприятии О'Кейси и его «красный смех», как бы адаптированный к середине века и оптимистически оборачивающийся оружием против фашизма.

В завершение дадим очень краткий обзор двух последних переводов «Красного смеха». В 1987 году внучкой Л. Андреева и ее мужем — Ольгой и Генри Карлайл (Olga and Henry Carlisle) — был выполнен новый перевод рассказа. В издание под названием «Видения: рассказы и фотографии» (*Visions: Stories and Photographs*) вошли такие произведения, как «Бездна», «Мысль», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных», то есть короткая проза Андреева, уже хорошо знакомая англоязычному читателю. Издание также сопровождается предисловием, в котором представлена краткая литературная биография Андреева и сказано несколько слов о «Красном смехе», в частности о том, как это произведение восприняли в России — Карлайл пересказывает отзывы Горького, А. Белого, Вересаева, Л. Толстого. В том же году вышла рецензия на это издание (Eder, 1987, p. 88). Любопытным в ней представляется тезис об Андрееве как предшественнике Кафки и кафкианской «традиции» в целом.

Последний перевод (2021 года) включает в себя также рассказ «Бездна». В предисловии делается попытка объяснить популярность Андреева в России начала XX века злободневностью его творчества, его особой созвучностью времени. Отмечается малая заинтересованность в Андрееве в СССР (которая существовала в основном в контексте Горького) и представление об Андрееве как второстепенном писателе в западном литературоведении. Затрагиваются вопросы истории издания произведений, их рецепции в России, а также проблема стилистической принадлежности андреевского творчества к какому-либо направлению — К. Лодж (K. Lodge), автор перевода и предисловия, относит раннее творчество Андреева к «декадансу» — в значении литературы пессимизма, а более поздний период связывает с экспрессионизмом (отмечая, впрочем, по традиции, что ранний рассказ «Красный смех» также несет в себе черты экспрессионизма).

Издание также интересно и необычно благодаря целому разделу, в котором собраны тексты, образующие контекст произведений Л. Андреева, опубликованных в этом сборнике. Это, в частности, антивоенное эссе «Одумайтесь!» (1904) Л. Толстого; заметки Немировича-Данченко, П. Краснова и некоего анонима о Русско-японской войне из газет того времени, а также отрывок из мемуаров В. Вересаева; отрывок из книги Густава Лебона «Психология народа и масс» (1895); леонид-андреевская корреспонденция по теме — его письма к Горькому, Вересаеву, Толстому, Дымову, Неведомскому; а также отклики символистов (Вяч. Иванова и А. Белого) на этот рассказ Андреева. Многие из текстов публикуются на английском языке впервые. Книга примечательна и иллюстрациями. На обложке книги — картина Гойи. Этот выбор кажется неслучайным — сам Андреев обдумывал издание «Красного смеха» с картинами Гойи в виде иллюстраций (Боева, 2016, с. 87).

Издание также содержит большой иллюстративный раздел, состоящий из разнообразных изображений войн XIX века, агитационные плакаты времен Русско-японской войны, а также картины экспрессиониста Э. Мунка.

Заключение

Итак, основные волны интереса к рассказу «Красный смех» в Великобритании и США связаны с революцией 1905 года и двумя мировыми войнами (прежде всего Первой). Леонид Андреев получает оценки как (не совсем) реалист, символист, декадент, «импрессионист», писатель ужасов — спектр оценок достаточно широк. Воспринимаемое как произведение остро социальное, этот рассказ и образ, давший ему название, используются в соответствующем дискурсе, общественно-политическом, и становятся аргументом в пользу убеждений его читателей, авторов статей. От андреевского текста также отталкиваются в размышлениях о России, национальном характере — прежде всего русском и американском, и шире — о судьбах мира, охваченного войной.

Вместе с тем центральный образ рассказа — «красный смех» — оказался настолько ярким и емким, что приглянулся поэтам начала XX века. При этом часто функционируют андреевские образы совсем не по-андреевски, что связано с их «пропусканьем» через другие виды искусства, либо с определенной интенцией реципиента, явно отличающейся от авторской (поэзия, «Автобиографии» Ш. О'Кейси, постановка “Portal Playhouse”, «нелитературная» публицистика).

Американская рецепция образа «красного смеха» оказывается больше и разнообразнее английской. Это обусловлено, во-первых, чисто физическими причинами: к 1905 году численность населения США более чем в два раза превышала численность населения Соединенного Королевства, и отсюда — значительное большее количество периодических изданий в Америке. Во-вторых, к этому времени в американской культуре уже существовала достаточно богатая традиция литературы ужасов, в которую Л. Андреев был с готовностью вписан. Как известно, во многом именно (литературная) конъюнктура страны определяет «то, что вообще может быть заимствовано, или же то, что, латентно уже присутствуя в национальной памяти, может быть реактивировано» (Эспань, 2018, с. 64).

В случае восприятия образа «красного смеха» (и творчества Л. Андреева в целом) в США подходящую для рецепции конъюнктуру составила традиция, заложенная еще в эпоху предромантизма, получившая развитие в творчестве По и Готорна в XIX веке, Г. Джеймса и ряда других писателей в веке XX. Открытым остается вопрос о том, почему английская «литература ужасов», — пожалуй, не менее внушительная, чем американская (Жаринов, 2017), — разглядела в «Красном смехе» и ее авторе знакомые черты, но не включила их в «свой» круг. Здесь же следует наметить возможные пути для дальнейших исследований рецепции «Красного смеха» в англоязычном

культурном пространстве. Это, безусловно, проблема влияния этого рассказа (и творчества Андреева в целом) на английскую и — может быть, в большей степени, как подсказывают нам современные Андрееву критики, — американскую литературу.

Библиографический список

Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступит. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М., СПб.: ATHENEUM-ФЕНИКС, 1994.

Ашешов Н. Из жизни и литературы. Новое произведение Л. Андреева // Образование. 1905. № 2. Отд. II. С. 37.

Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Андрей Белый. Собр. соч. Т. 8. М.: Республика, 2012. С. 478–490.

Боева Г.Н. К вопросу о литературной репутации Леонида Андреева: понятие «леонидандреевщина» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 17–30.

Боева Г.Н. Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 510 с.

Бондарева Н.А. Творчество Л. Андреева и немецкий экспрессионизм: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 205 с.

Григорьев А.Л. Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская литература. 1972. № 3. С. 190–204.

Дэвис Р. Библиография переводов произведений Леонида Андреева на английский язык // Леонид Андреев: исследования и материалы / под ред. Р.Д. Дэвиса и М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 310–329.

Жаринов Е.В. История жанра романа «ужаса» в литературе Англии и Америки // Историко-литературные корни массовой беллетристики М.: Флинта, 2017. 184 с.

Иванов Вяч. О «красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. № 3. С. 43.

Кен Л.В. Леонид Андреев и немецкий экспрессионизм // Андреевский сборник. Исследования и материалы / под науч. ред. Л.Н. Афонина. Курск, 1975. Т. 37. 262 с.

Мескин В.А. Леонид Андреев и Максим Горький: взгляд из XXI века // Гуманитарная парадигма 2019. № 3 (10). С. 54–65.

Ришина Р. «Вечные дебри отчаянья»: Леонид Андреев и американский оптимизм. (К восприятию творчества Леонида Андреева в Америке) // Леонид Андреев: исследования и материалы / под ред. Р.Д. Дэвиса и М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 180–201.

Роле С. Рецепция творчества Л. Андреева во Франции // Леонид Андреев: исследования и материалы / под ред. Р.Д. Дэвиса и М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 209–218.

Тонер П.М. Энциклопедический словарь экспрессионизма // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 5–20.

Хайрулина О.И. Рецепция драматургии Л.Н. Андреева в Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 159 с.

Шишкина Л.И. К вопросу о литературной репутации и роли СМИ в ее формировании (на материале прозы Л. Андреева) // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 177–186. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-12-177-186>

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: НЛО, 2018. 816 с. Among the Books // Daily Herald. 2 Jan. 1915. P. 12.

A Nation of Triflers // Liverpool Echo. 23 Nov. 1912. P. 4.

- Anderson Sh.* The Sherwood Anderson Reader. Boston (MA): Houghton Mifflin Co., 1947. 850 p.
- Andreyev — A New Portent in Russian Literature // Current Opinion. 1908. № 3. Vol. 45. P. 282–286.
- Anglo-German Amity // Nottingham Journal. 18 Aug. 1910. P. 4.
- Anthology of Russian Literature / ed. and comp. by L. Wiener. N.Y./L.: G.P. Putnam's Sons, 1902. 447 p.
- A Russian Novelist's Picture of War // The New York Times Book Review. 4 Jul. 1915. P. 245.
- At Moscow // The Butte Daily Post. 24 Feb. 1905. P. 5.
- Belles Lettres // The Westminster Review. Dec. 1905. P. 712–715.
- Bernstein H.* With the Author of "Red Laughter" // The New York Times. 04 Sept. 1908. P. 487.
- Briusov V.* Russia // The Athenaeum. Jul. to Dec. 1902. P. 24–26.
- Briusov V.* Russia // The Athenaeum. Jul. to Dec. 1903. P. 22–25.
- Briusov V.* Russia // The Athenaeum. 3 Sept. 1904. P. 312–314.
- Briusov V.* Russian Literature // The Athenaeum. Jul. to Dec. 1905. P. 500–502.
- Burke R.* The Robert E. Howard Bookshelf. United Press Association, 1998. URL: <https://howardhistory.com/the-robert-e-howard-bookshelf/> (accessed: 01.12.2021).
- Campaigning Described by a Russian // The New York Times. 5 Jul. 1915. P. 6.
- Civilized Warfare // The Labor World. 19 Sept. 1914. P. 4.
- Columbian stirs "chi" with his futurist art // The Evening Missourian. 4 Sept. 1915. P. 1.
- Davies R., Rogatchevski A.* Groping In The Dark: Leonid Andreev And The Hogarth Press // Toronto Slavic Quarterly. Spring 2011. № 3. P. 66–90.
- Eder R.* Some of the Best of Russian Literature // The Los Angeles Times. 9 Dec. 1987. P. 88.
- Edinburgh Evening News. 28 Dec. 1914. P. 5.
- E.F.E.* Warfare and its Horrors // Boston Evening Transcript. 15 Jan. 1915. P. 6.
- Ellis C.B.* The Peace-Keeper // The Oregon Daily Journal. 4 Oct. 1914. P. 6.
- Everard L.C.* The Cinema and the War // Daily Herald. 14 Aug. 1914. P. 5.
- Goldner E.J.* Arguing with Pictures: Race, Class and the Formation of Popular Abolitionism Through Uncle Tom's Cabin // Journal of American & Comparative Cultures. 2001. № 24. P. 71–84.
- Gorky's Rival In Russia // Omaha Daily Bee. 1 Aug. 1905. P. 7.
- Hedges M.H.* Andreyev's Red Laugh Converted in to a Play by Dean Jensen // The Minneapolis Star. 17 May 1923. P. 7.
- Hewetson G.B.* The Mountains: And Other Stories. L.: Sisley's, 1908. 88 p.
- Howard P.* Europe's Carnal House // Socialist. 1 Nov. 1916. P. 14.
- Howard R.E.* Letter to Tevis Clyde Smith (20 February 1928) // *Burke R.* The Robert E. Howard Bookshelf. United Press Association, 1998. URL: <https://howardhistory.com/the-robert-e-howard-bookshelf/> (accessed 01.12.2021).
- Joshi S.T.* Lovecraft's Library: A Catalogue / 4th ed. N.Y.: Hippocampus Press, 2017. 204 p.
- Lenart E.* Portal Players Give Group of One-Act Plays // Star Tribune. 17 May 1923. P. 11.
- Leonid Andreev, Apostle of the Terrible // Lippincott's Monthly Magazine. 1912. № 536. Vol. 90. P. 238.
- Literary Notes and News // Academy and Literature. 24 Oct. 1903. P. 431–434.
- L.B.* Dundee Unemployed // Dundee Evening Telegraph. 29 Jan. 1906. P. 2.
- Moderwell H.K.* Andreieff: Russian Dramatist Now Marching Into the Western World // Boston Evening Transcript. 24 Apr. 1915. P. 8.

- New Leaves // Justice. 6 Jan. 1906. P. 6.
O'Casey S. *Autobiographies*. L.: Macmillan & Co, 1976. Vol. II. 665 p.
P.A.H. A Literary Nightmare // The Abroath Herald. 16 Nov. 1905. P. 2.
Powys J.C. *Autobiography*. N.Y.: Simon and Schuster, 1934. 595 p.
Preface // The Red Laugh / Tr. by A. Linden. L.: T. Fisher Unwin, 1905. P. vii–viii.
R.J.B. News of the Fine Arts // The Kansas City Star. 4 Apr. 1916. P. 2B.
Scarborough D. *The Supernatural in Modern English Fiction*. N.Y./L.: G.P. Putnam's Sons, 1917. 329 p.
Seltzer T. Recreation of Russia's Young Author // Pittsburgh daily Post. 5 Jul. 1903. P. 21.
"The Crimson Laughter" Terrifies the Czar // The New York Times. 02 Jul. 1905. P. 40.
The just resurrection of Leonid Andreyev // The San Francisco Examiner. 5 Jan. 1908. P. 21.
The Literary Week // Academy and Literature. 21 Oct. 1905. P. 1091–1094.
The Red Laugh // Clarion. 27 Oct. 1905. P. 4.
The Red Laugh // Leeds Mercury. 20 Nov. 1905. P. 2.
The Red Laugh // The Labour Leader. 22 Dec. 1905. P. 455.
"The Red Laugh" // Bargoed Journal. 11 Nov. 1905. P. 7.
"The Red Laugh" // Hull Daily Mail. 28 Dec. 1905. P. 2.
The Situation in Spain, Italy and Russia // The American Monthly Review of Reviews. 1902. № 153. Vol. 26. P. 444.
Wilson C. *The Strength to Dream*. L.: Cox & Wyman Ltd., 1962. 254 p.
Writers and Books. The Literary World of Today // Boston Evening Transcript. 11 Nov. 1903. P. 20.

References

- "The Crimson Laughter" Terrifies the Czar (1905, July 2). *The New York Times*, 40.
"The Red Laugh." (1905, December 28) *Hull Daily Mail*, 2.
"The Red Laugh" (1905, November 11). *Bargoed Journal*, 7.
A Nation of Triflers. (1912, November 23). *Liverpool Echo*, 4.
A Russian Novelist's Picture of War. (1915, July 4). *The New York Times Book Review*, 245.
Among the Books (1915, January 2). *Daily Herald*, 12.
Anderson, Sh. (1947). *The Sherwood Anderson Reader*. Boston (MA): Houghton Mifflin Co.
Andreev, L. (1994). *S. O. S. Diary (1914–1919). Letters (1917–1919). Articles and Interviews (1919). Contemporaries' Memoirs (1918–1919)*. Moscow, Saint-Petersburg: ATHENEUM-FENIKS Publ., 1994.
Andreyev — A New Portent in Russian Literature. (1908) *Current Opinion*, 45(3), 282–286.
Anglo-German Amity. (1910, August 18). *Nottingham Journal*, 4.
Anthology of Russian Literature (1902). New York/London: G.P. Putnam's Sons.
Asheshov, N. (1905). From Life and Literature. A New Work of L. Andreev. *Obrazovanie*, (2), p. 37. (In Russ.)
At Moscow. (1905, February 24). *The Butte Daily Post*, 5.
Belles Lettres. (1905, December). *The Westminster Review*, 712–715.
Bely, A. (2012). Apocalypse in Russian Literature. *Andrey Bely. Collected Works. Vol. 8*. Moscow: Respublika Publ. P. 478–490. (In Russ.)
Bernstein, H. (1908, September 4). With the Author of "Red Laughter". *The New York Times*, 487.

- Boeva, G.N. (2018). On the Literary Reputation of Leonid Andreev: The Notion of “leonidandreevshina”. *Saint-Petersburg University Bulletin. Language and Literature*, 15(1), 17–30. (In Russ.)
- Boeva, G.N. (2016). *The Phenomenon of Leonid Andreev and the Epoch of Modernism: Poetics, Reception, Literary Contacts*. Doctor Hab. Diss. Saint-Petersburg. (In Russ.)
- Bondareva, N.A. (2005). *Leonid Andreev and German Expressionism*: PhD Diss. Orel. (In Russ.)
- Briusov, V. Russia (1902, July-December). *The Athenaeum*, 24–26.
- Briusov, V. Russia (1903, July-December). *The Athenaeum*, 22–25.
- Briusov, V. Russia (1904, September 3). *The Athenaeum*, 312–314.
- Briusov, V. Russian Literature (1905, July-December). *The Athenaeum*, 500–502.
- Burke, R. (1998). The Robert E. Howard Bookshelf. *United Press Association*. Retrieved December 1, 2021, from <https://howardhistory.com/the-robert-e-howard-bookshelf/>
- Campaigning Described by a Russian (1915, July 5). *The New York Times*, 6.
- Civilized Warfare (1914, September 19). *The Labor World*, 4.
- Columbian stirs “chi” with his futurist art (1915, September 4). *The Evening Missourian*, 1.
- Davies, R. (2012). A Bibliography of English Translations of Leonid Andreev. In *Leonid Andreev: Research and Materials. Part 2* (pp. 310–329). (In Russ.)
- Davies, R., Rogatchevski, A. (2011). Groping in the Dark: Leonid Andreev and the Hogarth Press. *Toronto Slavic Quarterly*, (3), 66–90.
- E.F.E. (1915, January 15). Warfare and its Horrors. *Boston Evening Transcript*, 6.
- Eder, R. (1987, December 9). Some of the Best of Russian Literature. *The Los Angeles Times*, 88.
- Edinburgh Evening News* (1914, December 28), 5.
- Ellis, C.B. (1914, October 4). The Peace-Keeper. *The Oregon Daily Journal*, 6.
- Espagne, M. (2018). *History of Civilizations as Cultural Transfer*. Moscow: NLO Publ., 2018. (In Russ.)
- Everard, L.C. (1914, August 14). The Cinema and the War. *Daily Herald*, 5.
- Goldner, E.J. (2001). Arguing with Pictures: Race, Class and the Formation of Popular Abolitionism Through Uncle Tom’s Cabin. *Journal of American & Comparative Cultures*, (24), 71–84.
- Gorky’s Rival In Russia (1905, August 1). *Omaha Daily Bee*, 7.
- Grigoriev, A.L. (1972). Leonid Andreev in World Literary Process. *Russkaya Literatura*, (3), 190–204. (In Russ.)
- Hairulina, O.I. (2019). *The Reception of Leonid Andreev’s Drama in Germany*: PhD Diss. Moscow. (In Russ.)
- Hedges, M.H. (1923, May 17). Andreyev’s Red Laugh Converted into a Play by Dean Jensen. *The Minneapolis Star*, 7.
- Hewetson, G.B. (1908). *The Mountains: And Other Stories*. London: Sisleys, 1908.
- Howard, P. (1916, November 1). Europe’s Carnal House. *Socialist*, 14.
- Howard, R.E. (1998). Letter to Tevis Clyde Smith (20 February 1928)
- Ivanov, Vyach. (1905). On “Red Laugh” and “Right Madness”. *Vesy*, (3), 43. (In Russ.)
- Joshi, S.T. (2017). *Lovecraft’s Library: A Catalogue*. New York: Hippocampus Press.
- Ken, L.V. (1975). Leonid Andreev and German Expressionism. In *Andreevsky Sbornik. Issledovaniya i Materialy* (Vol. 37). Kursk. (In Russ.)
- L.B. (1906, January 29). Dundee Unemployed. *Dundee Evening Telegraph*, 2.
- Lenart, E. (1923, May 17) Portal Players Give Group of One-Act Plays. *Star Tribune*, 11.
- Leonid Andreev, Apostle of the Terrible (1912). *Lippincott’s Monthly Magazine*, 90(536), 238.

- Literary Notes and News (1903, October 24). *Academy and Literature*, 431–434.
- Meskin, V.A. (2019). Leonid Andreev and Maksim Gorky: A Point of View from the XXI Century. *Gumanitarnaya Paradigma*, 3(10), 54–65. (In Russ.)
- Moderwell, H.K. (1915, April 24). Andreieff: Russian Dramatist Now Marching Into the Western World. *Boston Evening Transcript*, 8.
- New Leaves (1906, January 6). *Justice*, 6.
- O’Casey, S. (1976). *Autobiographies* (Vol. II). London: Macmillan & Co.
- P.A.H. (1905, November 16). A Literary Nightmare. *The Abroath Herald*, 2.
- Powys, J.C. (1934). *Autobiography*. New York: Simon and Schuster.
- Preface (1905). *The Red Laugh* (pp. vii–viii). London: T. Fisher Unwin.
- R.J.B. (1916, April 4). News of the Fine Arts. *The Kansas City Star*, 2B.
- Rishina, R. (2012). “Neverending Wilderness of Despair”: Leonid Andreev and American Optimism. In *Leonid Andreev: Materials and Research. Part. 2* (pp. 180–201). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Role, S. (2012). Leonid Andreev’s Reception in France. In *Leonid Andreev: Materials and Research. Part. 2* (pp. 209–218). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Scarborough, D. (1917). *The Supernatural in Modern English Fiction*. New York/London: G.P. Putnam’s Sons.
- Seltzer, T. (1903, July 5). Recreation of Russia’s Young Author. *Pittsburgh daily Post*, 21.
- Shishkina, L.I. (2020). On Literary Reputation and the Role of Mass Media in its development (on the Example of Leonid Andreev’s Prose). *Upravlencheskoe Konsultirovanie*, (12), 177–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-12-177-186>
- The just resurrection of Leonid Andreyev (1908, January 5). *The San Francisco Examiner*, 21.
- The Literary Week (1905, October 21). *Academy and Literature*, 1091–1094.
- The Red Laugh (1905, December 22). *The Labour Leader*, 455.
- The Red Laugh (1905, November 20) *Leeds Mercury*, 2.
- The Red Laugh (1905, October 27). *Clarion*, 4.
- The Situation in Spain, Italy and Russia (1902) *The American Monthly Review of Reviews*, 26(153), 444.
- Tooper, P.M. (2008). The Encyclopedia of Expressionism. *The Encyclopedia of Expressionism* (pp. 5–20). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Wilson, C. (1962). *The Strength to Dream*. London: Cox & Wyman Ltd.
- Writers and Books. The Literary World of Today (1903, November 11). *Boston Evening Transcript*, 20.
- Zharinov, E.V. (2017). A History of the Genre of “Horror” in English and American Literature. In *Historical and Literary Sources of Mass Literature*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маркова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. ORCID ID: 0000-0001-5954-1440; e-mail: glazkova1992@gmail.com

Bio note:

Ekaterina A. Markova, PhD, Senior Researcher, the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0001-5954-1440; e-mail: glazkova1992@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-323-344

УДК 821.161:811.133

Научная статья / Research article

**Французские переводы
и прижизненные публикации Николая Гумилева:
разговор с французским читателем.
Часть первая**

К.А. Якубовская

*Университет Новая Сорбонна,
Франция, Париж, 75005, ул. Сорбонны, 17*
✉ ksenia.yakubovskaya@sorbonne-nouvelle.fr

Аннотация. Рассмотрены обстоятельства создания всех известных на сегодняшний день прижизненных французских текстов Гумилева в контексте русско-французских литературных связей начала XX века, хронология русских стихотворений и их французских вариантов, текстуальные особенности атрибутируемых Гумилеву переводов и история их публикаций. Особое внимание уделено стремлению Гумилева войти в круг французских литераторов благодаря знакомству с Рене Гилем, а затем предопределить восприятие своего творчества во Франции благодаря встрече, переписке и последующему сотрудничеству с Жаном Шюзевилем. Представлен анализ принципа выбора стихотворений, как переведенных для «Антологии», так и фигурирующих в записных книжках Гумилева, а также сам подход к поэтическому или прозаическому переводу стихов. В заключение выдвинуты гипотезы, для каких целей Николай Гумилев объединил свои автопереводы в записной книжке накануне возвращения из Франции в Россию.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, Жан Шюзевиль, автопереводы, рецепция, репутация, переводы

Благодарности и финансирование. Автор статьи благодарит Александра Федоровича Строева, профессора всеобщего и сравнительного литературоведения Университета Новая Сорбонна, за помощь в подготовке статьи и научное руководство, а также Hoover Institution Library and Archives, Sanford University, CA и Bibliothèque Sainte-Geneviève, Paris за предоставленные материалы.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 14 февраля 2022 г.; откорректирована — 18 марта 2022 г.; принята к публикации — 29 апреля 2022 г.

Для цитирования: Якубовская К.А. Французские переводы и прижизненные публикации Николая Гумилева: разговор с французским читателем. Часть первая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 323–344. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-323-344>

French Translations and Lifetime Publications of Nikolai Goumilev: A Dialogue with the French reader. Part One

Ksenia A. Yakubovskaya

*University New Sorbonne,
17, rue de la Sorbonne, 75005, Paris, France*
✉ ksenia.yakubovskaya@sorbonne-nouvelle.fr

Abstract. This article examines in detail the circumstances of the creation of all Gumilev’s French texts known today. The research focuses on Russian-French literary relations at the beginning of the 20th century, the chronological order of Gumilev’s Russian poems and their French versions, the textual features and particularities of the translations attributed to Gumilev and the history of their publication. Particular attention is paid to Gumilev’s desire to enter the circle of French writers, thanks to his acquaintance with René Ghil, and then to determine the perception of his work in France through his acquaintance, correspondence and subsequent cooperation with Jean Chuzeville. The article presents an analysis of the selection principle of poems, both those translated for the “Anthology” and those featured in Gumilev’s notebooks, as well as the approach to the translation of poems in verse or prose. In conclusion, possible explanations of why Nikolai Gumilev combined his (alleged) self-translations in a notebook just before his return from France to Russia are given.

Keywords: N.S. Gumilev, Jean Chuzeville, self-translations, perception, reputation, translations

Acknowledgements and Funding. The author of the article thanks Alexandre Stroeve, professor of General and Comparative Literature at the New Sorbonne University, for his help in preparing the article and academic advising, as well as Hoover Institution Library and Archives, Stanford University, CA and Bibliothèque Sainte-Geneviève, Paris for providing materials.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: February 14, 2022; revised: March 18, 2022; accepted: April 29, 2022.

For citation: Yakubovskaya, K.A. (2022). French translations and lifetime publications of Nikolai Goumilev: A dialogue with the French reader. Part one. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 323–344. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-323-344>

Введение

С первых десятилетий XVIII в. и на протяжении двух столетий русские писатели, поэты и мыслители стремились завоевать благосклонность французского литературного сообщества. Публикации и упоминания во французских периодических изданиях не только служили мерилем признания в местных интеллектуальных кругах, но и позволяли авторам укрепить свой литературный статус в России (*Les intellectuels russes*, 2019, p. 12–13).

Подобно многим другим собратьям-литераторам Николай Степанович Гумилев стремился создать себе определенную поэтическую репутацию сначала в русской, а затем и во французской литературной среде начала XX века. Однако его попытки завоевать французского читателя выделяются из общего ряда литературных стратегий подобного рода. Во-первых, они малоизучены: обстоятельства создания всех известных на сегодняшний момент прижизненных французских текстов Гумилева, доказательство авторства этих текстов, а также их предназначение до сих пор вызывают вопросы. Во-вторых, Гумилев был единственным русским поэтом начала XX века, переводившим свои собственные стихи на французский язык, что свидетельствует об оригинальности в выборе авторской стратегии.

В архиве Г.П. Струве хранятся бумаги, оставленные Гумилевым жившему в Лондоне художнику Б.В. Анрепу около 4 апреля 1918 года (в Лондоне Гумилев пробыл примерно полтора месяца, когда он в последний раз возвращался в Россию из Франции) (Струве, 1981). В их числе — записная книжка, приблизительные временные рамки заполнения которой определяются между июнем 1917 — апрелем 1918 года. В ней сгруппированы французские тексты стихотворений *La pierre*, *La fille chinoise* и *La miniature persane*¹. Г.П. Струве опубликовал их в третьем приложении четырехтомного издания собраний сочинений Гумилева, которое увидело свет в Вашингтоне в 1964 году под заголовком «Французские автопереводы Гумилева» (Гумилев, 1964, с. 266–270). В комментариях к изданию Струве указал: «Эти три французские стихотворения представляют собой сделанные самим Гумилевым переводы его собственных стихотворений. Они печатаются с исправлением многочисленных у Гумилева ошибок в орфографии и пунктуации, по текстам в записных книжках Гумилева в архиве Г.П. Струве» (Гумилев, 1964, с. 345).

В комментариях к *La pierre* и *La fille chinoise* Г.П. Струве указывает: «Первые два стихотворения печатаются, насколько нам известно, впервые» (Гумилев, 1964, с. 345). Однако, как мы увидим далее, эта гипотеза была ошибочной и стихотворение Николая Гумилева *La pierre* являлось частью его единственной известной на сегодняшний день прижизненной публикации во Франции.

¹ Notebook containing four poems in French, Holograph // Gleb Struve Papers, box 87, folder 17, Original in Restricted Series, n.d., Hoover Institution Library and Archives, Sanford University, CA.

Корпус нашего исследования составили стихотворения Гумилева на французском языке, объединенные поэтом в его записной книжке (июнь 1917 — апрель 1918 года, архив Г.П. Струве, беловые варианты), два дополнительных варианта французского текста стихотворения «Персидская миниатюра» (с большими отклонениями от версии стихотворения в записной книжке)², а также четыре перевода Гумилева на французский, опубликованные в *Anthologie des poètes russes* Жана Шюзевилля (Париж, 1914 г.) (Chuzeville, 1914).

Николай Гумилев в Париже: хронология, круг общения и литературные связи

Сближение России и Франции усилилось в конце XIX века благодаря созданию военно-политического альянса. Этот альянс стал фундаментом дальнейших взаимоотношений России и Франции и основным вектором внешней политики двух государств в 1891–1917 годах. Подписанное 21 августа 1891 года соглашение о договоренности сторон было подкреплено заключением оборонительного союза России с Францией в 1893 году, а затем плавно трансформировалось в Антанту (1904–1907 гг.), противостоявшую Тройственному союзу во главе с Германией. Интерес к русской культуре во Франции резко возрос в последней трети XIX — начале XX века, чему способствовали «Русская художественная выставка», подготовленная в 1906 году С. Дягилевым для парижского Осеннего салона, его «Русские Сезоны» и всесторонне освещавшееся посещение Парижа Николаем II в 1909 году.

На этом фоне представители русской творческой интеллигенции все чаще предпочитали Париж другим европейским столицам: «Париж всегда был в моде у русских» (Биск, 1993, с. 387), — писал в своих воспоминаниях поэт и критик Серебряного века А. Биск.

Количество русских литературно-художественных салонов резко возросло, причем — не в последнюю очередь — благодаря русским художникам. Так, с середины 1900-х годов на улице Буассонад в ателье известной художницы-графика Е. Кругликовой по четвергам собиралась русская и французская богема. В 1906–1908 годах в своей квартире на улице Теофиля Готье по субботам устраивали литературный салон З. Гиппиус, Д. Мережковский и Д. Философов. Подолгу жили и работали во Франции Л. Бакст, Н. Гончарова и М. Ларионов, А. Экстер, М. Шагал, А. Архипенко и другие художники.

Во-вторых, значительно увеличилось количество публикаций, посвященных русской культуре в целом и литературе в частности. В Париже ра-

² Mémoire concernant une possibilité éventuelle d'un recrutement de contingents de volontaires pour L'Armée Française en Abyssinie, Photocopy // Gleb Struve Papers, box 86, folder 27, Original in Restricted Series, n.d., Hoover Institution Library and Archives, Sanford University, CA.

ботало русское издательство «Я. Поволоцкий и Ко», выпускались многочисленные русскоязычные журналы и газеты (Howells, 1990), как правило, общественно-политической направленности: газеты Владимира Бурцева на русском и французском языках «Общее дело» (1908–1909) и «Будущее» (1911–1914), регулярно менявшая свое название ежедневная политическая и общественная газета русских социал-демократов в Париже (с 1914 года — «Наш голос», с № 6 и до 1915 года — «Голос», в 1916–1917 годах — «Начало», с 1917 года — «Новая эпоха»), «Наше слово» (общественная и политическая газета меньшевиков-интернационалистов под ред. Л. Троцкого, 1915–1916). Были не только политические, но и литературные журналы: «Красное знамя» (журнал под ред. А.В. Амфитеатрова, 1906), «Россия и свобода» (журнал под ред. Г.А. Алексинского, 1915). Было и чисто литературное издание «Сириус» Николая Гумилева (1907), о котором мы расскажем позднее. В *Mercur de France* наряду с хрониками английской, греческой и пр. литературной жизни существовал и русский отдел, т.н. *Lettres russes*.

Гумилев, как и многие другие его соотечественники, неоднократно приезжал во Францию и надолго оставался в Париже. Согласно заметкам Павла Николаевича Лукницкого (Лукницкая, 2005), парижскую жизнь Николая Гумилева можно разделить на четыре этапа:

1) июнь 1906 — апрель 1907 года. С апреля по конец июля 1907 году Гумилев был в России, где он, в частности, встретился с Брюсовым, а также совершил путешествие в Константинополь и Смирну из Севастополя.

2) июль 1907 — апрель 1908 года.

3) май — июнь 1910 года.

4) июнь 1917 — март 1918 года.

Первый приезд Гумилева в Париж был «ученическим»: молодой поэт слушал лекции по французской литературе в Сорбонне. Однако именно к этому периоду относятся и первые попытки Николая Гумилева завязать полезные для него знакомства, и в первую очередь литературные. Список встреч Гумилева был довольно обширным: он встречался с французскими (А. Мерсеро, Л. Дьеркс) и русскими (Ал. Толстой, М. Волошин, Е.И. Дмитриева, Н. Минский) поэтами, коллекционером И. Щукиным, подружился с художником М. Фармаковским и художником-графиком А. Божеряновым. С июля по декабрь 1906 года, по свидетельству П.Н. Лукницкого, Гумилев посещал русский клуб художников (видимо, имеется в виду Общество русских художников в Париже, которое образовалось вместо Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже и просуществовало до 1917 года), во второй половине октября 1906 года был на вечеринке, устроенной С. Дягилевым, в 1907 году встречался с баронессой де Орвиц-Занетти (о которой, к сожалению, отсутствуют какие-либо дополнительные данные) и т. д.

Тем не менее попытки Гумилева войти в парижский литературный круг в 1906–1907 годах успехом не увенчались. Во второй половине декабря 1906 года, в частности, начинающий поэт наносит визит Мережковским

с рекомендательным письмом от Л.И. Микулич (Веселитской). Андрей Белый и Дмитрий Владимирович Философов становятся свидетелями оскорбительной и, к сожалению, получившей впоследствии широкую известность сцены³.

В первой половине декабря Николай Гумилев, по свидетельству Павла Николаевича Лукницкого, вступает в переписку с Рене Гилем — основателем школы научной поэзии и сотрудником журнала «Весь», в котором он писал о молодых французских поэтах. Неизвестно, продолжалась ли переписка между Гумилевым и Гилем на протяжении 1907 года, однако их личная встреча состоялась лишь во второй приезд Гумилева в Париж.

Она была организована Валерием Брюсовым. Об этом свидетельствуют письма Гумилева Брюсову от 24 августа (6 сентября) 1907 года (Гумилев, 2007, с. 48) и 23 сентября (6 октября) 1907 г. (Гумилев, 2007, с. 57). Последним числом датирована и записка, полученная Гумилевым от Рене Гиля, в которой он ссылается на рекомендацию Брюсова и приглашает молодого поэта к себе домой (Рене Гиль — Валерий Брюсов, 2004, с. 240). 26 сентября (9 октября) 1907 года состоялся первый визит Гумилева к Гилю, о чем оба впоследствии писали Брюсову. В своем письме Брюсову, написанном в день встречи с Рене Гилем, Гумилев охарактеризовал его как «энергичного, насмешливого, очень тактичного и действительно очень умного человека», который был «крайне приветлив» (Гумилев, 2007, с. 60) с молодым автором. Тем не менее далее обсуждения возможной публикации трех стихотворений Гумилева, посланных им в ежемесячный художественный и литературно-критический журнал «Золотое Руно» и уже принятых Николаем Павловичем Рябушинским к печати, разговор о литературном сотрудничестве, по всей видимости, не продвинулся, хотя Гумилев и продолжал видеться с Рене Гилем и в последующие годы. Так, в декабре 1907 года он собирался вновь нанести визит Гилю в одну из его «литературных пятниц» (письмо Брюсову от 3 декабря (16 декабря) 1907 г.) (Гумилев, 2007, с. 79), а также посещал его в приемные дни (письмо Брюсову от 23 февраля (7 марта) 1908 г.) (Гумилев, 2007, с. 104).

Что же касается Гиля, он писал о Гумилеве Брюсову: «Ко мне приходил г-н Гумилев, который мне очень понравился — и человеческими качествами, и серьезными сторонами своего духа, и искренним, страстным восхищением по отношению к Вам. Он в этом году будет жить в Париже, и я попросил его доставить мне удовольствие — вновь зайти ко мне поболтать, а в ноябре — бывать у меня по пятницам, на дружеских вечерах...» (Письмо Валерию Брюсову от 1 октября (15 октября) 1907 года (Рене Гиль — Валерий

³ См.: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906–1909) // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perepiska-z-n-gippius-d-s-merezhkovskogo-d-v-filosofova-s-v-ya-bryusovym-1906-1909> (дата обращения: 02.02.2022); (Валерий Брюсов и его корреспонденты, 1994, с. 426).

Брюсов, 2004, с. 246)), однако и здесь разговор шел скорее о дружеских, нежели о деловых взаимоотношениях.

Вообще же круг общения Гумилева во второй его приезд во Францию выстраивался, помимо «пятниц» Рене Гиля, вокруг *soirees* «Русского артистического кружка» Е.С. Кругликовой, где его часто сопровождал новый знакомый, поэт Николая Деникер. У нее Гумилев в начале 1908 года встретился с художником Вениамином Белкиным, Константином Бальмонтом, переводчицей Александрой Гольштейн, художником Семеном Данишевским, поэтом и драматургом Полем Фором и многими другими, однако и эти знакомства ни к чему не привели.

Первой же реальной возможностью заявить о себе как о поэте во Франции становится для Гумилева знакомство с Жаном Шюзевилом, которое произошло в третий приезд Гумилева во Францию в 1910 году. В соответствии с заметками П.Н. Лукницкого около 1 мая 1910 года молодожены Николай Гумилев и Анна Ахматова уехали из Киева в Париж, где остановились по адресу *Rue Bonaparte, 10*, и где они провели целый месяц. Именно в Париже чета Гумилевых познакомилась с Жаном Шюзевилом: «Встречи с С.К. Маковским (обсуждает с ним планы «Аполлона»); А.А. Экстер, М.М. Богдановой, Бакстом, Жаном Шюзвиль (планы издания антологии переводов русских поэтов), А. Мерсеро, Аркосом, Ник. Деникер; визит к Танкреду де Визан» (Лукницкая, 2005, с. 202). По всей видимости, во время пребывания Гумилева в Париже они с Шюзевилом виделись регулярно, что следует из дневника Лукницкого (запись от 7.11.1925, со слов Ахматовой): «Бывал у них Шюзевиля. Николай Степанович бывал у него. АА у Шюзевиля не была ни разу — он служил в какой-то иезуитской коллегии учителем, жил там, и женщинам входить туда считалось неудобным...» (Лукницкая, 1990, с. 108).

Очевидно, что именно в этот период зародилось сотрудничество Жана Шюзевиля и Николая Гумилева с целью публикации нескольких стихотворений последнего в готовящейся «Антологии русских поэтов». Нам известно единственное письмо Шюзевиля к Гумилеву, написанное Жаном Шюзевилом Гумилеву в 1910 году (письмо не датировано). «Было бы хорошо, чтобы мне прислали сюда хотя бы некоторые из тех сочинений, которые следует перевести. Здоровье мое вполне поправилось, и я полагаю, что смогу успешно работать» (Эльзон, 1994, с. 295).

Жан Шюзевиля и «Антология русских поэтов»

Жан Шюзевиля (1886–1962) — поэт, историк французской литературы и переводчик итальянской, немецкой и русской художественной литературы XIX–XX веков, не только много раз бывал и подолгу жил в России, но и многое сделал для популяризации русской литературы на Западе.

Один из первых приездов Жана Шюзевиля в Россию относится к июлю 1904 года (Ремизов, 2003, с. 163). Впоследствии же, по воспоминаниям

А.М. Ремизова, начиная с 1905 года Шюзевилю «угнездился у Сапожниковых», в богатой купеческой семье, в качестве воспитателя, «торчал на всех литературных собраниях, а по средам обедал у Брюсова» (Ремизов, 2003, с. 164). Впоследствии же Жан Шюзевилю упоминается в хрониках заседаний Общества свободной эстетики (1906–1917), из них следует, что в 1910–1911 годах он принимал участие в этих заседаниях.

Воспоминания А.М. Ремизова опровергают гипотезу Т. Динесман (Динесман, 1976) о том, что Шюзевилю познакомился с Брюсовым в 1908 или 1909 году, в один из приездов Брюсова в Париж. Можно с уверенностью утверждать, что к 1910 году, когда у Жана Шюзевиля созрел план «Антологии русских поэтов», они с Брюсовым поддерживали тесные отношения — «...об этом свидетельствует дарственная надпись Шюзевиля на экземпляре сборника его стихов „Пылит дорога“ (*La Route poudroie, poèmes*. Paris, G. Crès, 1910), сохранившемся в библиотеке Брюсова» (Динесман, 1976, с. 200).

Именно Валерий Брюсов написал в 1911 году предисловие к «Антологии», причем написал он его, по всей видимости, по-русски, а французский вариант предисловия, переведенный, очевидно, самим Жаном Шюзевилюм, датируется в «Антологии» 1912 годом (Chuzeville, 1914, p. 17). Это указывает на то, что работа над ней велась не один год.

«Антология русских поэтов», безусловно, стала вехой в истории литературных отношений Франции и России.

Во-первых, это была, по сути, первая попытка познакомить французских читателей с главными именами и новыми явлениями русской поэзии конца XIX — начала XX века. Гумилев в своей статье в журнале «Аполлон» (№ 5, май 1914) писал о том, что Жан Шюзевилю опубликовал «в Париже в своих переводах “Антологию русских поэтов” ...как первую вполне серьезную попытку ознакомить Францию с нашей поэзией, но и как антологию, по подбору имен и произведений не имеющую себе равных в России» (Гумилев, 2006, с. 181). В состав «Антологии», помимо стихотворений Николая Гумилева, вошли стихи Константина Бальмонта (11 стихотворений), Владимира Соловьева (5 стихотворений), Федора Сологуба (10 стихотворений), Андрея Белого (9 частей лирической поэмы «Панихида»), Александра Блока (7 стихотворений), Максимилиана Волошина (7 стихотворений), Вячеслава Иванова (6 стихотворений), Зинаиды Гиппиус (5 стихотворений), Михаила Кузьмина (5 стихотворений), Николая Минского (4 стихотворения), Дмитрия Мережковского (4 стихотворения), Иннокентия Анненского (4 стихотворения), Алексея Толстого (3 стихотворения). Наиболее же объемно в «Антологии» был представлен, конечно, сам Валерий Брюсов (18 стихотворений).

Вообще влияние Брюсова на процесс создания «Антологии» невозможно недооценить. «<...> Сопоставление состава сборника не только с предисловием, но и со статьями Брюсова о современной поэзии, которые в 1909–1912 гг. печатались в „Русской мысли“ и затем вошли в сборник „Далекие и близкие“, дает все основания считать, что взгляды Брюсова послужили для

Шюзевиля ориентиром в его работе» (Динесман, 1976, с. 201). Положительное мнение Брюсова о творчестве Гумилева, бесспорно, сыграло ключевую роль в решении Жана Шюзевиля включить стихотворения молодого поэта в «Антологию». Не случайно в предисловии к «Антологии» Брюсов дает своему литературному протезе высокую оценку: Брюсов называет Гумилева «поэтом зрительных картин» и отмечает, что Гумилев — поэт, «не всегда умеющий сказать новое и неожиданное, но всегда умеющий избежать в своих стихах недостатков» (Динесман, 1976, с. 203).

Во-вторых, для Франции переводы Шюзевиля были новаторскими в своей попытке придерживаться стихотворной структуры оригинала. Так, в своем письме к Брюсову от 27 марта 1912 года Рене Гиль высказывает общепринятую точку зрения на поэтический перевод: «Статья выйдет в самое ближайшее время. В конце ее будут даны два-три Ваших стихотворения: „Последний день“, „Лестница“ и „Каменщик“ (которые я заново переложил прозой, лучше воспринимающейся по-французски)» (Рене Гиль — Валерий Брюсов, 2004, с. 429) (речь идет о переводах стихотворений Брюсова, которые Рене Гиль намеревался выполнить при работе над посвященным ему этюдом-портретом, заказанным Рене Гилю журналом *Vie*. Переводы стихотворений Брюсова в *Vie* опубликованы не были, за исключением одной строки из стихотворения «Последний день»).

Таким образом, желание Гумилева сотрудничать с Жаном Шюзевилем было связано не только с возможностью получить известность у французского читателя, но и со стремлением последнего максимально приблизиться к поэтическому оригиналу, по возможности сохраняя рифму, размер и смысловую нагрузку стихотворения.

Наконец, «Антология русских поэтов» отличалась высочайшим качеством переводов, сделанных Жаном Шюзевилем в рамках подготовки издания к печати, — это отмечалось в статьях и Валерия Брюсова, и самого Гумилева. При этом Брюсов особо подчеркивал стремление Шюзевиля сохранить, насколько это возможно, строфику, размер и рифмовку русских оригиналов. «Брюсов высоко оценил переводы Шюзевиля, которые «прекрасно передают русские ритмы», а это, отмечает он, «весьма ново для французской литературы, в которой чужеземные стихи обычно передаются прозой или перекладываются “en vers français”, без всякого соответствия с размерами подлинника» (Динесман, 1976, с. 200–201).

Гумилев же указывает на то, что во французском переводе Шюзевиля русские поэты обретают звучание, схожее с поэтами французскими (Брюсов, по его мнению, звучит как Вьеле-Гриффен, а Блок — как Метерлинк). Умение найти соответствия между ритмами русского и французского стиха Гумилев объясняет в первую очередь тем, что Шюзевиля «и сам пишет стихи» (Гумилев, 2006, с. 181).

Можно предположить, что для Гумилева был важен не только факт публикации в выдающейся по своей полноте антологии русской поэзии начала XX века, но и факт перевода его стихотворений на французский язык

человеком, в определенной степени разделяющим его взгляды на поэтический перевод, известные нам из его выступления на собрании издательского дома «Всемирная литература» в 1919 году и впоследствии изданные в виде статьи «Поэтические переводы».

«Сириус» и «Антология русских поэтов»: прижизненные публикации Николая Гумилева во Франции

В 1910-х годах и Валерий Брюсов, и Жан Шюзевиль жили в Москве, в то время как Николай Гумилев и его молодая супруга Анна Ахматова — в Санкт-Петербурге. Это объясняет тот факт, что знакомство Гумилева с Шюзевилем состоялось в Париже. Это знакомство стало для Николая Гумилева поворотным моментом в его попытках не только войти в Парижский литературный круг начала XX века, но и получить возможность опубликовать свои стихи во Франции. Сама идея публикации зрела у Гумилева давно: известно, что на протяжении всего лета 1907 года Гумилева занимали мысли об издании второго сборника стихов именно в Париже. Так, в письме к Валерию Брюсову, датированном 21 июля (3 августа) 1907 года, Гумилев пишет: «Я собираюсь издать вторую книгу моих стихов, напечатав ее здесь и переслав для продажи в Россию» (Гумилев, 2007, с. 41). К середине августа 1907 года поэт, однако, «раздумал издавать», во-первых, потому, что был недоволен своими стихами, а во-вторых, их было на тот момент слишком мало (письмо к В. Брюсову 2 августа (15 августа) 1907 г. (Гумилев, 2007, с. 43)).

К этому же периоду относятся самостоятельные попытки Гумилева стать заметной фигурой во французской прессе: в свой первый приезд во Францию молодой поэт не только слушал лекции по французской литературе, но «больше всего занимался своим любимым творчеством и даже издавал небольшой журнал, где печатал свои стихи под псевдонимом» (Гумилев, 1989, с. 116). Речь идет о журнале «Сириус», к изданию которого во второй половине декабря 1906 года были привлечены новые знакомые Гумилева — М.В. Фармаковский и А. Божерянов. Журнал, посвященный современному искусству и литературе, предполагалось издавать на собственные средства, причем Н.Н. Николаев указывает, что принадлежали они по большей части Мстиславу Фармаковскому (Николаев, 1994, с. 310–316). Однако литературная затея Гумилева просуществовала недолго: свет увидели лишь три номера журнала — первый номер вышел во второй половине января 1907 года, а второй номер — в январе (феврале) 1907 года. После третьего номера, появившегося в феврале (марте) 1907 года, за отсутствием у издателей средств, издание журнала прекратилось.

Важно отметить, что Гумилеву отчаянно не хватало авторов: большая часть опубликованных в «Сириусе» произведений принадлежала ему самому: обращение от редакции, три части повести «Гибели обреченные» (под собственным именем), стихотворение «Франции», рассказ «Карты», прозаи-

ческий отрывок «Вверх по Нилу», стихотворение «Неоромантическая сказка» (под псевдонимами).

И тем не менее в период с 1906 по 1913 год, за исключением журнала «Сириус», Гумилеву не удалось добиться известности во французской прессе. Единственное упоминание молодого поэта в прессе того времени было связано с деятельностью Якова Моисеевича Поволоцкого — владельца книжного магазина и художественной галереи в Париже, а впоследствии — и основателя русского издательства в Париже «Я. Поволоцкий и Ко». В 1910 году имя Гумилева промелькнуло (наряду с именами Валерия Брюсова, Александра Блока, Андрея Белого, Дмитрия Мережковского и др. в объявлении о предстоящей лекции Поволоцкого о современной русской поэзии (Warnod, 1910, p. 3) на ежегодной Осенней художественной выставке в Париже. В дальнейшем тот же Яков Поволоцкий упомянул Гумилева в достаточно объемной статье “Les poètes russes”, вышедшей в литературно-художественном журнале *La Grande revue* 10 мая 1911 года (впрочем, не давая развернутой оценки его поэзии, а лишь процитировав высказывание последнего о Федоре Сологубе) (Povolotzky, 1911, p. 122).

Ситуация изменилась лишь в 1913–1914 годах благодаря Жану Шюзевиллю. Так, в своей рубрике “Lettres russes” в “*Mercur de France*” 16 августа 1913 года. Шюзевиль упоминает Гумилева и его стихотворение, опубликованное в журнале «Апполон» (Chuzewille, 16 aout. 1913, p. 875), а уже 1 ноября 1913 года. в том же издании размещает небольшую заметку о Гумилеве как о главе акмеистической школы (Chuzewille, 1 novembre 1913, p. 202–203). Кроме того, 7 января 1914 г. Paris-Midi опубликовал предисловие В. Брюсова к «Антологии русских поэтов», где упоминался и Гумилев (Brussov, 1914).

Что касается выбора стихотворений, включенных в «Антологию русских поэтов», то он, вероятно, основывался на личных предпочтениях Гумилева. Однако никаких конкретных сведений о том, как и кем отбирались эти стихотворения, а также на каком языке они были отправлены Шюзевиллю, обнаружить не удалось. В итоге в «Антологию русских поэтов» вошли следующие произведения:

Стихотворение «Камень»: дата создания — 6 февраля 1908 года (письмо к Брюсову); первая публикация — «Весна» (№ 7, 1908 г.), под заголовком «Бретонская легенда»; вторая публикация — **«Жемчуга», Жемчуг Черный**

Стихотворение «Основатели»: дата создания — 22 января 1908 года (письмо к Брюсову); первая публикация — **«Жемчуга», Жемчуг Черный**; вторая публикация — не опубликовано.

Стихотворение «Попугай»: дата создания — август 1909 года; первая публикация — «Остров». 1909, № 2; вторая публикация — **«Жемчуга», Жемчуг Черный, с подзаг. «Сонет»**

Стихотворение «Жираф»: дата создания — 9 октября 1907 года (письмо к Брюсову); первая публикация — «Романтические цветы» (январь 1908, Париж), без заглавия, как первое стихотворение в цикле «Озеро Чад»; вторая публикация — «Жемчуга» (1910), Романтические цветы, без заглавия, как первое стихотворение в цикле «Озеро Чад»

Все выбранные Гумилевым стихотворения в той или иной степени оценивались Валерием Брюсовым — три из четырех впервые фигурируют в письмах Гумилева. «Камень», «Основатели» и «Попугай» вошли в авторский сборник «Жемчуга» (1910) (Жемчуг Черный), в то время как «Жираф» был впервые опубликован в первом сборнике Гумилева «Романтические цветы», изданном на собственные средства автора в январе 1908 года в Париже (тираж 300 экземпляров) и содержащем 32 стихотворения, которые были предварительно прочитаны Брюсовым, и лишь потом вошел в раздел «Романтические цветы» сборника «Жемчуга». Выбор этого более раннего стихотворения для публикации в «Антологии» может быть связан с тем, что в письме к Иннокентию Анненскому, датированном приблизительно 15 декабря 1908 года, Гумилев писал: «...я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об «Озере Чад», моем любимом стихотворении» (Гумилев, 2007, с. 127). Разноплановость стихотворений позволяет предположить, что Гумилев стремился как можно полнее показать грани своего творчества.

Таким образом, факт публикации четырех стихотворений Николая Гумилева в «Антологии русских поэтов», очевидно, стал результатом как личной инициативы молодого автора, так и благосклонного отношения к нему Брюсова.

Обратим внимание на то, что 14 поэтов, включенных в «Антологию» помимо Гумилева, либо принадлежат символистскому поэтическому течению, либо предвосхищают его своим творчеством. При этом объем стихотворений каждого из представленных поэтов прямо пропорционален ценности того или иного автора в глазах Брюсова (нет нужды говорить о том, что сам Брюсов занимает бесспорно центральное место в «Антологии», таким образом подчеркивая свою «ведущую роль в современной русской литературе» и свое «поэтическое превосходство» (Рене Гиль — Валерий Брюсов, 2004, с. 428)). Гумилев же не только становится единственным «новым» поэтом, включенным в «Антологию», но и выделяется относительно большим объемом публикуемых в «Антологии» стихов, сопоставимым с объемом публикаций Н. Минского, Д. Мережковского, И. Анненского. Это было большим достижением молодого автора, особенно если учесть, что на тот момент Гумилев опубликовал только «Романтические цветы» (которые сам Брюсов называл «ученическими» (Брюсов, 1990, с. 262)) и «Жемчуга».

Без сомнения, публикация в одном издании не просто в соседстве с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, но и наравне с ними, стала для Гумилева своего рода компенсацией за унижение, перенесенное в декабре 1906 года; однако она послужила еще и доказательством признания литературного дарования Гумилева.

«Камень» Николая Гумилева: перевод, автоперевод или плод сотрудничества?

Итак, в *Anthologie des poètes russes* Николай Гумилев представлен четырьмя стихотворениями *La pierre*, *Les fondateurs*, *Le perroquet* и *Le lac Tchad*

(Chuzeville, 1914, p. 273–282). Среди французских текстов особо выделяется перевод стихотворения «Камень», являющийся, по мнению Г.П. Струве, автопереводом. Уже в 1988 году эта гипотеза была подвергнута сомнению: М.Д. Эльзон предположил, что Гумилев заимствовал французский текст из «Антологии» Шюзевиля: «Надо полагать, ему понравился перевод и он внес его в записную книжку» (Николай Гумилев, Стихотворения и поэмы, 1988, с. 540).

Тем не менее в пользу авторства Гумилева говорят некоторые факты.

Во-первых, когда Жан Шюзевиля принимал участие в заседаниях Общества свободной эстетики, он читал переводы «из новых русских поэтов» (Соболев, 2020, с. 430–431), а именно — французские переводы стихотворений Бальмонта, Брюсова и Кузмина. 9 декабря 1910 года Шюзевиля читал стихотворения А. де Мюссе (Соболев, 2020, с. 432), а 3 ноября 1911 года — вновь «по-французски — переводы из современных русских поэтов» (Chuzewille, 16 aout 1913, p. 446). Однако в хрониках заседаний Общества нет ни одного упоминания о том, что Шюзевиля читал стихи Гумилева по-французски (что, безусловно, доказало бы авторство переводов).

Во-вторых, по воспоминаниям Веры Лукницкой, у Гумилева был экземпляр «Антологии» Шюзевиля, привезенный из Парижа и, следовательно, возможность воспользоваться ей как источником французского текста. Однако возникает правомерный вопрос: почему Гумилев переписал в свою записную книжку только текст «Камня», оставив без внимания все три оставшиеся перевода?

Наконец, аргументом в пользу авторства Гумилева выступает сам французский автограф из записной книжки, которая хранится в архиве Г.П. Струве. Сравнение русского текста стихотворения с вариантами французского перевода — автографом Гумилева, вариантом, напечатанным в «Антологии», и вариантом, изданным Струве, показывает совсем небольшое количество расхождений. Однако эти расхождения, и прежде всего, изменения орфографии, представляются любопытными.

La pierre — записная книжка
Н. Гумилева (без даты)

vers-luisants
maint
au fond des mers
Celant
toujour
la heurt
Le **crie**

La pierre — *Anthologie*
des poètes russes, 1914

vers-luisants
maints
au fond des mers
Celant
toujours
le heurt
Le **cri**

La pierre — издание
Г.П. Струве, 1964

vers luisants
maints
du fond des mers
Célant
toujours
le heurt
Le **cri**

Мы видим, что при публикации *La pierre* в собрании сочинений 1964 года Глеб Струве не только исправляет орфографические ошибки, но и меняет грамматическую структуру — *au fond des mers* — *du fond des mers*. В то же время он вносит изменения и в пунктуацию стиха.

La pierre — записная книжка Н. Гумилева
(без даты)

Dans sa fuite sourde et occulte,
Ayant vu ses feux acérés ;
A l'aurore épuisée et saouïe
Elle s'enfuirait de ces lieux ;
Et son rivage déserté,

La pierre — издание Г.П. Струве, 1964

Dans sa fuite sourde et occulte
Ayant vu ses feux acérés,
A l'aurore, épuisée et saouïe,
Elle s'enfuirait de ces lieux,
Et son rivage déserté

При этом при сравнении текстов из записной книжки Гумилева и «Антологии» Шюзевиля обнаруживается значительно меньше изменений: идентично написание *vers-luisants, au fond des mers*, изменен лишь один знак препинания:

La pierre — записная книжка Н. Гумилева
(без даты)

Elle regagnerait l'espace

La pierre — *Anthologie des poètes russes*, 1914

Elle regagnerait l'espace,

Все остальные различия являются исправлениями орфографических ошибок: *le crie* — *le cri*, *la heurt* — *le heurt*, *maint* — *maints*, *toujour* — *toujours*. В этой связи возникает вопрос: в том случае, если текст в записной книжке Гумилева был переписан из «Антологии» Шюзевиля, почему в нем присутствуют явные орфографические и грамматические ошибки? Из автографа записной книжки видно, что Гумилев делал в тексте исправления (в слове *endormie* ошибочно написанная буква «e» исправлена на точку), однако не везде. Было бы логичным предположить, что в случае копирования текста из «Антологии» два французских варианта были бы идентичными.

Также представляет интерес неверное написание слова *toujours* в записной книжке Гумилева. Сравнение всех трех черновиков французских переводов, а также двух версий французского текста стихотворения «Персидская миниатюра», которые были обнаружены на обратной стороне *Memoire concernant une possibilite eventuelle d'un recrutement de contingents de volontaires pour L'Armee Francaise en Abyssinie* («Докладная записка о возможности вербовки добровольцев для французской армии в Абиссинии»⁴), который также находится в архиве Струве, говорит о том, что Гумилев везде писал это слово неправильно:

⁴ *Mémoire concernant une possibilité éventuelle d'un recrutement de contingents de volontaires pour L'Armée Française en Abyssinie*, Photocopy // Gleb Struve Papers, box 86, folder 27, Original in Restricted Series, n.d., Hoover Institution Library and Archives, Sanford University, CA.

La pierre — записная книжка
Н. Гумилева (без даты)

Mais, n'importe en quelle retraite,
Rien ne tromperait son élan,
Elle te suivrait **toujour** prête
Et brusque frapperait ton flanc.

La miniature persane —
записная книжка Н. Гумилева
(без даты)

Un vieillard **toujour** parfumé
Avec de beaux cheveux grisatres
Aprendra vite de m'aimer
D'un amour fol et idolatre.

La miniature persane —
обратная сторона «Памятки...»,
второй вариант (без даты)

Un vieillard **toujour** parfumé
Avec des beaux cheveux grisatres
Certes s'habitueras m'aimer
D'un amour fol et opiniatre.

Возможно, что французский вариант стихотворения «Камень» является плодом совместного сотрудничества Николая Гумилева и Жана Шюзевиля. У нас нет прямых доказательств, однако некоторый свет на его возможную форму проливает хранящееся в РГАЛИ письмо Жана Шюзевиля Александру Блоку от 10 мая 1911 года⁵, к которому приложены переводы стихотворений «Незнакомка», «Венеция», «В лапах косматых и страшных...» и «Девушка пела в церковном хоре...», выполненные французским литератором. Сравнение этих переводов с вариантом текста, опубликованного в «Антологии русских поэтов», выявляет текстуальные расхождения, гораздо более значительные, нежели в случае с Гумилевским стихотворением (ниже — несколько примеров различий в вариантах перевода):

Une jeune fille au temple a chanté —
письмо Жана Шюзевиля Александру
Блоку (10 мая 1911 г.)

Une jeune fille au temple a chanté
Pour tous les vaisseaux partis sur la mer
Pour tous les lassés au loin en allés
Qui n'ont pas étreint **leur joie la plus chère**

L'inconnue — письмо Жана Шюзевиля
Александру Блоку (10 мая 1911 г.)

L'INCONNUE
Les soirs, un vent fiévreux et lourd oppresse
Parmi la rue où sont les restaurants
Alors **qu'avril** à des clameurs d'ivresse
Mêle son âme aux souffles altérants.

Et chaque soir, par delà les barrières
Entre les verts talus de gazon ras
Les fins roués aux expertes manières
S'en vont chacun **une femme** à son bras.

Une jeune fille au temple a chanté —
Anthologie des poètes russes, 1914

Une jeune fille au temple a chanté,
Pour tous les vaisseaux partis sur la mer ;
Pour tous les lassés au loin en allés
Qui n'ont pas étreint **de bonheur plus cher.**

L'inconnue — *Anthologie des poètes
russes*, 1914

L'INCONNUE
Les soirs, un vent fiévreux et lourd oppresse,
Parmi la rue où sont les restaurants ;
Alors **que juin**, à des clameurs d'ivresse,
Mêle son âme aux souffles altérants.

Et chaque soir, par delà les barrières,
Entre les verts talus de gazon ras,
Les fins roués aux expertes manières
S'en vont, chacun **une fille** à son bras.

⁵ Письмо Жана Шюзевиля (Jean Chuzewille). Приложены переводы стихотворений А.А. Блока. На французском языке. 10 мая 1911. 1 л. // РГАЛИ. ф. 55 оп. 1 ед. хр. 471 л. 1, 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5

Фактически может идти речь о литературно-поэтическом сотрудничестве начала XX века, о своеобразном «авторизованном» переводе, выполненном Жаном Шюзевицем, изменения в который вносились как автором перевода, так и авторами стихотворений, написанных на русском языке (Строев, в печати).

«Китайская девушка» Николая Гумилева: история русских и французских публикаций

Из всех трех предполагаемых автопереводов Гумилева *La fille chinoise* имеет наиболее точную датировку и наиболее простую историю создания. Русский вариант стихотворения был написан Гумилевым (по свидетельству Ахматовой, сохранившемуся в заметках П.Н. Лукницкого) зимой 1913/1914 года (Лукницкая, 2005, с. 236). Впервые стихотворение было опубликовано в журнале «Русская мысль» (№ 7, июль, 1914, с. 106), а затем — в сборнике «Колчан» (Гиперборей, 1916, с. 75–76). Два варианта публикаций содержали небольшие отклонения в тексте: в первоначальном варианте, опубликованном в «Русской мысли» — не 6, а 7 строф (дополнительная строфа находится на 7-й позиции):

*Если ж розы запахнут,
Птица крикнет, дразня,
Комбинации шахмат
Успокоят меня.*

Из заметок П.Н. Лукницкого мы знаем, что уже в начале зимы 1914 года Гумилев публично читал французскую версию стихотворения: «1914. Первая половина года. Три встречи с приехавшим в Петербург Полем Фор (у Н.С. Кругликова (?), где читал французский текст стихотворения «Китайская девушка» в подвале «Бродячей собаки» и в Тенишевском зале, на лекции)» (Лукницкая, 2005, с. 240). Таким образом, принадлежность авторства перевода на французский язык именно Гумилеву представляется вполне обоснованной.

В отличие от французского варианта стихотворения «Камень» французский текст “*La fille chinoise*” действительно впервые был опубликован в 4-томном собрании сочинений Гумилева, подготовленном Г. Струве.

«Персидская миниатюра» Николая Гумилева: история русских и французских публикаций. Вопрос первичности текстов

В отношении третьего предполагаемого автоперевода Гумилева, «Персидской миниатюры», пожалуй, практически нет вопросов относительно ав-

торства французского текста: помимо автографа Гумилева в записной книжке из архива Струве существуют также два дополнительных варианта французского текста стихотворения (с большими отклонениями от версии стихотворения в записной книжке), размещенные на обратной стороне «Записки об Абиссинии». Тем не менее основной проблемой, связанной со стихотворением «Персидская миниатюра», является выяснение того, какой вариант текста — французский или русский — был первичным. Фактически можно поставить вопрос о том, является ли стихотворение автопереводом с русского на французский, или наоборот.

Датировку текста помогает очертить упоминание о политическом строе Абиссинии, содержащееся в записке: «le pays se gouverne par un empereur (en ce moment par une impératrice...)». Речь идет о Заудиту, императрице Эфиопии в 1916–1930 годах, которая взошла на престол 27 сентября 1916 г. Относительно подписи документа: «Sous-Lieutenant du 5e Régiment des Hussards d’Alexandrie, de l’Armée Russe Goumiliou», мы знаем, что поэт был формально исключен из списков 5-го гусарского Александрийского полка приказом № 2811192 21 сентября 1917 года (Степанов, 2014, с. 289–290).

К этому временному промежутку относится, в частности, и пребывание Гумилева в Париже в распоряжении комиссара Временного правительства Раппа, что позволяет нам с большой долей вероятности предположить, что «Записка об Абиссинии была написана в июле-августе 1917 года.

Что же касается варианта французского текста в записной книжке Гумилева, мы также не имеем сведений относительно ее датировки, но совершенно очевидно, что записанный в ней французский текст появился не позже апреля 1918 года.

Первая публикация французского текста «Персидской миниатюры» датируется 1923 годом. Она была включена в издание «Н. Гумилев. Стихотворения. Посмертный сборник. Издание 2-е, дополненное», которое было выпущено в Петрограде Центральным Кооперативным Издательством «Мысль». Предисловие и комментарии к сборнику были составлены Георгием Ивановым. В примечаниях к французскому тексту «Miniature persane» Иванов указал следующее: «Французский подлинник стихотворения Персидская миниатюра, напечатанного в книге „Колчан“. Вариант на русском языке является переводом» (Гумилев, 1923, с. 5).

Тем не менее Глеб Струве в комментариях к изданию 1964 года подверг это утверждение сомнению. Это связано, во-первых, с тем, что сведения о публикации «Персидской миниатюры» в сборнике стихов «Колчан» были ошибочны, а во-вторых, Георгий Иванов не привел никаких оснований для того, чтобы считать французский текст оригиналом (кроме, возможно, устных пояснений самого Гумилева, которые нигде зафиксированы не были). Таким образом, мы имеем дело с пятью (!) вариантами французского текста: тремя автографами, посмертным сборником, изданием Струве. При этом важно отметить, что самым близким к русскому аналогу вариантом французского текста является вариант, фигурирующий в записной книжке Гумилева.

Что же касается русского стихотворения «Персидская миниатюра», его датировка тоже представляется неоднозначной. Впервые автограф стихотворения был размещен в альбоме 1919 года (до 31 августа 1919 года).

14 февраля 1921 года Гумилев включил стихотворение в авторский рукописный сборник «Персия» вместе со стихотворениями «Пьяный дэрвиш» и «Подражание персидскому». В 1921 году «Персидская миниатюра» была напечатана в сборнике «Огненный столп» (июль 1921 года, с. 30–31) с некоторыми расхождениями в тексте по сравнению с автографом.

Тем не менее, несмотря на то, что наиболее ранний вариант автографа «Персидской Миниатюры» по-русски относится, как мы уже упоминали, к 1919 году и что в «Альбомах», где записаны стихотворения 1916–1917 годов, «Персидской миниатюры» нет и она не была включена Гумилевым в «Костер» (1918 г.), мы не можем с уверенностью утверждать, что стихотворение не было написано раньше 1919 года: датировка альбомных стихотворений в случае Гумилева представляет определенную сложность. Так, не всегда совпадают даты на титульном листе и даты написания стихотворений («Ник. Степ. Гумилев, когда покупал новый альбом, прежде всего на нем ставил дату и затем его заполнял» (Brussov, 1914, p. 397)). Некоторые альбомы (как, например, альбом 1919 года) Гумилев планировал продолжать («Очевидно, Гумилев в 1921 г. хотел продолжить заполнение альбома — на оставшихся чистых листах проставлены заголовки стихотворений, написанных после лета 1919 года... однако сами тексты стихотворений не были вписаны» (Гумилев, 2001, с. 181)). Некоторые альбомы Гумилев заполнял в августе месяце сочиненными ранее стихотворениями.

Таким образом, сложно придерживаться единственной гипотезы о том, какой из двух вариантов стихотворения — русский или французский — был первичен. Тем не менее наличие 8 вариантов стихотворения на двух языках дает широкое поле для исследований — как языковых, так и семантических. Не подлежит сомнению лишь одно: французские варианты стихотворения «Персидская миниатюра» — уникальны, в каком бы качестве они ни трактовались: автоперевод на французский язык или единственный дошедший до нас пример стихосложения на французском, принадлежащий Николаю Гумилеву.

Предполагаемые автопереводы Николая Гумилева: французские стихи в записной книжке

Особый интерес представляет вопрос, с какой целью Николай Гумилев объединил свои автопереводы (свои французские стихотворения) в записной книжке.

Принимая во внимание примерное время заполнения записной книжки (июнь 1917 — апрель 1918 года), мы можем выдвинуть как минимум две версии. Первая заключается в том, что в период своего последнего пребывания за границей Гумилев мог готовиться к публичным поэтическим выступ-

лениям. Об одном из таких выступлений говорится в воспоминаниях П. Анненкова: 18 августа 1917 года состоялось «литературное утро», на котором Гумилев читал свои «экзотические стихи» (Степанов, 2014, с. 772).

Вторая версия связана с тем, что Николай Гумилев, покидая Лондон в апреле 1918 года, планировал вернуться за границу, на что указывают его планы издания журнала «Гиперборей» в Лондоне. В письме к Анне Ахматовой после 4/17 июня 1917 года он пишет: «Думаю устроить, чтобы гиперборейские издания печатались после войны в Лондоне, это будет много лучше и даже дешевле. Здесь книга прозы, 300 стр. 1000 экз. на плотной бумаге и в переплете, стоила еще совсем недавно 500 р.» (Гумилев, 2007, с. 208). Во-вторых, во время своего последнего пребывания в Лондоне, а затем в Париже Гумилев прекрасно себя чувствовал, не испытывал финансовых трудностей и явно планировал вернуться за границу. В письме из Лондона к М.Л. Лозинскому, написанному в конце июня 1917 года, он пишет: «Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как бык, и помолодевшим, по крайней мере, на пятнадцать лет. <...> Помнишь, что мы должны после войны вместе ехать за границу» (Гумилев, 2007, с. 209). В своих заметках П.Н. Лукницкий подытожил: «Работы по службе много, но протекает она в хороших условиях. <...> Несколько писем жене и матери. Зовет их в Париж» (Лукницкая, 2005, с. 273).

Наконец, следует обратить внимание на тот факт, что Гумилев ехал в Россию «налегке» (Лукницкая, 2005, с. 276) — покидая Париж во второй половине марта 1918 года, он оставил у квартиросъемщика часть своих вещей и папку бумаг, а у комиссара Временного правительства Евгения Ивановича Раппа часть коллекций по искусству Востока. В апреле же 1918 года, будучи проездом в Лондоне, Гумилев оставил у Б.В. Анрепа остальную часть своих вещей, среди которых и была его записная книжка с автопереводами.

Заключение

Подобно многим своим собратьям по перу, во время пребывания во Франции Николай Гумилев стремился войти в парижский литературный круг, завязать знакомства с французскими литераторами и живущими во Франции соотечественниками и, таким образом, создать себе литературную репутацию как за границей, так и на родине. Однако лишь по прошествии четырех лет бесплодных попыток добиться известности во Франции (в том числе через Валерия Брюсова и Рене Гиля) Гумилеву удалось добиться желаемого результата, благодаря встрече, переписке и последующему сотрудничеству с Жаном Шюзевилом. Публикация четырех стихотворений Гумилева в «Антологии русских поэтов» под редакцией и в переводе Жана Шюзевиля — это удача молодого автора, ищущего литературного признания.

Только недель тому назад Гумилев не довольствовался переводами своих стихотворений на французский язык, выполненными Шюзевилом, и не оставлял попыток работать с французским текстом самостоятельно. Фран-

цузские переводы стихотворений Гумилева, бесспорно, являются элементом стратегии (до сих пор — малоизученным) по завоеванию французской и русской литературной репутации. Мы можем предположить, что объединение Николаем Гумилевым трех французских версий его стихотворений в записной книжке представляется подготовительным этапом к дальнейшему утверждению его позиций в русско- и франкоязычных литературных кругах Парижа.

Библиографический список

- Биск А.А.* Русский Париж 1906–1908 гг. // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. 559 с.
- Брюсов В.Я.* Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М.: Советский писатель, 1990. 709 с.
- Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая // Литературное наследство / отв. ред. Н.А. Трифонов. М.: Наука, 1994. 635 с.
- Гумилев Н.С.* Стихи 1916–1921 гг. и стихи разных лет // Гумилев Н.С. Собрание сочинений: в четырех томах / под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон: Издательство книжного магазина Victor Kamkin, Inc., 1964. 427 с.
- Гумилев Н.С.* Стихотворения. Посмертный сборник. Изд. 2-е, доп. Петроград: Центральное Кооперативное Издательство «Мысль», 1923. 128 с.
- Гумилев Н.С.* Том Восьмой, Письма // Полн. собр. соч. в 10 т. М.: Воскресенье, 2007. 640 с.
- Гумилев Н.С.* Том Седьмой, Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии // Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006. 552 с.
- Гумилев Н.С.* Том Четвертый. Стихотворения. Поэмы (1918–1921) // Полн. собр. соч. в 10 т. М.: Воскресенье, 2001. 394 с.
- Гумилева А.А.* Николай Степанович Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников / ред., сост., пред. и комм. В. Крейд. Париж; Нью-Йорк: Третья волна; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1989. 320 с.
- Динесман Т.Г.* Предисловие к французской «Антологии русских поэтов» // Литературное наследство. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 200–204.
- Лукницкая В.К.* Любовник. Рыцарь. Летописец. Еще три сенсации из Серебряного века. СПб.: Сударыня, 2005. 342 с.
- Лукницкая В.К.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 302 с.
- Николаев Н.И.* Журнал «Сириус» (1907) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография / под ред. М.Д. Эльзона и Н.А. Грозновой. СПб.: Наука, 1994. С. 310–316.
- Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы / сост., прим. М.Д. Эльзона. Л.: Библиотека поэта, Большая серия, 1988. 651 с.
- Ремизов А.М.* Петербургский Буерак // Собр. соч. Т. 10. М.: Русская книга, 2003. 592 с.
- Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915 / сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. Р. Дубровкина; пер. с фр. Р. Дубровкина, И. Григорьевой, Е. Смагиной-Варон; подг. фр. текста П.-И. Мюллер. СПб.: Академический проект, 2004. 512 с.
- Соболев А.Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917): материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 384–457.
- Степанов Е.Е.* Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. 848 с.

Строев А.Ф. Андрей Белый в зеркале французской критики (1905–1935) (готовится к печати).

Струве Г.П. О четырех поэтах. Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам: сборник статей. London: Overseas publications Interchange LTD, 1981. 188 с.

Эльзон М.Д. Жан Шюзеви́ль. Письмо к Н.С. Гумилеву // Литературный архив: материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. С. 294–296.

Brussov V. Anthologie des poètes russes // Le livre dont on parle. Paris-midi: seul journal quotidien paraissant à midi / dir. Maurice de Waleffe. Paris: 1914, 7 janvier.

Chuzeville J. Anthologie des poètes russes. Paris: G. Crès, 1914. 303 p.

Chuzewille J. Lettres Russes // Mercure de France: série moderne / directeur Alfred Vallette. Paris: Mercure de France, 1913, 16 aout. P. 871–875.

Chuzeville J. Lettres Russes// Mercure de France: série moderne / directeur Alfred Vallette. Paris: Mercure de France, 1913, 1 novembre. P. 201–204.

Howells D.L.L. Russian émigré serials 1855–1990 in Oxford libraries: Materials for a union catalogue. Oxford: Meeuws, 1990, No. 76.

Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française : une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki / éd. A. Stroeв. Paris: PSN, 2019. 368 p.

Povolotzky J. Les poètes russes // La Grande revue. Vol. 66, n° 9. 1911, le 10 mai. P. 114–128.

Warnod A. Notes d'un promeneur au Salon d'Automne // Comoedia. 1910, 6 octobre.

References

Bisk, A.A. (1993). Russian Paris 1906–1908. In *Memoirs of the Silver Age*. Moscow: Respublica Publ. (In Russ.)

Briusov, V.Ya. (1990). *Among Poetry. 1894–1924*. In *Manifests. Articles. Reviews*. Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russ.)

Brussov, V. (1914, janvier 7). Anthologie des Poètes Russes. In *Le Livre dont on Parle. Paris-midi: Seul Journal Quotidien Paraissant à Midi*. Paris.

Chuzeville, J. (1914). *Anthologie des Poètes Russes*. Paris: G. Crès.

Chuzewille, J. (1913, aout 16). Lettres Russes. In *Mercure de France: Série Moderne* (pp. 871–875). Paris: Mercure de France.

Chuzeville, J. (1913, novembre 1). Lettres Russes. In *Mercure de France: Série Moderne* (pp. 201–204). Paris: Mercure de France.

Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ya. Briusov (1906–1909). (2001). *Literaturovedchesky Jurnal*, (15). Retrived February 2, 2022, from <https://cyberleninka.ru/article/n/perepiska-z-n-gippius-d-s-merezhkovskogo-d-v-filosofova-s-v-ya-bryusovym-1906-1909>. (In Russ.)

Dinesman, T.G. (1976). Introduction to the French “Anthology of Russian Poets”. In *Literary Heritage. Valery Briusov* (pp. 200–204). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Gumilev, N.S. (1923). *Poems. Posthumously Collected Works*. Petrograd: Tsentralnoe Kooperativnoe Izdatelstvo “Mysl” Publ. (In Russ.)

Gumilev, N.S. (1964). Poems Written in 1916–1921 and in Other Years. In *Gumilev, N.S. Collected Works in 4 Vol*. Washington: Victor Kamkin, Inc. (In Russ.)

Gumilev, N.S. (2001). Vol. Four. Poems (1918–1921). In *Complete Collected Works in 10 Vol*. Moscow: Voskresenie Publ. (In Russ.)

Gumilev, N.S. (2006). Vol. Seven, Articles on Literature and Art. Reviews. In *Complete Collected Works in 10 Vol*. Moscow: Voskresenie Publ. (In Russ.)

Gumileva, A.A. (1989). Nikolay Stepanovich Gumilev. In *Recollections of Nikolay Gumilev by His Contemporaries*. Paris; New York: Third Wave; Düsseldorf: Blue Flower. (In Russ.)

Howells, D.L.L. (1990) *Russian émigré Serials 1855–1990 in Oxford Libraries: Materials for a Union Catalogue*. Oxford: Meeuws.

Les Intellectuels Russes à la Conquête de L'opinion Publique Française: Une Histoire Alternative de la Littérature Russe en France de Cantemir à Gorki (2019). Paris: PSN.

Luknitsakaya, V.K. (2005). *Lover. Knight. Chronicler. Three More Sensations from the Silver Age*. Saint-Petersburg: Sudarynia Publ. (In Russ.)

Luknitsakaya, V.K. (1990). *Nikolay Gumilev: His Life According to Luknitsky Family Materials*. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russ.)

Nikolaev, N.I. (1994). “Sirius” Magazine (1907). In *Nikolay Gumilev. Research. Materials. Bibliography* (pp. 310–316). Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)

Nikolay Gumilev, Poems (1988). Leningrad: Biblioteka Poeta, Bolshaya Seriya Publ. (In Russ.)

Povolotzky, J. (1911). Les Poètes Russes. *La Grande Revue*, 66(9), 114–128.

Remizov, A.M. (2003) Petersburg Ravine. *Collected Works* (Vol. 10). Moscow: Russian Book Publ. (In Russ.)

René Ghil — Valery Briusov. Correspondence. 1904–1915 (2004). Saint-Petersburg: Akademicheskyy Proekt Publ. (In Russ.)

Sobolev, A.L. (2020). Free Aesthetics Society (1906–1917). *Chronicle Materials. Literaturniy Fakt*, 1 (15), 384–457. (In Russ.)

Stepanov, E.E. (2014). *Poet at War. Nikolay Gumilev. 1914–1918*. Moscow: Progress-Pleyada Publ. (In Russ.)

Stroev, A.F. *Andrey Bely in French Criticism (1905–1935)* (In Print). (In Russian)

Struve, G.P. (1981). *On Four Poets. Blok, Sologub, Gumilev, Mandelstam*. London: Overseas publications Interchange LTD. (In English)

Valery Briusov and his Correspondents. Book Two (1994). In *Literary Heritage*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Warnod, A. (1910, octobre 6). Notes d'un Promeneur au Salon d'Automne. *Comoedia*.

Сведения об авторе:

Якубовская Ксения Андреевна, студентка магистратуры Университета Новая Сорбонна. ORCID ID: 0000-0002-4590-8165; e-mail: ksenia.yakubovskaya@sorbonne-nouvelle.fr

Bio note:

Ksenia A. Yakubovskaya, Master's student at the New Sorbonne University. ORCID ID: 0000-0002-4590-8165; e-mail: ksenia.yakubovskaya@sorbonne-nouvelle.fr

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-345-358

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**«Ведь они про нас аза не знают...»:
русская литература во французской
периодике начала XX в. Обзоры Валерия Брюсова,
Зинаиды Гиппиус, Якова Поволоцкого**

А.Д. Савина^{id}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук (ИМЛИ РАН),
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
✉ anfisa.savina@yandex.ru

Аннотация. При том значительном внимании, которое уделяется русско-французским культурным связям, тема франкоязычной рецепции литературы Серебряного века все еще остается малоизученной. Рассмотрены три обзорные статьи, редко попадающие в поле зрения исследователей. Это тексты, написанные на французском языке для французских изданий русскими авторами: «Письмо о русской литературе» В.Я. Брюсова (Le Belfroi, 1905), «Заметки о русской литературе нашего времени» З.Н. Гиппиус (Mercure de France, 1908), «Русские поэты» Я.М. Поволоцкого (La Grande Revue, 1911). Во всех случаях речь идет не о регулярном сотрудничестве с французской прессой, а о единичных выступлениях, целью которых было донести до иностранной аудитории свое видение современного литературного процесса в России. Все авторы под видом объективных обзоров стремятся познакомить читателей с литературой символизма. В текстах Брюсова и Гиппиус можно увидеть сжатое изложение мыслей, рассыпанных в их многочисленных русских статьях и заметках. При этом их оценки литераторов-«реалистов» оказываются менее резкими, чем на страницах русских журналов. И все же для обоих критиков обращение к М. Горькому и Л. Андрееву становится своего рода трамплином для представления творчества близких по духу авторов. В отличие от Брюсова и Гиппиус, Яков Поволоцкий в статье о русских поэтах оказывается не столько автором собственной концепции, сколько систематизатором. Опираясь на существующие взгляды, он выделяет три ряда поэтов, наиболее подробно характеризуя «мэтров». Ряд оценок, сделанных в рассмотренных статьях, на сегодняшний день кажутся слишком очевидными, однако необходимо учитывать, что все авторы исходят из представления, что французской публике ничего неизвестно о русской нереалистической литературе.

Ключевые слова: критика, рецепция, русско-французские литературные связи, В. Брюсов, З. Гиппиус, Я. Поволоцкий, символизм, реализм, Le Belfroi, Mercure de France, La Grande Revue

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 2 февраля 2022 г.; откорректирована — 5 апреля 2022 г.; принята к публикации — 6 мая 2022 г.

Для цитирования: *Савина А.Д.* «Ведь они про нас аза не знают...»: русская литература во французской периодике начала XX в. Обзоры Валерия Брюсова, Зинаиды Гиппиус, Якова Поволоцкого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 345–358. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-345-358>

“After All, They Don’t Know Anything About Us...”:
Russian Literature in French Periodicals
of the Early 20th Century. Reviews by Valery Bryusov,
Zinaida Gippius, Yakov Povolotsky

Anfisa D. Savina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*

✉ anfisa.savina@yandex.ru

Abstract. With the considerable attention paid to Russian-French cultural ties, the topic of the French reception of the Silver Age literature still remains poorly studied. In this paper, we consider three review articles that rarely come to researchers’ attention. These are texts written by Russian authors in French for French magazines: “Letter on Russian Literature” by V.Ya. Bryusov (“Le Beffroi”, 1905), “Notes on Russian Literature of Our Time” by Z.N. Gippius (“Mercure de France”, 1908), and “Russian poets” Ya.M. Povolotsky (“La Grande Revue”, 1911). All the cases are not a part of regular cooperation with the French press, but individual performances aspiring to convey the authors’ vision of the modern literary process in Russia to a foreign audience. All the authors, under the guise of objective reviews, seek to acquaint readers with the literature of symbolism. The ideas presented in Bryusov’s and Gippius’s texts are very similar to those found in their numerous Russian articles and notes, but their assessments of “realist” writers turn out to be less harsh than on the pages of Russian magazines. Nevertheless, for both critics, the appeal to M. Gorky and L. Andreev is only a pretext for introducing symbolist writers. Unlike Bryusov and Gippius, Yakov Povolotsky in his article on Russian poets turns out to be not so much the creator of a concept of his own, but a systematizer. His system is based on already existing views. He identifies three groups of poets and describes the “masters” in meticulous detail. Some assessments made in the given articles seem obvious today, but it should be noted that all the authors assume that the French public knows nothing about Russian non-realistic literature.

Keywords: criticism, reception, Russian-French literary relations, V. Bryusov, Z. Gippius, Ya. Povolotsky, symbolism, realism, Le Beffroi, Mercure de France, La Grande Revue

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: February 2, 2022; revised: April 5, 2022; accepted: May 6, 2022.

For citation: Savina, A.D. (2022). “After all, they don’t know anything about us...”: Russian Literature in French Periodicals of the early 20th century. Reviews by Valery Bryusov, Zinaida Gippius, Yakov Povolotsky. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 345–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-345-358>

Введение

При том значительном внимании, которое уделяется русско-французским культурным связям, тема франкоязычной рецепции литературы Серебряного века все еще остается малоизученной. Существуют серьезные исследования, освещающие восприятие отдельных авторов на рубеже XIX–XX веков (например, Д.С. Мережковского (Строев, 2015; Полонский, 2019), М. Горького (Rolet, 2018; Уртминцева, Максимова, 2019) и др.). Однако представляется немаловажным обратиться к появившимся во французской прессе публикациям, в которых представлена *цельная картина* литературной жизни России порубежной эпохи.

В данной работе будут рассмотрены три обзорные статьи, написанные на французском и для французских изданий русскими авторами: «Письмо о русской литературе» (*Lettre sur la Littérature russe*) В.Я. Брюсова (*Le Beffroi*, 1905 (Brussov, 1905)), «Заметки о русской литературе нашего времени» (*Notes sur la Littérature russe de notre temps*) З.Н. Гиппиус (*Mercure de France*, 1908 (Hippius, 1908)), «Русские поэты» (*Les Poètes russes*) Я.М. Поволоцкого (*La Grande Revue*, 1911 (Povolozki, 1911)). За каждым из этих текстов стоит своя, известная или не очень, история создания и публикации. Но во всех случаях речь идет не о регулярном сотрудничестве, при котором авторы могли бы последовательно проводить ту или иную линию, а о единичных выступлениях — обзорах, целью которых было донести до французской аудитории свое видение современного литературного процесса.

Следует сразу подчеркнуть, что и для Брюсова, и для Гиппиус-Мережковской завоевание французской (шире — европейской) популярности было важной стратегической задачей, к которой они относились очень серьезно. При этом оба старались представить не только и не столько свое единоличное творчество, но показать европейской аудитории весомость литературного течения, представителями которого они являлись.

«Письмо...» Валерия Брюсова в *Le Beffroi*

Репутация В.Я. Брюсова как активного и энергичного посредника между французской и русской культурами известна. Критик, переводчик, фактический руководитель журнала «Весь», Брюсов сделал немало, чтобы познакомить соотечественников с европейской литературой. Неудивительно, что лидер московских символистов был заинтересован и в обратном движении.

В журнал *Le Beffroi*, «орган молодых писателей северной Франции и Бельгии, выходивший в Лилле с 1900 по 1906 г.», Брюсов впервые обратился, отвечая на «анкету о французской поэзии», в которой «предлагалось

назвать 10 писателей, достойных стать членами французской «Академии поэтов» (если бы таковая существовала), а также указать лучшую книгу года, изданную на французском языке» (Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915, 2004, с. 127). Об участии в этой анкете Брюсов писал своим французским корреспондентам: Рене Гилю и Эмилю Верхарну.

После этого, в 4-м номере *Le Beffroi* за 1905 году в разделе «Хроника» появилось подписанное Брюсовым «Письмо о русской литературе». Появление публикации во французском журнале было отмечено в «Весах», статье дана следующая характеристика, принадлежащая, скорее всего, перу самого Брюсова: «Le Beffroi. Статья Валерия Брюсова о русской литературе в 1904–5 году. Г. Брюсов говорит о Горьком („Человек“, „Дачники“), Леониде Андрееве („Красный смех“), Мережковском („Петр“), Бальмонте („Собрание стихов“, „Литургия красоты“), Андрее Белом („Возврат“), А. Блоке, Вяч. Иванове и Ф. Сологубе» (Из журналов, 1905, с. 72).

По этому описанию складывается впечатление, что Брюсов постарался дать объективный обзор литературных новинок указанного времени, уделив внимание представителям разных литературных групп. Однако более внимательное рассмотрение французского текста позволяет сделать иные выводы.

Стоит оговорить, что к 1905 году Брюсов уже имел опыт сотрудничества в иностранной прессе — с 1901 года он представлял ежегодные обзоры русской литературы для английского журнала *The Athenaeum*, сменив на этом поприще К. Бальмонта. Более того, сравнение показывает, что ряд фрагментов во французском и английском журналах совпадают. Однако французская статья не идентична английской. Вероятно, это объясняется разными задачами. Для английского издания Брюсов писал хоть и редко, но регулярно, целью статей было представить самые яркие литературные и исторические новинки за истекший год. Корреспонденция Брюсова во французский журнал осталась единственной и должна была дать читателю общее представление о литературной ситуации последних лет.

Французская статья Брюсова начинается с утверждения, что после расцвета романа в 1860–1870 годах (Достоевский, Тургенев, Толстой) русская литература переживала упадок, таланты (за исключением Всеволода Гаршина) отсутствовали. Но последние годы ушедшего века стали для России настоящей эпохой возрождения/обновления («*époque de renouveau*») (Brussov, 1905, p. XVII)¹.

Характеристику этого «обновления» критик начинает отнюдь не с символизма, не с идеализма, как можно было бы ожидать, — стараясь приблизиться к читателю, он обращается к реализму и Горькому: «Движение, наиболее известное иностранцам, связано с именем Максима Горького. Его произведения снискали громкий успех в Германии и появились в нескольких французских изданиях <...>. Горький — бесспорно, подлинный талант»

¹ При цитировании французских источников приводится, по возможности, близкий тексту перевод. При необходимости для более точной передачи смысла даются выражения оригинала.

(Brussov, 1905, p. XVII). Таким образом, как будто согласившись со справедливостью признания Горького, Брюсов начинает последовательное опровержение: «В его рассказах встречаются поразительные типы, но ему не хватает глубины восприятия и широты взгляда. <...> Но даже эти типы, постоянно повторяясь в его произведениях, в конце концов утомляют. Он пользуется чисто романтическим методом, но порой это романтизм дурного вкуса. В последнее время... Горький обратился к театру. Его драматический шедевр „На дне“ — не что иное, как серия диалогов, извлеченных из его романов. Что касается его последней драмы — „Дачники“ — она не поднимается над уровнем посредственности. „Человек“, стихотворение в прозе, появившееся прошлой осенью, — соединение риторических восклицаний, смесь плохо понятых идей Ницше и Карлейля» (Brussov, 1905, p. XVII).

Собственно, на протяжении этого абзаца Брюсов просто разрушает репутацию Горького как «подлинного таланта». Как известно, Брюсов писал о Горьком немало, и процитированные выше строки коррелируют с рецензиями в «Весах», причем в русском издании Брюсов куда более беспощаден («Горький исписался», «Горький не говорит ничего нового: приемы писания, стиль, мысль — все у него избито») и т.д. (Смирнов [Брюсов], 1905, с. 48)).

Отметим, что иначе Брюсов пишет о Горьком в журнале *The Athenaeum*. В обзорах 1901–1903 годов он восхищается талантом писателя (повесть «Трое», драмы «Мещане», «На дне»), в 1904 году — просто не упоминает его имени, в обзоре 1904–1905 годов отмечает, что «влияние М. Горького как писателя сильно падает» (Ильёв, 1983, с. 340).

Французский текст по уровню притяжения-непритяжения Горького стоит между английским и русским, и это соположение дает нам внятное представление о том, что восхищало Брюсова в Горьком в первые годы XX века и чем он был разочарован.

Далее Брюсов переходит ко второму кумиру публики — Л. Андрееву, признавая в его таланте большее художественное значение. Как и о произведениях Горького, о рассказах Андреева Брюсов пишет и в «Весах», и в “*The Athenaeum*”, при этом все три публикации — русская, английская, французская — близки, однако во французском журнале дается самая короткая и незмоциональная версия, а заканчивается пассаж признанием недостатков Андреева: в «Красном смехе» «Андреев не сумел создать эпичную картину: он слишком психологичен для этого» (Brussov, 1905, p. XVII) (отметим, что в «Весах», разбирая творчество Андреева, Брюсов приходит к более жестким выводам: «При внешнем таланте изображать события и душевные состояния, Л. Андреев лишен мистического чувства, лишен прозрения за кору вещества. Грубо-материалистическое мировоззрение давит дарование Л. Андреева, лишает его творчество истинного полета»² (Брюсов, 1904, с. 49)). Как и в ситуации с Горьким, на страницах русского журнала

² Приведенная цитата появляется в тексте, представляющем собой изложение брюсовского обзора из журнала *The Athenaeum*, однако в английском журнале эта фраза отсутствует.

Брюсов оказывается более агрессивным критиком, в английском издании — избегает упреков, во французском — делает их в мягкой форме.

Несколько снизив статус «противника», Брюсов переходит к тому, что ему дорого: «Менее известный за границей круг представлен писателями, принадлежащими к идейному движению, аналогичному тому, что во Франции называют „декаданс“ и „символизм“. Поэты этой группы разделились на две школы» (Brussov, 1905, р. XVII–XVIII).

Далее две страницы посвящены этим школам. По словам Брюсова, первая — образованная старшим поколением — группировалась вокруг «Нового Пути». В ней интерес к эстетическим вопросам сменился интересом к вопросам «почти исключительно мистическим и религиозным». Брюсов посвящает абзац религиозно-философским собраниям и затем характеризует романы Мережковского: «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей», про последний он замечает: «Есть прекрасные страницы в этой книге, характеристика Петра ослепительна, но слишком большая эрудиция и очевидная пристрастность вредят производимому впечатлению» (Brussov, 1905, р. XVIII). Здесь оценка смягчается не только по сравнению с русским, но даже по сравнению с английским текстом.

Другая символистская школа, по мысли Брюсова, образована вторым поколением поэтов, которые «остаются верными исключительно эстетическим принципам. Сейчас эти писатели группируются вокруг двух издательств: „Скорпион“ и „Гриф“, а также вокруг журнала „Весы“. Большинство этих поэтов испытали влияние Верлена, Малларме, Верхарна, Метерлинка...» (Brussov, 1905, р. XVIII). Последнее предложение — очевидно, не только мнение критика, но и реверанс в сторону французской публики, попытка приблизить к ней родное Брюсову движение.

Наиболее заметным поэтом Брюсов, как и ожидается, называет Бальмонта. Критик уделяет место характеристике его творчества (причем, говоря о мелодичности поэзии Бальмонта, даже приводит на французском примеры ассонансов из его русских стихов: «le feu, l'eau, l'air, la terre» (Brussov, 1905, р. XVIII)), а также отмечает его переводческие заслуги.

Вторым по значимости Брюсов называет Андрея Белого, рассказывая об оригинальности жанра «симфония». По одному предложению приходится на Ал. Блока («Стихи о Прекрасной Даме»), Вяч. Иванова («Прозрачность») и Ф. Сологуба («Книга сказок»). Авторам этой «школы» Брюсов не делает никаких упреков, он лаконично отмечает особенности каждого, но никак не снижает свои оценки.

При желании можно найти выраженные во французском издании тезисы Брюсова разбросанными по страницам английского и русских изданий. Однако в *Le Belfroi* он в лаконичной форме (без эмоциональных нападок) высказывает представление о ситуации в русской литературе, которое сложилось у него к 1905 году. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся объективность, обращение к значимым и известным за рубежом современникам-реалистам оказывается для Брюсова трамплином для пред-

ставления «менее известного за границей» движения русского символизма. В русском символизме же он начинает с не слишком близких ему по духу религиозных исканий, а потом уже акцентирует внимание на поэтах, группирующихся вокруг «Весов» и «Скорпиона».

Зинаида Гиппиус. «Заметки о русской литературе нашего времени». *Mercure de France*

История появления статьи З. Гиппиус в *Mercure de France* хорошо известна (см. например: (Соболев, 1992, с. 360–361; Строев, 2015, с. 558)). Она связана с публикацией в июльском номере того же журнала «Русского письма» Евгения Петровича Семенова, посвященного мистическому анархизму (Séménoff, 1907). Семенов, ссылаясь на И.А. Чулкова, назвал мистический анархизм одним из важных течений в современной русской литературе, что вызвало бурное негодование российских литераторов. В русской печати появился ряд язвительных статей и протестов. Брюсов, кроме того, направил свой протест в *Mercure de France*. Гиппиус между тем, публикуя выпады против Чулкова в «Вессах», считала, что по отношению к французской публике действовать надо более тонко. О своем видении поведенческой стратегии она сообщала Брюсову из Парижа: «Я очень *боюсь*, что всякое теперь выступление *по поводу* Чулкова (этого его интервью) — послужит к его процветанию и убедит европейцев, что борются две “школы”. А соображение мое такое: не лучше ли будет написать мне, в течение этого месяца, *как будто* независимую статью о русской литературе, причем я постараюсь коснуться остро — и небрежно статьи Семенова и объясню в нескольких словах, *что такое* Чулков, тихо пожалев Семенова, что он попал не туда и этого не заметил» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Филоsofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909), 2001, с. 177).

В это время Мережковские регулярно посещают вечера издательства *Mercure de France*, общаются лично с руководителем журнала — Альфредом Валеттом, который обещает Гиппиус сразу опубликовать ее материалы. Однако статья далась Гиппиус труднее, чем она ожидала, о чем свидетельствует ее признание Брюсову: «...все еще пишу эту надоевшую мне статью в „*Mercure*“ и никак не могу кончить. Мне казалось, что по-французски легче писать, потому что проще, слов меньше, не из чего выбирать, а ошибки — поправлять. Какой там! Труднее. Точно спеленут. Да и внутренне труднее: как им говорить? Ведь они про нас аза не знают. Я представить себе не могла, что они *так* ничего не знают!» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Филоsofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909), 2001, с. 183).

Интенция Гиппиус понятна: с одной стороны, она представляет свое видение ситуации в русской литературе совершенно несведущей и довольно равнодушной французской публике. С другой стороны, она должна исподволь выдержать «кружковые» интересы: показать несостоятельность теорий Чулкова и снизить авторитет Семенова.

Статья Гиппиус появилась в первом номере *Mercure de France* за 1908 год, причем не в «Двухнедельном обозрении», где публиковались «Письма» об иностранной литературе, а в основном разделе. Несмотря на известную историю создания, содержанию этой статьи редко уделяется внимание, поэтому имеет смысл на ней остановиться.

В отличие от трехстраничного «Письма...» Брюсова в *Le Beffroi*, про развернутую публикацию З. Гиппиус нельзя сказать, что это хоть в какой-то мере объективное описание литературной ситуации в России. Это больше похоже на манифест определенной литературной группировки. Гиппиус начинает с заявления, что литература в европейском смысле слова появилась в России только с образованием журнала «Мир искусства» — потому что именно он создал вокруг себя эстетическую среду, при которой возможно говорить о «литературной жизни». До этого — то есть до конца 1890-х годов — в России существовали только отдельные гении (Пушкин, Толстой, Достоевский, Тургенев), по силе не уступающие европейским знаменитостям, но не образующие общих традиций³. Дело в том, что литература в России, по мнению Гиппиус, всегда была слишком придавлена политикой, и любая интеллектуальная жизнь оказывалась невозможной без политики. Все это и не позволяет говорить о литературном движении до создания «Мира искусств».

Сделав такое вступление, Гиппиус обращается к тем, кто сплотился вокруг «Мира искусств». По ее словам, именно из среды этого журнала и примерно одновременно вышли поэты, основавшие «Весы», философствующие писатели, публикующиеся в «Новом Пути», музыкальные критики, художники, знакомые по выставкам французской публике. Разумеется, для создания такой картины Гиппиус несколько подтягивает даты.

Важнейший тезис статьи Гиппиус: «В наше время любое узко национальное литературное или научное движение, не стремящееся к соединению со всеобщей культурой, не может иметь реального значения» (Hippius, 1908, p. 73). Поэтому Чехов, по ее мнению, оказывается слишком мелок. Время единичных гениев вышло, важнее усилия группы, рвущейся к европейской культуре. «Представителем прошлого», «единичной индивидуальностью» оказывается Горький, которого Гиппиус старается просто уничтожить: «талант [Горького] создан исключительно бессознательной и слепой силой человека из народа. Действие событий последних лет и влияние интеллектуальных кругов довершило гибель; сейчас Горький как писатель — не более, чем средний социалист и умерший художник» (Hippius, 1908, p. 73). (Эти оценки совпадают и с ранним высказыванием Брюсова, что Горький «исписался», и с русскими высказываниями круга Мережковских о Горьком (Гиппиус, 1908; Философов, 1907)).

Не сумев ограничиться только легким и небрежным касательством выступления Семенова, Гиппиус весь разговор о символистах строит в поле-

³ В какой-то степени Гиппиус касается этого вопроса в статье 1907 года. «Человек и болото» (Гиппиус, 1908, с. 397–399).

мике с высказываниями Чулкова. Ее основные тезисы: «мистические анархисты» — самодовольные «дети», в теориях которых нет ничего нового, а все более или менее талантливые силы русской литературы не имеют ничего общего с Чулковым. В частности, Гиппиус говорит о Сологубе и Брюсове, последнему уделяя довольно много внимания как верно исповедующему принцип «искусства для искусства», «непримиримому противнику варварства во всех его формах» (Hippius, 1908, p. 77). Однако не с «чистым искусством» Гиппиус связывает будущее русской литературы: «Чем станет русская литература завтра, невозможно сказать с точностью. По какому пути пойдет главное движение, которое шевелится уже в хаосе наших дней, мы не знаем ничего. Некоторые малоощутимые признаки позволяют предвидеть две существенные характеристики истинной русской литературы будущего. Она будет связана с культурой Европы и мира, но она сохранит особенности русской души. Одна из этих особенностей — стремление к религиозной жизни, осознанной и метафизической столько же, сколько и мистической; таким образом, искусство будет опираться на религиозные концепции» (Hippius, 1908, p. 78).

При очевидных отличиях в чем-то Гиппиус строит статью так же, как и Брюсов свой текст в *Le Beffroi*: после вступления с упоминанием имен классиков она громит «врагов» — в первую очередь Горького, хотя достается и Чехову, и Андрееву, и, разумеется, — Чулкову. Затем рассматривает две ветви школы символистов. При этом сначала московскую — эстетическую, сплотившуюся вокруг «Весов», а уже под конец — заветную, обращенную к религии.

Статью Гиппиус, написанную по слишком конкретному поводу и, соответственно, слишком полемическую, нельзя назвать настоящим «обзором» литературной ситуации в России. Характеристики тех или иных писателей надо просто выискивать в тексте. Вероятно, поэтому «Весы», обычно уделяющие немало внимания и появлению русских материалов в европейской прессе, и журналу *Mercur de France*, достаточно лаконично сообщили об этой публикации, процитировав несколько данных Гиппиус характеристик (Из журналов, 1908, с. 106).

Яков Поволоцкий о русской поэзии. *La Grande Revue*

И наконец, третий обзор принадлежит уже не писателю, но человеку, тесно связанному с литературой и книжным делом, — Якову Поволоцкому, известному в 1920–1930 годах парижскому издателю, публиковавшему книги на русском и французском языках. В частности, именно Поволоцкий напечатал в 1920 году «Двенадцать» Блока в переводе С. Ромова с иллюстрациями М. Ларионова. Вполне естественно, что в научной литературе чаще встречается информация о его деятельности после Октябрьской революции. Одно из счастливых исключений — готовящаяся к печати статья

А.Ф. Строева (Строев, в печати), в которой приводятся интересные детали дореволюционной биографии Я.М. Поволоцкого.

Издательство Поволоцкого существовало с 1912 года, а во французской печати он дебютировал в 1911 году со статьей «Русские поэты» (Povolozki, 1911)⁴. Как отмечает А.Ф. Строев, статья представляет собой публикацию лекции, прочитанной Поволоцким в 1910 г. (Строев, в печати).

Это развернутый текст, в котором автор старается представить современных русских поэтов в определенной системе, причем не следуя хронологическому принципу. Начиная статью, Поволоцкий называет стоящую перед ним задачу очень сложной, так как «ничего из произведений не было переведено и никаких документов не существует на французском: ни биографий, ни библиографий, ни критических работ» (Povolozki, 1911, p. 114). В конце своего обзора он подчеркивает, что у него не было цели судить и давать оценки. Однако, хочет он того или нет, порядок представления поэтов и количество страниц или строк, уделенное каждому, базируется на их значимости в глазах критика.

Первое место безоговорочно отдано Бальмонту и Брюсову: именно они начали борьбу за символизм, триумф которого обеспечил искусству независимость. Каждому из них Поволоцкий уделяет по две страницы и только их стихотворения цитирует. Он начинает с указания возраста поэта, приводит даты выхода важнейших сборников, оценки критики. Отмечает особенности поэтики и «творческий идеал», находит параллели среди европейских авторов (Бальмонт сравнивается с Верленом, Брюсов — с Верхарном). Характеризуя творчество, Поволоцкий пишет об индивидуализме («аристократическом эгоизме») и мимолетности впечатлений, свойственных поэзии Бальмонта, о пластичности, совершенной технике и важности городской темы у Брюсова.

Блок — «чемпион среди молодых» — оказывается смелым продолжателем новаторских достижений Бальмонта и Брюсова, он подхватывает у Брюсова тему урбанизма, но оригинально развивает ее, ибо «нервность его души» созвучна нервности современных жителей большого города (Povolozki, 1911, p. 119, 120). У Сологуба, который «стоит рядом с тремя названными поэтами, но все-таки в стороне», Поволоцкий подчеркивает пессимизм и тягу к смерти (Povolozki, 1911, p. 121).

Охарактеризовав этих четырех поэтов, критик в отдельную «школу» выделяет «богоискателей», или «мистиков», к которым относит трех авторов: Мережковского, Андрея Белого, Вяч. Иванова.

Подчеркнув, что **поэт** Мережковский мало оценен в России и давно уже уступил место Мережковскому-прозаику, Поволоцкий пытается кратко очертить мировоззрение писателя. Как ни странно, он ни слова не говорит о типичных для Мережковского оппозициях (дух-плоть, Хритос-Антихрист,

⁴ В 1912 году в издательстве “Grasset” вышел роман Арцыбашева «Санин» в переводе Я. Поволоцкого. В 1913 — его перевод романа того же автора «У последней черты».

христианство-язычество), но выделяет его антипозитивизм и обращенность к религии. Поэтическое творчество Белого и Вяч. Иванова заслуживает большее внимание критика, однако, говоря о них как о значительных поэтах, Поволоцкий отмечает, что стремление новыми средствами выразить уже не раз сказанное прежде порой затрудняет понимание их произведений. В случае Андрея Белого критик подчеркивает неровность творчества, метания и соединение мистицизма с горячим патриотизмом, в случае Вяч. Иванова — совмещение современного словаря с архаизмами и тяжеловесность стиля.

Отдельно Поволоцкий называет поэта-метафизика Минского, которому сфера размышлений и описаний дается лучше, чем выражения чувств. «Множество формальных дефектов Минского искупаются оригинальной и сильной мыслью, стоической даже, хотя без пессимизма» (Povolozki, 1911, p. 126).

На Минском Поволоцкий заканчивает разговор о «мэтрах», но отмечает, что за великими поэтами стоит целая плеяда тех, о ком нельзя умолчать и чьи силуэты он постарается набросать очень кратко. Ими оказываются И. Анненский, Н. Гумилев, М. Волошин, С. Городецкий, М. Кузмин. Каждому из них критик посвящает один-два абзаца: Анненский известен как «наш лучший стилист», один из самых эрудированных людей среди русских интеллектуалов. Гумилев — «лучший ученик Валерия Брюсова», именно «ученик, а не подражатель», «поэт скорее эпичный, чем лиричный». Волошин — «импрессионист» и «окультист». Городецкий — символист, «не затрудняющий себя старомодным идеализмом, не ищущий, когда приходит печаль, утешения иллюзии». «Стихотворения Кузмина гармоничны и музыкальны...» (Povolozki, 1911, p. 126–128).

Уже в завершающих абзацах Поволоцкий приводит и «третий ряд» — имена тех, кто, безусловно, имеет значение, но, пишет критик, «на поэтическом небосклоне это звезды меньшей величины» (Зинаида Гиппиус, Чулков, Потемкин, Гофман, Соловьев, Пест <Пяст?>, Руковишников) (Povolozki, 1911, p. 128).

Как мы видим, статья Поволоцкого серьезно отличается от рассмотренных ранее текстов Брюсова и Гиппиус. Дело не только в том, что он ведет речь исключительно о поэзии — выступая не столько автором собственной концепции, сколько систематизатором, обобщающим существующие взгляды, он стремится беспристрастно и полно охватить материал. Важным источником для статьи Поволоцкого послужили очерки о русской литературе Петра Семеновича Когана, собранные во втором и третьем выпусках тома «Современники» (Коган, 1910; Коган, 1911). Оставив в стороне социальные взгляды автора очерков (П.С. Коган — марксист и отнюдь не поклонник модернизма, в отличие от Поволоцкого), критик цитирует высказывания Когана, следует за ним в классификации и ряде характеристик (тема города у Блока, «разорванность» А. Белого). Кроме того, Поволоцкий, очевидно, являлся внимательным читателем «Аполлона» — он приводит выдержки из статей Анненского, Эллиса, Гумилева, опубликованных в этом журнале.

Заключение

Ряд оценок, сделанных в рассмотренных статьях, на сегодняшний день кажутся слишком очевидными, однако не стоит забывать, когда и для кого они сделаны. Притом что литературная ситуация в России с 1905 к 1911 году заметно изменилась, все авторы исходят из представления, что французской публике **ничего** неизвестно о русском символизме.

Разумеется, для лучшего понимания ситуации, хорошо было бы узнать, реагировала ли и как реагировала французская аудитория на эти статьи. Кроме того, для дальнейшего развития темы кажется небесполезным фронтальный просмотр «Русских писем», появлявшихся на рубеже веков во французских периодических изданиях.

Библиографический список

- Б.п.* В журналах и газетах // *Весы*. 1905. № 4. С. 68–72.
- Б.п.* Из журналов // *Весы*. 1908. № 2. С. 104–106.
- Брюсов В.Я.* Athenaeum о европейской литературе за 1904 г. 1. Россия // *Весы*. 1904. № 9. С. 48–53.
- Гиппиус З.Н.* Литературный дневник (1899–1907). СПб: Изд-во М.В. Пирожкова, 1908. 453 с.
- Ильёв С.П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901–1906) // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван: Советакан Грох, 1983. С. 275–349.
- Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы Т. 3: Современники. Вып. II. М.: Заря, 1910. 162 с.
- Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы Т. 3: Современники. Вып. 1–3: Мистики и богоискатели. М.: Заря, 1911. 160 с.
- Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909) / публ. и подгот. текста В.М. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой // *Литературоведческий журнал*. 2001. № 15. С. 124–347.
- Полонский В.В.* Мережковский «идет на Париж»: стратегии русского писателя по освоению французской литературной среды Прекрасной эпохи / В.В. Полонский. Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 184–221.
- Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915 / сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. Р. Дубровкина; перевод с французского Р. Дубровкина, И. Григорьевой, Е. Смагиной-Варон; подг. французского текста П.-И. Мюллер. СПб.: Академический проект, 2004. 512 с.
- Смирнов Н.* [Брюсов В.Я.] Сборники товарищества «Знание» за 1904 г. Кн. IV и V. Нижегородский сборник. Изд-во тов. «Знание» // *Весы*. 1905. № 4. С. 47–50.
- Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // *Лица: Биографический альманах*. 1. М. СПб.: Феникс, Atheneum, 1992. С. 319–371.
- Строев А.Ф.* Андрей Белый в зеркале французской критики (1905–1935). В печати.
- Строев А.Ф.* Первые французские переводчики и рецензенты Дмитрия Мережковского // *Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации*. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 539–573.

Уртминцева М.Г., Максимова Т.Г. Творчество М. Горького 1890–1900 годов во французской литературной критике и публицистике начала XX века: от факта к образу // Научный диалог. 2019. № 6. С. 190–205.

Философов Д.В. Конец Горького // Русская Мысль. 1907. № 4. С. 122–141.

Brussov V. Lettre sur la Littérature russe // Le Beffroi. 1905. Fasc. 54, avril. P. XVII – XIX.

Hippius Z. Notes sur la Littérature russe de notre temps // Mercure de France. 1908. 1 Janvier. P. 71–79.

Povolozki J. Les Poètes russes // La Grande Revue. 1911. Vol. 66. 10 Mai. P. 114–128.

Rolet S. Comment les Français ont découvert Na dne // Studia Litterarum. 2018. T. 3, № 1. С. 154–177.

Séménoff E. Lettres russes. Le Mysticisme Anarchique // Mercure de France. 1907. 16 Juillet. P. 361–364.

References

- Anon. (1905). In Magazines and Newspapers. *Vesy*, (4), 68–72. (In Russ.)
- Anon. (1908). From Magazines. *Vesy*, (2), 104–106. (In Russ.)
- Briusov, V.Ya. (1904). “Athenaeum” on European Literature in 1904. 1. Russia. *Vesy*, (9), 48–53. (In Russ.)
- Brussov, V. (1905, Avril). Lettre sur la Littérature russe. *Le Beffroi*, fasc. 54, XVII–XIX.
- Filosofov, D.V. (1907). Gorky’s End. *Russkaya Mysl’*, (4), 122–141. (In Russ.)
- Gippius, Z.N. (1908). *Literary Diaries (1899–1907)*. Saint-Petersburg: M.V. Pirozhkov Publ. (In Russ.)
- Hippius, Z. (1908, Janvier 8). Notes sur la Littérature russe de notre temps. *Mercure de France*, 71–79.
- Iliev, S.P. (1983). Russian Literature Reviews for the English Magazine “The Athenaeum” (1901–1906). *Briusov Readings 1980* (pp. 275–349). Yerevan: Sovetakan Groh Publ. (In Russ.)
- Kogan, P.S. (1910). *An Outline of Contemporary Russian Literature* (Issue. 2). Moscow: Zarya Publ. (In Russ.)
- Kogan, P.S. (1911). *An Outline of Contemporary Russian Literature* (Issue. 3). Moscow: Zarya Publ. (In Russ.)
- Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ya. Briusov (1906–1909). (2001). Publ. and ed. by V.M. Tolmachev; comment. by T.V. Vorontsova. *Journal of Literary Criticism*, (15), 124–347. (In Russ.)
- Polonsky, V.V. (2019). Merezhkovsky “Comes to Paris”: The Russian Writer’s Strategies of Conquering French Literary Milieu of the “Belle Époque”. *Polonsky, V.V. From the History of Russian-French Literary Connections (Late 18th — Early 20th Centuries)* (pp. 184–221). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Povolozki, J. (1911, Mai 10). Les Poètes russes. *La Grande Revue*, 66, 114–128.
- René Ghil — Valery Briusov. *Correspondence. 1904–1915*. (2004). Saint-Petersburg: Academicheskyy Proyekt Publ. (In Russ.)
- Rolet, S. (2018). Comment les Français ont découvert Na dne. *Studia Litterarum*, 3(1), 154–177.
- Séménoff, E. (1907, Juillet 16). Lettres russes. Le Mysticisme Anarchique. *Mercure de France*, 361–364.
- Smirnov, N. [Briusov, V.Ya.] (1905). Collections of “Znaniye” Fellowship for 1904. Books IV и V. *Vesy*, (4), 47–50. (In Russ.)

Sobolev, A.L. (1992). The Merezhkovskys in Paris (1906–1908). *Faces: Biographical Almanac. 1* (pp. 319–371). Moscow — Saint-Petersburg: Feniks, Atheneum Publ. (In Russ.)

Stroev, A.F. *Andrey Bely in French Criticism (1905–1935)*. In print. (In Russ.)

Stroev, A.F. (2015). First French Translators and Reviewers of Dmitry Merezhkovsky. *Russian Literature in World Culture: Reception, Translations, Interpretations* (pp. 539–573). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)

Urtmintseva, M.G., Maksimova, T.G. (2019). M. Gorky Works of 1890–1900 in French Literary Criticism and Journalism of the Early XXth Century: From Fact to Image. *Nauchnyy Dialog*, (6), 190–205. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Савина Анфиса Даниловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. ORCID ID: 0000-0002-8081-5159; e-mail: anfisa.savina@yandex.ru

Bio note:

Anfisa D. Savina, Candidate of Philology, Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. ORCID ID: 0000-0002-8081-5159; e-mail: anfisa.savina@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370

УДК 82.01

Научная статья / Research article

М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае

Мэнцю Ма

*МГУ-ПИИ в Шэньчжэнь,
Китай, 518172 Шэньчжэнь, район Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, 1
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1
✉ 2584786603@qq.com*

Аннотация. Проведены исследования состояния восприятия идей М.М. Бахтина в современном Китае. Выбор данного периода объясняется тем, что в последние десятилетия китайские исследователи начали поиски истоков идей Бахтина. Если некоторые отстаивали идею западного происхождения теории Бахтина, то большинство китайских ученых связывало идеи Бахтина с контекстом славянской традиции и православия, в частности, с идеей соборности. Это, безусловно, открыло перед нами новый простор для дальнейших исследований. Автор дает обобщенную характеристику изучения связей идей Бахтина с русской традицией, отмечая, что исследования китайских ученых по этому направлению сосредоточены на разных аспектах: одни обсуждают влияние соборности на творческое сознание Достоевского, структуру художественных произведений и полифоническую идею Бахтина, другие пишут о карнавале как о русском явлении у Бахтина, третьи говорят о христианской антропологии и психологии в творчестве Бахтина, четвертые делают сравнительный анализ идей Бахтина как русского мыслителя и западной философии. Показано, как М.М. Бахтин воспринимался извне, из иной перспективы и культурной традиции, благодаря чему его идеи начинают обогащаться новыми смыслами и коннотациями. Автор приходит к выводу о том, что концепция «соборность» имеет сходство с исторически сложившимся как традиционная ценность китайского народа коллективизмом, поэтому китайские ученые легко приняли концепцию «соборность».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, русская традиция, православие, соборность, полифоническая идея, карнавал, христианская антропология, коллективизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Шэньчжэня и университета МГУ-ПИИ в Шэньчжэне.

История статьи: поступила в редакцию — 12 марта 2022 г.; откорректирована — 12 апреля 2022 г.; принята к публикации — 17 мая 2022 г.

Для цитирования: *Ma Мэнцю.* М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 359–370. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370>

Bakhtin as a Bearer of the Russian Tradition: On the Current Status of the Reception of Bakhtin’s Thought in China

Mengqiu Ma

*Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road, Longgang District, Shenzhen, 518172, PRC
Lomonosov Moscow State University,
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
✉2584786603@qq.com*

Abstract. This article aims to study the current status of the reception of Bakhtin’s thought in China. The choice of this period is explained by the fact that in recent decades Chinese researchers have begun to search for the origins of Bakhtin’s thought. While some have insisted on a Western origin of Bakhtin’s theories, most Chinese scholars have linked Bakhtin’s thought with the Slavic tradition and the Russian Orthodox Church, in particular, with the concept of “sobornost”. This opened up new opportunities for further research. In this article, the author gives an overview of the research on the relationship between Bakhtin’s thought and the Russian tradition, noting that Chinese scholars’ research in this area is focused on various aspects: some discuss the influence of the idea of “sobornost” on the creative consciousness of Dostoevsky, the structure of literary works and Bakhtin’s polyphonic thought; others write about the phenomenon of “carnival” as a Russian phenomenon in Bakhtin; while others talk about Christian anthropology and psychology in Bakhtin’s works, or make a comparative analysis of Bakhtin’s thought and Western philosophy. This article shows how M.M. Bakhtin was perceived from another perspective and cultural tradition, which enriched his ideas with new meanings and connotations. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the concept of “sobornost” has similarities with collectivism, which has historically developed as a traditional value of the Chinese people. Therefore, Chinese scholars easily understood the concept of “sobornost”.

Keywords: M.M. Bakhtin, Russian tradition, Orthodoxy, sobornost, polyphonic idea, carnival, Christian anthropology, collectivism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The reported study was funded by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Article history: submitted: March 12, 2022; revised: April 12, 2022; accepted: May 17, 2022.

For citation: Ma, Mengqiu. (2022). Bakhtin as a bearer of the Russian tradition: On the current status of the reception of Bakhtin's thought in China. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 359–370. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370>

Новое восприятие М.М. Бахтина в Китае — поиски истоков идей Бахтина

Несомненно, что влияние выдающегося российского мыслителя М.М. Бахтина распространилось намного шире русской гуманитарной традиции. Его идейное наследие давно стало предметом широкого изучения мировой науки. В Китае восприятие М.М. Бахтина начало распространяться с начала 1980-х. Изначально Бахтин достиг берегов Китая под парусами Достоевского, что сформировало в глазах китайцев образ ученого как исследователя творчества Достоевского. По мере расширения и углубления исследования Бахтин был принят как литературовед, лингвист и эстетик. Дальше китайцы осознали, что он также мыслитель, культуролог и философ.

Исследование творчества Бахтина началось на Западе, и Бахтина часто связывали с немецкой философской традицией XX века. В работе «Бахтин и Запад» русский ученый В.Л. Махлин утверждает, что Бахтин на Западе более понятен и принят, поскольку идеи русского мыслителя восходят к Когену, Гуссерлю, Шелеру (Махлин, 1993, с. 94–114). Вопреки взгляду Махлина В.В. Кожин настаивает на религиозности Бахтина. Отмечая поверхностный характер утверждений Махлина, Кожин полагает, что диалогическая идея Бахтина брала свое начало с Ниловой «беседы» с Богом (Кожин, 1993, с. 123–124).

Основные идеи Махлина и Кожина были представлены в статье, которая была написана китайским исследователем Сяо Ду под названием «Поиски истоков учения Бахтина» и опубликована в четвертом номере китайского журнала «Обозрение зарубежной литературы» за 1994 год. Однако данная статья тогда не привлекла внимание других исследователей. С наступлением нового века восприятие научного наследия Бахтина в Китае углубилось, и ученых интересовали уже не только базовые положения теории Бахтина, но и приложение ее к разнообразным культурным контекстам. Китайские исследователи хотели найти что-либо оригинальное в бахтинских идеях. Постепенно начали попадать в поле зрения китайских исследователей сами истоки бахтинских идей, и многие китайские ученые связывали идеи Бахтина с контекстом славянской традиции и православия.

Взгляд на Бахтина как на специфически русского мыслителя был не привычен для советского литературоведения. Тем важнее и интереснее проследить, как он воспринимался из иной перспективы и культурной традиции. Тем более что сам Бахтин никогда не ставил себя в православную или славянофильскую парадигму. Далее мы приведем примеры рецепции Бахтина одними из наиболее авторитетных китайских исследователей.

Главные аспекты исследований китайскими учеными

Рассмотрев различные концепции авторов научных трудов, мы пришли к выводу, что исследования китайских ученых сосредоточены на разных аспектах.

Дискуссии по проблематике «Достоевский — Бахтин — полифонический роман — соборность»

Созданная М.М. Бахтиным теория полифонического романа почти целиком строилась на интерпретации творчества Достоевского. Достоевский оказал существенное влияние на Бахтина, и Бахтин воспринял многие идеи Достоевского. Не понимая Достоевского, нельзя понять Бахтина.

В Китае о Достоевском писали много, к нему подходили с разных точек зрения. Особенно большое внимание китайские исследователи обращают на исследование философских идей писателя. Немало китайских исследователей рассматривают Достоевского как истинного православного, отмечая, что идея соборности оказывает влияние на творческое мышление писателя и структуру художественных произведений. В Китае многими исследователями Бахтина стали те, которые занимались изучением творчества Достоевского. Поэтому они проанализировали и влияние соборности на полифонические идеи Бахтина.

Соборность — это свободное единство в любви. По Хомякову, основной принцип общения людей в лоне православной церкви заключается именно в соборности. «Христианство есть не что иное, как свобода во Христе» (Хомяков, 1900, с. 198). В католицизме и протестанстве Хомяков нашел только внешнее единство и внешнюю свободу.

На основе идеи соборности создаются разные связи между людьми, которую можно обозначить схемами:

Последователь Хомякова Самарин полагает, что «социальная и общинная жизнь древней Руси представляла собой воплощение принципа соборности» (Лосский, 1991, с. 40–41). Сам Хомяков говорит: «Аристократический режим воинственных народов чужд славянам, которые составляют земледельческую нацию. Мы всегда останемся демократами, отстаивающими идеалы гуманности» (Лосский, 1991, с. 41).

Влияние соборности на творческое сознание Достоевского и полифонические идеи М.М. Бахтина

Русский ученый И.А. Есаулов пишет, что «православный код поэтики Достоевского столь очевиден, что не может не возникнуть закономерный вопрос, который нельзя обойти в пределах нашей работы: почему создатель теории полифонического романа не эксплицировал категорию соборности при изучении именно поэтики данного автора ни в одном из двух изданий своей знаменитой книги?» (Есаулов, 1995, с. 130). Однако при этом Есаулов не связывает соборное мышление Достоевского с теорией полифонического романа, где при равноправии всех голосов в бесконечном диалоге атеист оказывается столь же неопровержим, как и верующий.

Бахтин писал свои книги в определенной исторической ситуации. Создавая теорию полифонического романа, он уделял внимание «глубинным и устойчивым структурным моментам художественного видения Достоевского» (Бахтин, 2002, с. 7), проводил исторические параллели между полифоническим романом, мениппеей и карнавалом, но не выяснял связь поэтики Достоевского с религиозными убеждениями и общественным идеалом писателя. То «главное», о чем Бахтин умолчал, привлекло внимание многих исследователей. Сам Бахтин признавался С.Г. Бочарову, что ему приходилось «оговорить» Церковь и что по необходимости он умолчал о «главных вопросах» (Бочаров, 1993, с. 72).

В работе «Соборность в творчестве Ф.М. Достоевского» китайский ученый Чжан Цзе указывает, что «Бахтин определил роман Достоевского как полифоническую художественную структуру, но сознательно избежал ее религиозных источников, а в действительности глубинная причина формирования художественной структуры полифонического романа заключается именно в сознании соборности писателя» (Чжан, 2010, с. 73).

Исследователь Гуань Юеэ в работе «Православная концепция „соборность“: с точки зрения полифонического романа и теории структурной поэтики» отмечает, что исток полифонической идеи Бахтина может быть усмотрен в принципе соборности и общинной культуры, поскольку в основе соборности лежит свобода и единство в множестве, и в полифонических романах «соборность» проявляется в том, что «множественность равноправных и неслиянных голосов и сознаний сочетается в единство некоторого события», сохраняя свою самостоятельность» (Гуань, 2018, с. 57).

Здесь следует особо отметить работы профессора Ван Чжигэна, исследование которого является очень представительным. По мысли Ван Чжигэна, Достоевский был защитником православно-христианских ценностей и противником западного социализма и либерализма, его подозрение к западному миру, зараженному католической и протестантской идеей, основывалось на понимании всеобщей отчужденности и разобщения людей на Западе, поэтому он питал надежду на славянскую идею, выдвинув идею спасения мира силой русского братства. Анализируя влияние соборности на творческое сознание Достоевского, Ван Чжигэна пишет, что «в художественном мире Достоевского существует как взаимное, так и единое пространство, основанное на любви, что делает возможным свободу личности, а свобода может быть основана только на соблюдении заповедей, и только такая свобода значимая» (Ван, 2003, с. 113). С этим многие китайские исследователи согласны.

Ван Чжигэн также отмечает, что если Достоевский высказал свои мысли о соборности в созданном им художественном мире, то Бахтин создал единое диалогическое пространство, в котором каждый имеет единственное время и место и каждый отвечает другим с того единственного места-времени, которое он занимает в бытии. «Если в диалоге какой-то голос абсолютно авторитетен, и тем самым всевластно определяет и уродует другие голоса, то этот диалогический мир становится механическим и мертвым, поэтому единое диалогическое пространство Бахтина возникает только в процессе взаимного общения» (Ван, 2020, с. 40–41).

Таким образом, китайские исследователи не увидели идеологических противоречий там, где они существуют для русских критиков Бахтина, рассматривая полифонический роман как порождение соборной православной культуры.

Карнавал как русское явление у Бахтина

По мнению некоторых китайских ученых, даже бахтинская интерпретация феномена карнавала обусловлена парадигмой христианской культуры, и в частности русско-византийской, где шутовство могло принимать формы юродства как одного из канонов святости.

Исследователь Сун Чуньсян в работе «Религиозный аспект феномена карнавала: исследование теории карнавала Бахтина» связывает юродство как феномен русской культуры с карнавальным комизмом, отмечая, что, «несмотря на четкую разницу между юродством и карнавальным шутовством, бахтинский карнавал вбирает в себя оба начала» (Сун, 2008, с. 138–139).

Исследователь Чжоу Вэйчжун отметил близость амбивалентности карнавала и свойств двух природ Христа. О возможности этого сближения свидетельствует его статья «Амбивалентность карнавала и две природы Иисуса Христа». В статье автор пишет: «Одной из основных черт карнавала Бахтин считает амбивалентность, вся символика карнавала основывается на прин-

ципе амбивалентности: все вариации карнавального „ада“ амбивалентны; карнавальный смех сугубо амбивалентен; гротескные образы строят двутелое тело; в площадной речи хвала и брань отнесены к какому-то единому, но двутелому телу... Бахтинская идея о амбивалентности карнавала, скорее всего, истекает из представления о соединении двух природ в одной Личности Христа» (Чжоу, 2008, с. 122).

Профессор Цзи Минцзюй проанализировал связи культурологических идей Бахтина с русской традицией. По его мнению, увлечение Бахтина средневековой карнавальная культурой связано с органическим усвоением им идеи народности, укорененной не только в западно-европейской, но и русской национальной культуре, эстетических идеалах и специфике народного мышления, которую глубоко усвоил исследователь. Согласно Цзи Минцзюй, бахтинское представление о народности брало свое начало от идей славянофилов, которые решительно выступили за расцвет всех наций и народностей, рассматривали народ как единственного хранителя старинных преданий и верований.

Христианская антропология и психология в творчестве М.М. Бахтина

Китайские исследователи также говорили о христианской антропологии и психологии, изучали ее в творчестве Бахтина.

В работе «Исследование принципа человеческой субъективности Бахтина» Вэнь Хао указывает, что для православной антропологии характерно глубокое понимание сложности и загадочности человека и принцип двойственности природы человека, и в творчестве Бахтина идеи православной антропологии нашли отражения (Вэнь, 2007).

На взгляд исследователя Ян Яня, при изучении специфики поэтики Достоевского Бахтин черпал идеи из православных богословов, которые глубоко переживали проблемы противоречивости человеческого бытия, воспринимали человеческую разорванность как следствие грехопадения. В статье «Полифония в православном понимании» исследователь отмечает, что Бахтин гениально услышал разные голоса героев Достоевского, в своей книге о Достоевском он дал описание диалога «я» и «ты» и диалогизованного внутреннего монолога героев (Ян, 2013).

В работе «Религиозная сущность отношений между автором и героем в теории полифонии» исследователь Чэн Цзиньхай аргументирует мысль о том, что «активность новой авторской позиции в полифоническом романе Достоевского имеет сходство с активностью Бога в отношении человека» (Чэн, 2002, с. 55). По его мнению, модель диалогических отношений между Богом и человеком оказывает влияние на Бахтина, и данная модель имеет явственное антропологическое звучание: Бог пришел в мир, вступил в свободное общение с человеком, и человек освободился из духовного плена, стал рядом со своим творцом.

Сравнительный анализ идей русского мыслителя Бахтина и западной философии

В начале XX века марбургское неокантианство оказало большое влияние на российскую философию. Некоторые ранние работы Бахтина могут рассматриваться как своего рода диалог с неокантианством. Сам Бахтин в беседах с Дувакиным отметил, что в молодости глава марбургского неокантианства оказал на него огромное влияние.

Можно заметить, что Бахтин относился к германской культуре мышления с большим пиететом. Однако, отмечая, что едва ли идеи западных мыслителей стали для Бахтина основополагающими, некоторые китайские исследователи сделали сравнительный анализ идей Бахтина как русского мыслителя и западной философии.

Исследовательница Чжан Синь выразила свое согласие с мнением русского ученого В.В. Кожина о том, что для Бахтина характерно «органическое слияние систематичности, объективности, последовательности немецкого философского мышления и вселенской широты и глубины русского духовного творчества» (Кожин, 2000, с. 124–126). Чжан Синь указывает, что Бахтин наследовал основные идеи русской религиозной философии, в то же время заметил «недозрелость» и непоследовательность русского философствования, поэтому он принял ту модель термина и аналитическую форму, которые будто более понятны и приняты на Западе. Однако Чжан Синь подчеркивает, что Бахтина никак нельзя считать мыслителем западного типа, поскольку «Западная Европа уделяет большое внимание разработке логического способа познания и рациональности и игнорирует отношения между людьми, в западной культуре подчеркивается монологичность западного сознания, тема личного героизма нашла широкое отражение в западной литературе» (Чжан, 2008, с. 281).

В работе «Влияние русской религиозной философии на создание теории романа Бахтина» Чжан Синь выясняет влияние русского религиозного возрождения XX века на Бахтина, анализирует философские предпосылки создания теории полифонии и теории диалога. Согласно Чжан Синь, идеи Бахтина тесно связаны с традицией русской религиозной философии. Она рассматривает «Другой-для-меня» Бахтина как конкретизацию идеи соборности, отмечая, что Хомяков описал идеальные отношения между людьми, но не конкретно указал, как добиться этого идеала, а Бахтин восполнил этот пробел в философии. Чжан Синь отмечает также, что в полифонических романах Достоевского, где диалогическая позиция осуществлена до конца произведений, отношения «Я-Другой» могут рассматриваться как эквивалент отношений между героем и автором (Чжан, 2003).

Профессор Сяо Цзиньюй в монографии «Металингвистика М.М. Бахтина» аргументирует мысль о том, что существование человека, жизнь по Бахтину — это постоянное общение, диалог, не только внешне выраженный,

но и внутренний, не прерываемый никогда и смертью Другого. Автор убедительно пишет о том, что «для Бахтина особой значимостью обладает Другой, независимая личность, в общении с которой имеют место не только согласие, но и несогласие (однако не догматическое), не только понимание, но и непонимание (однако не категоричное)» (Сяо, 2007, с. 2). Автор также отмечает, что если для Г. Гадамера важно «что» говорить, то для Бахтина, русского мыслителя, значителен акцент на том, «кто говорит» и «кому» предназначена диалогическая речь (Сяо, 2007, с. 3).

Профессор Цзи Минцзюй указывает, что «Бахтин не первым выдвинул концепцию диалога, еще со времен Сократа и Платона в форме диалога выступила философская рефлексия» (Цзи, 2002, с. 22). Концепцию диалога Бахтин выдвинул во второй половине 20-х годов XX века в книге о Достоевском. К тому времени диалогизм уже существовал как самостоятельное направление в западной философии. Однако, как отмечает Цзи Минцзюй, диалогизм Бахтина самобытен потому, что, будучи этикой и онтологией, он при этом выступает в качестве способа бытия человека. В работе «М.М. Бахтин и славянофильский характер его теории» Цзи Минцзюй пишет: «В своих концепциях М.М. Бахтин развивает идею диалога как основы бытия, где отношения взаимности, обращенности, участия являются необходимыми признаками человеческого существования. Бахтин обращает особое внимание на взаимозависимость и взаимосвязь между людьми. В его понимании само бытие человека — это непрерывный диалог с Другим. Другой является для нас некоей ценностью, и занимает незаменимое место в нашей жизни» (Цзи, 2008, с. 52–53).

По мысли Цзи Минцзюй, идеи Бахтина имеют сходство с философскими взглядами славянофилов, которые ценили соборное объединение личности, и резко контрастируют с экзистенциальным взглядом на дружость. Он также указывает, что в полифонических романах Достоевского Бахтин нашел открытые для разных людей христианские церкви, там есть грешники и праведники, нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные, там происходит «общение неслиянных душ» (Бахтин, 2002, с. 34). На основании анализа Цзи Минцзюй приходит к выводу, что М.М. Бахтин, как типичный русский интеллигент и мыслитель, вобрав в себя дух русской нации, принадлежит к числу славянофилов.

Хотя существует и мнение, что идеи западных мыслителей стали для Бахтина основополагающими, но, заметив существенные различия между идеями Бахтина и западной философией, большинство китайских исследователей отстаивают русско-православный характер идей Бахтина.

Заключение

Несомненно, что идейное наследие М.М. Бахтина является настоящим сокровищем для всего мира. Теория Бахтина своей оригинальностью, разнообразием и открытостью привлекает к себе все больше новых китайских

ученых. В последние десятилетия многоязычное междисциплинарное общение воздействовало на расширение пространства мышления и углубление рецептивного исследования. Китайские исследователи начали свое путешествие к истокам идей Бахтина, и многие сделали выводы о том, что религиозность Бахтина не была выражена в отчетливой форме, но может проявляться опосредованно. Они связывали идеи Бахтина с русской традицией и православием, с идеей соборности. Быть может, это объясняется тем, что концепция «соборность» имеет сходство с китайским коллективизмом. В Китае коллективизм имеет глубокие исторические корни. Социально-экономическая автономность в Древнем Китае определила особый вид коллективизма — добровольный коллективизм, который оформился не в результате давления надстройки общества во имя блага общества, а как выражение доброй воли индивидов, их потребности в эмоциональной сплоченности. Поэтому китайские исследователи легко приняли концепцию «соборность». Хотя в процессе осмысления и принятия Бахтина имеется широкий диапазон интерпретаций его взглядов, иногда по отношению друг к другу прямо противоположных, однако, как сказал В.Н. Захаров, «самое ценное у Бахтина не выводы, а сам процесс творческого размышления» (Захаров, 2012, с. 89).

Библиографический список

- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970 гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
- Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 71–72.
- Ван Чжигэн.* Общий смысл Достоевского и Бахтина // Литература и культура. 2020. № 3. С. 34–41. [王志耕. 巴赫金与陀思妥耶夫斯基的共同意义. 文学与文化. 2020. 第3期. 34-41页.]
- Ван Чжигэн.* Соборность и полифоническое искусство Достоевского // Обозрение зарубежной литературы. 2003. № 1. С. 110–120. [王志耕. “聚合性”与陀思妥耶夫斯基的复调艺术. 外国文学评论. 2003. 第1期. 110–120页.]
- Вэнь Хао.* Исследование принципа человеческой субъективности Бахтина. Чанша: Хунаньский пед. ун-т, 2007. [文浩. 巴赫金主体性思想初探. 长沙: 湖南师范大学, 2007.]
- Гуань Юэз.* Православная концепция «соборность»: с точки зрения полифонического романа и теории структурной поэтики // Исследование зарубежной литературы. 2018. № 2. С. 55–63. [管月娥. 东正教的“聚合性”理念与复调小说和结构理论. 外国文学研究. 2018. 第2期. 55–63页.]
- Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.
- Захаров В.Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индик, 2012.
- Кожин В.В.* Бахтин и его читатели. Размышления и отчасти воспоминания // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 120–134.

- Кожин В.В. Победы и беды России. М.: Алгоритм, 2000.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991.
- Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 94–114.
- Сун Чуньсян. Религиозный аспект феномена карнавала: исследование теории карнавала Бахтина. Пекин: Народный университет Китая, 2008. [宋春香. 狂欢的宗教之维——巴赫金狂欢理论研究. 北京: 中国人民大学, 2008.]
- Сяо Цзиньюй. Металингвистика М.М. Бахтина. Шанхай: Изд-во Жэньминь, 2007. [萧净宇. 超越语言学. 上海: 上海人民出版社, 2007.]
- Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1900.
- Цзи Минцзюй. М.М. Бахтин и славянофильский характер его теории // Русское литературоведение. 2008. № 1. С. 48–53. [季明举. 巴赫金及其理论的斯拉夫性质. 俄罗斯文艺. 2008. 第1期. 48–53页.]
- Цзи Минцзюй. Утопические диалоги // Русское литературоведение. 2002. № 3. С. 22–25. [季明举. 对话乌托邦. 俄罗斯文艺. 2002. 第3期. 22–25页.]
- Чжан Синь. Бахтин и русская религиозная философия // Культура и поэтика. 2008. № 2. С. 278–291. [张欣. 巴赫金与俄罗斯宗教哲学. 文化与诗学. 2008. 第2期. 278–291页.]
- Чжан Синь. Влияние русской философии на создание теории романа Бахтина. Пекин: АОНК, 2003. [张欣. 从对话看宗教因素对巴赫金小说理论的影响. 北京: 中国社会科学院研究生院, 2003.]
- Чжан Цзе. Соборность в творчестве Ф.М. Достоевского // Исследование зарубежной литературы. 2010. № 5. С. 73–78. [张杰. 陀思妥耶夫斯基小说创作艺术的“聚合性”. 外国文学研究. 2010. 第5期. 73–78页.]
- Чжоу Вэйчжун. Амбивалентность карнавала и две природы Иисуса Христа // Вестник Северо-восточного пед. ун-та. 2008. № 3. С. 118–124. [周卫忠. 狂欢人格的双重性与基督位格的双重性. 东北师大学报. 2008. 第3期. 118–124页.]
- Чэн Цзиньхай. Религиозная сущность отношений между автором и героем в теории полифонии // Вестник Чэньчжоуского пед. ун-та. 2002. № 4. С. 55–59. [程金海. 复调理论中作者与主人公关系的宗教意味. 郴州师范高等专科学校学报. 2002. 第4期. 55–59页.]
- Ян Янь. Полифония в православном понимании // Критика идей христианства. 2013. № 16. С. 147–160. [杨砚. 东正教信仰中的复调诗学. 基督教思想评论. 2013. 第16期. 147–160页.]

References

- Bakhtin, M.M. (2002). *Collected Works in 7 Volumes* (Vol. 6. The Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of 1960–1970). Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic Culture publ. (In Russ.).
- Bocharov, S.G. (1993). About one Conversation and Around it. *New Literary Review*, (2), 71–72 (In Russ.).
- Cheng, Jinhai (2002). The Religious Implication of the Relationship Between the Author and the Protagonist in Polyphonic Theory. *Bulletin of Chenzhou Ped. un-t*, (4), 55–59. (In Chinese).

- Esaulov, I.A. (1995). *The Category of “Sobornost” in Russian Literature*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publ. (In Russ.).
- Guan, Yuee (2018). The Orthodox Concept of “Sobornost”: From the Perspective of Polyphonic Novel and Structural Poetics Theory. *Foreign Literature Studies*, (2), 55–63. (In Chinese).
- Ji, Mingju. (2008). Bakhtin and the Slavophil Character of his Theory. *Russian Literary Criticism*, (1), 48–53. (In Chinese).
- Ji, Mingju. (2002). Utopian Dialogues. *Russian Literary Criticism*, (3), 22–25. (In Chinese).
- Khomyakov, A.S. (1900). *Complete Collection of Works* (Vol. 2). Moscow (In Russ.)
- Kozhinov, V.V. (1993). Bakhtin and His Readers. Reflections and Partly Memories. *Dialog. Karnaval. Hronotop*, (2-3), 120–134. (In Russ.)
- Kozhinov, V.V. (2000). *Victories and Troubles of Russia*. Moscow: Algorithm publ. (In Russ.)
- Losskij, N.O. (1991). *History of Russian philosophy*. Moscow: Soviet writer publ. (In Russ.)
- Mahlin, V.L. (1993) Bakhtin and the West (An attempt at a general Orientation). *Questions of Philosophy*, (3), 94–114. (In Russ.)
- Song, Chunxiang. (2008). *Religious Dimension of “Carnival”: On Bakhtin’s Theory of “Carnival”*. Beijing: RUC publ. (In Chinese).
- Wang, Zhigeng (2020). The Shared Significance of Dostoevsky and Bakhtin. *Literature and Culture*, (3), 34–41. (In Chinese).
- Wang, Zhigeng (2003). “Sobornost” and the Polyphonic Art of Dostoevsky. *Review of Foreign Literature*, (1), 110–120. (In Chinese).
- Wen, Hao (2007). *Research on Bakhtin’s Subjectivity Thought*. Changsha: Hunan Ped. un-t. (In Chinese).
- Xiao, Jingyu. (2007). *Mikhail Bakhtin’s Metalinguistics*. Shanghai: Renmin publ. (In Chinese).
- Yang, Yan (2013). Polyphony in the Orthodox Understanding. *Criticism of Christianity*, (16), 147–160. (In Chinese).
- Zaharov, V.N. (2012). *Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Zhang, Xin (2008). Bakhtin and Russian Religious Philosophy. *Culture and Poetics*, (2), 278–291 (In Chinese).
- Zhang, Jie (2010). “Sobornost” in the Art of Dostoevsky’s Fiction Writing. *Foreign Literature Studies*, (5), 73–78. (In Chinese).
- Zhang, Xin (2003). *The Influence of Russian Philosophy on the Creation of Bakhtin’s Theory of Novel*. Beijing: AOHK (In Chinese).
- Zhou, Weizhong (2008). The Ambivalence of Carnival and the Two Natures Jesus Christ. *Bulletin of the Northeast Ped. un-t*, (3), 118–124. (In Chinese).

Сведения об авторе:

Ma Мэнцю, аспирант кафедры истории русской истории, МГУ-ПНИИ в Шэньчжэне, МГУ. ORCID ID: 0000-0002-9381-6943; e-mail: 2584786603@qq.com

Bio note:

Mengqiu Ma, Postgraduate Student of the Department of the History of Russian Literature, Shenzhen MSU-BIT University, MSU. ORCID ID: 0000-0002-9381-6943; e-mail: 2584786603@qq.com

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-371-379

УДК 821.111:070

Научная статья / Research article

**Лафкадио Хирн:
между литературой и журналистикой**

А.Н. Сальникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1*

✉ heiligtokio@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается ранний период творчества англо-американского писателя Лафкадио Хирна (1850–1904), включающий в основном статьи в периодических изданиях, написанные в Америке. Тема малоизучена в отечественном исследовательском поле, как и произведения Хирна в целом, что обуславливает научную новизну. Исследование проведено с помощью интертекстуального и мотивного анализа газетных статей при выявлении общих сюжетов творчества писателя и отсылок к другим авторам. Отмечено, что хотя Хирн стал известен благодаря своим рассказам и легендам, собранным в Японии, как писатель он сформировался в Америке. Исследованы особенности стиля Хирна-журналиста: авторские маски (детектив, комичный рассказчик, разоблачитель мошенников), игровые коммуникации с читателем, присутствие готических элементов, отсылы к литературным произведениям любимых авторов, единая лексика, соединение реальных фактов с вымыслом. Отмечается роль Хирна как предшественника разоблачительной журналистики и новой журналистики, разбирается серия статей об убийстве на кожевенном заводе. Прослеживается движение от сенсационных и шокирующих статей к более спокойным медитативным наблюдениям, от внешнего к внутреннему. Журналистский опыт, как показало исследование, значительно повлиял на литературную деятельность Хирна (краткость формы, смешение документального и художественного, элементы детектива, субъективная позиция рассказчика).

Ключевые слова: Лафкадио Хирн, журналистика, готические элементы, история американской литературы, Япония

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 5 марта 2022 г.; откорректирована — 21 марта 2022 г.; принята к публикации — 10 апреля 2022 г.

Для цитирования: Сальникова А.Н. Лафкадио Хирн: между литературой и журналистикой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 371–379. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-371-379>

Lafcadio Hearn: Between Literature and Journalism

Anastasija N. Salnikova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ heiligtokio@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the early period of the work of the Anglo-American writer Lafcadio Hearn (1850–1904). It mainly includes American articles in periodicals. The topic is poorly studied in the domestic research field, as well as Hearn’s works in general, which leads to scientific novelty. The study was carried out with the help of intertextual and motive analysis of newspaper articles in identifying common plots of the writer’s work and references to other authors. It is noted that although Hearn became famous thanks to his stories and legends collected in Japan, he was formed as a writer in America. The article examines the features of Hearn’s style as a journalist: author’s masks (detective, comical narrator, whistleblower), playful communications with the reader, the presence of Gothic elements, references to literary works of favorite authors, common vocabulary, and combination of real facts with fiction. Hearn’s role as a forerunner of whistle-blowing journalism and new journalism is noted, and a series of articles on the tannery murder are examined. There is a movement from sensational and shocking articles to more calm meditative observations, from external to internal. Journalistic experience, as the study showed, significantly influenced Hearn’s literary activity (brevity of form, mixing documentary and fiction, elements of a detective story, subjective position of the narrator).

Keywords: Lafcadio Hearn, journalism, Gothic elements, history of American literature, Japan

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: March 5, 2022; revised: March 21, 2022; accepted: April 10, 2022.

For citation: Salnikova, A.N. (2022). Lafcadio Hearn: Between literature and journalism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 371–379. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-371-379>

Введение

Англо-американский писатель Лафкадио Хирн (Patrick Lafcadio Hearn) известен прежде всего своими рассказами и очерками о Японии. Родом из Греции, выросший в Ирландии, побывавший в Англии, США, Японии и ставший настоящим космополитом, как писатель Хирн состоялся в Америке, во время своей работы журналистом. Статья посвящена раннему периоду творчества Хирна, когда он сотрудничал со средствами массовой информации. В 1869 году он переехал из Великобритании в США, в Цинциннати, и через три года стал криминальным корреспондентом газеты *Cincinnati Daily Enquirer* (1872–1875 гг.), затем поступил на службу в газету *Cincinnati Commercial* (1875–1877 гг.). Также в это время он вместе с иллюстратором Анри Фарни выпускал собственный сатирический журнал о литературе и искусстве *Ye Giglampz*. В Новом Орлеане (переехал туда в 1877 г.) сотрудничал с газетами *Daily City Item* и *Times Democrat*. Его статьи печатались в журналах *Harper's Weekly* и *Scribner's Magazine*. В начале журналистской карьеры Хирн писал в основном об отрицательных проявлениях индустриального мира: убийствах, несчастных случаях, мошенниках, называя их «отвратительными струпами на лице города» (Hearn, 2002, p. 14). Во второй половине XIX века Цинциннати был большим промышленным городом со множеством заводов и фабрик, соперничал с Чикаго. Хирн погрузился в этот мрачный мир и стал, по выражению исследователя его творчества Хитоми Набаэ, «Орфеем подземного царства общества» (Nabae, 2014, p. 48). Будучи противником индустриализации, товарно-денежных отношений, Хирн противостоял традиции «благопристойной литературы» и пытался реформировать общество, показывая ему изнанку города. Большую роль в формировании его журналистской карьеры сыграли сенсации, Хирн называл такую работу «охотой за ужасами» (Hughes, 1982, p. 183). Однако уже в статьях, написанных на потребу публике, прослеживался индивидуальный писательский стиль Хирна.

Маски

Статьи Хирна обладают определенной долей провокации. Например, он описывает, как однажды пил кровь забитого бычка (Hearn, 2002, p. 191–199). В другой раз переодевается женщиной, чтобы сделать репортаж с закрытой для мужчин лекции бывшей католической монахини Эдит О'Гормен. Здесь Хирн — детектив, он наглядно использует одну из своих масок. Несмотря на то, что он говорит о себе в третьем лице, статья больше описывает его собственные чувства, без пересказа содержания лекции. Хирн кокетничает с читателем, умалчивая о таких вещах, которые «заставляют краснеть». О теме обсуждения сказано намеками, на большее писатель не решается из скром-

ности (Cott, 1991, p. 71–72). Внимание же сосредоточено на страхе разоблачения. Здесь Хирн не нейтральный рассказчик-репортер, записывающий увиденное и услышанное, он публицист, открыто заявляет о своих мыслях, чувствах и симпатиях, становится участником истории.

В маске комичного и невротического журналиста Хирн выступает в статье о восхождении на шпиль собора (Hearn, 2002, p. 115–120). Его персонаж труслив и не может сдвинуться с места без виски (отметим, что позже такое же восхождение на вершину появится в рассказе «Фрагмент» японского периода творчества, но уже без комичного элемента). Издатель М. Броннер говорит относительно поздних рассказов Хирна, созданных на основе японского материала: «...у него есть все качества великого писателя, кроме юмора» (Hearn, 1908, p. 21). В свой рассказ Хирн добавляет готический антураж, описывая замкнутое пространство старинного здания, слабо освещаемого фонарями. Сам собор с его винтовой лестницей Хирн видит как дом с привидениями, сопровождающий репортера альпинист рассказывает о том, как слышал глубокой ночью таинственный бой часов, похожий на гоблинский. При виде собора автор вспоминает роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», а себя сравнивает с карликом. Комический элемент также заключается в том, что это великое восхождение было зря: писатель имел плохое зрение и с трудом мог различить город, зато прекрасно видел пугающую пряжку с изображением черепа и костей на подтяжках своего спутника. Отметим, что во «Фрагменте» эпилогом восхождения главного персонажа также стали кости и черепа, символизирующие перерождение. Акцент с внешнего переходит на внутреннее, молодой человек приходит к прозрению.

В качестве разоблачителя мошенников Хирн выступает в статье «Среди духов» (1874 г.), описывая с иронией свою подготовку к общению с духами. Нельзя не заметить параллели с одноименным сатирическим рассказом М. Твена, опубликованным в 1867 году. Статья Хирна предваряется эпиграфом из «Гамлета», Хирн разговаривает с духом своего отца. Когда журналиста спросили, чувствует ли он воздействие духов, «жуткое содрогание воздуха» (*ghastly exhalation*), он сослался на фантастические рассказы английского писателя Э. Булвер-Литтона. Хирн часто упоминает его имя в своих статьях, вероятно, это связано с любовью Хирна к Э. По, который не единожды в рецензиях положительно отзывался о творчестве англичанина (см. Hearn, 1924, p. xi–xii). Издавший несколько сборников статей и эссе Хирна А. Морделл отмечал, что писатель «отправился в крестовый поход против спиритуалистов и медиумов» (Hearn, 1924, p. xxvii). Позднее «журналистами-крестоносцами» или «разгребателями грязи» стали называть авторов, занимавшихся социальной критикой и разоблачавших в 1900–1910 гг. темную сферу жизни общества, для которых «процесс или даже механизм выявления зла и представления его на суд публики становился самоценным» (Глостанова, 2009, с. 451–481).

Главный редактор *Harper's Magazine* Кристофер Кэррол отмечал схожесть статьи Хирна о скотобойне (Hearn, 2002, p. 191–199) и творчества представителя разоблачительной журналистики Эптона Синклера, который вызвал резонанс в обществе романом «Джунгли» (1906 г.), описывающим американскую индустрию переработки мяса. В 1874 году Хирн в собственном еженедельном сатирическом журнале по искусству и литературе *Ye Giglampz* продолжает писать едкие разоблачительные статьи, по стилю напоминающие западную журналистику авторства М. Твена или А. Бирса. К сожалению, журнал вскоре был закрыт.

Помимо использования различных амплуа, Хирн иногда подписывает статьи и письма вымышленными именами: Озиас Мидуинтер (персонаж романа У. Коллинза «Армадэль»), Ворон (отсылка к одноименному стихотворению Э. По), Мрачный человек (*Dismal Man*) и др. Различные псевдонимы и обращения автора к самому себе в третьем лице связаны также с особенностями журналистского стиля того времени (см. Kemme). Однако, независимо от выбранной роли, Хирн сохраняет общий стиль в статьях: неизменное присутствие пугающих, таинственных или шокирующих событий, своеобразное «заигрывание» с готическим жанром; разнообразные намеки на литературные произведения.

Готические сказки

Широкая аудитория узнала о Хирне после серии статей (Hearn, 1874) об убийстве на кожевенном заводе, ставшем потрясением для города. В котельной завода были обнаружены обгоревшие останки молодого немца Германа Шиллинга. В его убийстве обвинили некоего Эгнера. По ходу расследования раскрывается много сопутствующих преступлений, однако Хирн не уделяет им особого внимания. Многие детали повествования оставались в рамках приличия, при этом журналист шокировал публику подробным описанием человеческих останков и гротескными кулинарными метафорами. Текст сопровождается зарисовками, сделанными самим Хирном.

На следующий день он выпускает еще одну статью, где описывает, как люди посещают место убийства с газетой *Enquirer* в руках, как сопоставляют иллюстрации и изложенные события с действительностью. Статья содержит почти полицейское досье на фигурантов дела (рост, возраст, цвет волос, портреты), подробный план места преступления. Хирн описывает маршруты передвижения участников преступления, перечисляет названия улиц. Отметим, что любовь к географическим деталям и точным локациям сохранится у Хирна и в дальнейшем: почти каждая так называемая японская легенда будет привязана к конкретному месту, где она появилась или где происходит действие.

Несмотря на документальную основу, свои журналистские репортажи Хирн объединяет с вымышленным повествованием, отчеты строятся, как детективные рассказы: преступление, расследование, допрос свидетелей, рас-

крытие дела. Причем выступает в роли сыщика: постоянно беседует с подозреваемыми. Интересно, что Хирну, а не полицейским, один из них раскрывает эксклюзивные подробности дела. Сближает с художественным повествованием описание чувств жертвы, преступников и свидетелей (даже лошади), множество второстепенных реплик, подаваемых в прямой речи (о которых дословно вряд ли кто-то вспомнил бы при таких обстоятельствах). Примечательны также литературные отсылки, которые часто встречаются во многих статьях и рассказах Хирна и добавляют дополнительный план в отчет о преступлении: прекрасное телосложение Германа Шиллинга, его почти геройское сопротивление трем нападающим напоминают журналисту Геркулеса, а загадочное молчание старшего Эгнера и сокрытие им до самого конца истинных обстоятельств дела — таинственного Сфинкса. От сожженного трупа остались только ужасно белые зубы, напоминающие зубы Береники в одноименном рассказе Э. По, преследовавшие главного героя (Хирн был знаком с творчеством Э. По и восхищался им).

Несомненно, у статей Хирна есть сходства с поэтикой его рассказов: помимо использования литературных реминисценций и ссылок на древнегреческую мифологию, автор нагнетает обстановку (признание сына Эгнера напоминает фрагмент «страшного» рассказа; при описании «ужасной тайны» автор использует прилагательное *ghastly*. Кстати, слово «ужасный» (*ghastly*) — одно из самых часто встречающихся слов в творчестве Хирна, его смысл поясняется в эссе *The Value of the Supernatural in Fiction* (Hearn, 1920, p. 130–149). Своеобразное использование Хирном слов и их повторов формируют так называемый «Хирнианский диалект» (Hearn, 1924, p. xiii).

Метод построения статьи с перечислением многочисленных отрывков-показаний аналогичен тому, как Хирн строит свои сборники из якобы услышанных в разных местностях легенд (японских кайданов). Но истории не проливают свет на истину: показания свидетелей противоречивы, они лишь запутывают ход событий. Такой «лабиринт смыслов, но не правды» можно сравнить с манерой рассказа Г. Мелвилла «Бенито Серено» (Nabae, 2000, p. 51). Непонимание вследствие языкового барьера (некоторые плохо говорят по-английски и не могут точно сформулировать свою мысль) журналист устраняет, превращаясь в медиатора. Он словно предвидит свою дальнейшую роль посредника между Востоком и Западом. После серии из трех статей Хирн выпускает дополнение: «Повесть о гоблине» (Nabae, 2014, p. 47–48), метафорическое продолжение преступления на кожевенном заводе, где критикуются капиталистические ценности — «скелет в шкафу общества».

Не меньше художественных элементов в статье 1876 года «Приговоренный к повешению» (Schechter, 2008, p. 117–130). Она начинается с описания фактов об убийстве полковника, которого без особых причин лишил жизни некий Джеймс Мёрфи. Достоверные факты (признательное письмо убийцы, где он возлагает вину на плохую компанию и алкоголь, почти протокольное описание казни, по случайности произошедшей два раза; такой

сюжетный поворот приобретет форму художественного приема в рассказах другого известного американского новеллиста А. Бирса) сочетаются с почти художественным повествованием.

Хирн ярко описывает портрет убийцы, снабжая его детальными подробностями и яркими эпитетами. Создается образ своеобразного романтического злодея, заложника судьбы. Камера преступника описана в духе готического романа: мрачная и устрашающая, из-под пола заключенный постоянно слышит звуки пилы и молотков, напоминающие о подготовке эшафота. Ночью, до вынесения смертного приговора, заключенных будит таинственный плач женщины, в которой Мёрфи узнает свою мать, и так он понимает, каков будет приговор. Хирн укрепляет связь со «страшными» новеллами, упоминая готический рассказ У. Матфорда «Железный саван» (1830 г.) и сравнивая его главного персонажа с Джеймсом Мёрфи, который так же, как и главный герой Матфорда, с ужасом ждал дня своей казни. Не случайно упоминание именно этого рассказа: считается, что Э. По, которого так любил Хирн, позаимствовал сюжет из «Железного савана» для своего рассказа «Колодец и маятник». В статье Хирна не обошлось и без критики американского общества: публика, наблюдающая за казнью, кажется репортеру кровожадной и малодушной, слепой к непростой судьбе преступника. Как отмечает Хитоми Набаэ (Nabae, 2003, p. 43–64), мертвое тело в американском периоде творчества писателя раскрывает социальную несправедливость по отношению к бедным, а разлагающееся тело символизирует Америку. Мертвые по-настоящему приобретут голос только в Японии.

Хитоми Набаэ осмысливает журналистское творчество Хирна как современное готическое сказительство. Ужас вызывается не воображаемыми призраками и монстрами, а реальными событиями. В статьях Хирн часто смешивает вымысел и документальность, реальные факты и городские легенды. Так он пытается постичь и охватить реальность во всем ее объеме, передать видимое и невидимое, реальное и фантастическое. Невозможность провести границу между настоящими фактами, воспоминаниями писателя и его мечтами дает специалисту по литературной журналистике Дж. Хартсоку основание сравнить произведения Хирна с магическим реализмом Г. Маркеса (Hartsock, 2000, p. 26–27). Свой метод Хирн называл «истинным реализмом», который должен был «стереть различие между реализмом и идеализмом» (Hearn, 1929, p. 229). По Хирну, простое перечисление фактов в журналистике необходимо дополнить чувственным опытом и «призраками» — духовностью.

Заключение

На Хирна-писателя значительно повлиял журналистский опыт: его литературные произведения имели краткую лаконичную форму, отличались точностью слова, в них смешивалось документальное и художественное,

присутствовали элементы детектива, позиция рассказчика всегда была субъективной. Наше исследование показало, что характерные черты творчества Хирна проявились в ранних журналистских статьях. Позднее неисчерпаемость смыслов его повествовательных конструкций сравнивали с журналистикой, точнее с «журналистикой самого высокого рода» (Hofmannsthal, 1907, p. 7): это было подчеркнуто в предисловии к сборнику очерков о Японии на немецком языке (Кокого, 1905 г.). Есть все основания видеть в Хирне предшественника «нового журнализма» 1960–1970-х годов (Kemme; Hughes, 1982, p. 182–183).

Позднее, в Японии, Хирн будет в роли журналиста собирать и записывать сказки и легенды, соединяя свой западный и восточный опыт. Там произойдет смещение фокуса с внешней формы на внутреннее содержание, — «невообразимое», начавшееся в конце 1870-х годов (Hearn, 1924, p. 194–195). Хирн все больше увлекается восточной философией, исчезает накал страстей в его статьях, уходит в тень сатирическое высмеивание порочного общества и «крестовые походы» против мошенников. Все это сменяется более глубоким анализом современности: Хирн размышляет о буддизме и видит в нем идеал добра, любви и красоты, который может победить жестокость и скептицизм XIX века (Cott, 1991, p. 127). Однако общая стилистика сохраняется: фантазия в контексте документализма, обилие живой речи и диалогов, личная точка зрения. Эти элементы стиля кочевали из журналистских текстов Хирна в художественные и обратно на протяжении всей его жизни. Но приоритет был обозначен: свободу фантазии Лафкадио Хирна сковывала журналистика, в 1883 году он признался, что «журналистика подавляет, душит и выхолащивает мысль и стиль» (Hearn, 1906, p. 275).

Библиографический список / References

- Carroll, C. (2021, June 10). *Far from the Realm of the Real*. Retrieved April 12, 2022, from www.nybooks.com.
- Cott, J. (1991). *Wandering Ghost: The Odyssey of Lafcadio Hearn*. NY: Knopf.
- Hartsock, J. (2000). *A History of American Literary Journalism: The Emergence of a Modern Narrative Form*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press.
- Hearn, L. (1924). *An American miscellany* (Vol. 1). NY: Dodd, Mead and Company.
- Hearn, L. (1874, November 11). It Is Out! *Cincinnati Enquirer*. Retrieved April 12, 2022, from digital.cincinnati.library.org.
- Hearn, L. (1874, November 10). Killed and Cremated. *Cincinnati Enquirer*. Retrieved April 12, 2022, from digital.cincinnati.library.org.
- Hearn, L. (2002). *Lafcadio Hearn's America: Ethnographic Sketches and Editorials*. Lexington, KY: University Press of Kentucky.
- Hearn, L. (1908). *Letters from the Raven; being the correspondence of Lafcadio Hearn with Henry Watkin*. London: Archibald Constable & Company.
- Hearn, L. (1929). One of Mr. Howells' Realisms. *Essays on American Literature*. Kanda, Tokyo: Hokuseido Press.
- Hearn, L. (1906). *The Life and Letters of Lafcadio Hearn* (Vol. 1). NY: Houghton, Mifflin & Company.
- Hearn, L. (1920). *Talks to writers*. NY: Dodd, Mead and Company.

Hearn, L. (1874, November 9). Violent Cremation. *Cincinnati Enquirer*. Retrieved April 12, 2022, from digital.cincinnati.library.org.

Hofmannsthal, H. (1907). *Lafcadio Hearn. Kokoro*. Frankfurt am Main: Literarische Anstalt Rütten & Loening.

Hughes, J. (1982). “Ye Giglampz” and the Apprenticeship of Lafcadio Hearn. *American Literary Realism, 1870–1910*, 15(2), 182–194.

Kemme, S. (2022). *The Roots of Lafcadio Hearn’s Self-Referencing Style of Journalism*. Retrieved April 12, 2022, from jrjgc.com/hearn-journal.

Nabae, H. (2003). Let the Body Speak: Lafcadio Hearn’s Cincinnati Journalism. *The Journal of American Literature Society of Japan*, (1), 43–64.

Nabae, H. (2000). *The Aesthetics of the Ghostly: Art and Life in the Work of Lafcadio Hearn* (Ph.D. diss.). Stanford, CA.

Nabae, H. (2014). *The Spirit of No Place. Reportage, Translation and Retold Stories in Lafcadio Hearn*. Kobe, Japan: Kobe City University of Foreign Studies.

Schechter, H. (2008). *True crime: An American anthology*. NY: Library of America.

Tlostanova, M.V. (2009). Muckrakers. In *A History of American Literature* (Vol. 5). Moscow: IWL RAS. (In Russ.)

Тлостанова М.В. Разгребатели грязи // История литературы США. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Т. 5. С. 451–481.

Сведения об авторе:

Сальникова Анастасия Николаевна, аспирантка кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. ORCID ID: 0000-0003-1019-4307; e-mail: heiligtokio@yandex.ru

Bio note:

Anastasija N. Salnikova, PhD student of Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University. ORCID ID: 0000-0003-1019-4307; e-mail: heiligtokio@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-380-387

УДК 0.70

Научная статья / Research article

Патриарх отечественного радиовещания: к 100-летию профессора В.Н. Ружникова

О.В. Тихонова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, улица Моховая, 9*

✉ tihonovao@list.ru

Аннотация. Статья посвящена доктору филологических наук профессору Всеволоду Николаевичу Ружникову, с именем которого связаны самые первые научные исследования феномена радио, радиотелеграфа и радиотелефонии. Цель автора — напомнить, что профессор Ружников является основателем отечественной научной школы радиожурналистики: им осмыслена и системно изложена (в формате учебников и монографий) история радиовещания и радиожурналистики, представлена жанровая палитра радиопрограмм, изучены функции и принципы деятельности радиальных организаций. Он — соорганизатор первой в стране университетской кафедры радиовещания и телевидения факультета журналистики МГУ (сейчас она называется кафедрой телевидения и радиовещания). Существенен вклад Всеволода Николаевича Ружникова в редакционно-издательскую деятельность, особенности редактирования им научных текстов требуют отдельного исследования. Автор статьи, в прошлом аспирантка профессора, а теперь научный редактор ежегодных «Ружниковских чтений» в МГУ, обращается к неизученным материалам, которые не известны современным студентам, молодым ученым и практикам радио. В фактах биографии профессора Ружникова отражается личность педагога и гражданина — носителя высоких моральных ценностей. Использованы методы ретроспекции, наблюдения и глубинного интервью.

Ключевые слова: радиовещание, радиожурналистика, история радио, педагогика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 15 декабря 2021 г.; откорректирована — 31 января 2022 г.; принята к публикации — 5 марта 2022 г.

Для цитирования: Тихонова О.В. Патриарх отечественного радиовещания: к 100-летию профессора В.Н. Ружникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 380–387. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-380-387>

Patriarch of National Radio Broadcasting: To the 100th Anniversary of Professor V.N. Ruzhnikov

Olga V. Tikhonova

*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation*

✉ tikhonovao@list.ru

Abstract. The article is dedicated to Professor Vsevolod Nikolaevich Ruzhnikov, Doctor of Philology, whose name is associated with the very first scientific studies of the phenomenon of radio, radiotelegraphy and radiotelephony. The purpose of the author is to recall that Professor Ruzhnikov is the founder of the national scientific school of radio journalism: he comprehended and systematically presented (in the format of textbooks and monographs) the history of radio broadcasting and radio journalism, presented the genre palette of radio programs, studied the functions and principles of radio organizations. He is a co-organizer of the country's first university department of radio broadcasting and television of the Faculty of Journalism of Moscow State University (now it is called the Department of Television and Radio Broadcasting). The contribution of Vsevolod Nikolaevich Ruzhnikov to editorial and publishing activities is significant; the features of his editing of scientific texts require a separate study. The author of the article, in the past a postgraduate student of the professor, and now the scientific editor of the annual Ruzhnikov Readings at Moscow State University, refers to unstudied materials that are not known to modern media students and young scientists, radio journalists. The facts of the biography of Professor Ruzhnikov reflect the personality of a teacher and a citizen — a bearer of high moral values. The article uses the methods of retrospection, observation and in-depth interviews.

Keywords: radio broadcasting, radio journalism, history of radio, pedagogy

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 15, 2021; revised: January 31, 2022; accepted: March 5, 2022.

For citation: Tikhonova, O.V. (2022). Patriarch of national radio broadcasting: To the 100th anniversary of Professor V.N. Ruzhnikov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 380–387. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-380-387>

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте*

Б.Л. Пастернак

Журналистика в жизни ученого. По убеждению профессора Всеволода Николаевича Ружникова, без творческой практики успех в преподавании журналистики невозможен. С 1944 года он выступал на радио (в эфире армейской радиогазеты авиачасти аэродрома «Подлипки» под Москвой) и в

печати. С периодом Великой Отечественной войны связано начало его публикаций в газетах («Комсомольская правда», «Московская правда», «Красная звезда», «Красный век», «Правда») и журналах («Молодой коммунист», «Коммунист» и др.). В 1946 году он готовил материалы для редакций радиовещания на зарубежные страны.

До Московского университета В.Н. Ружников редактировал выпуск журнала ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист» и тексты передач Всесоюзного радио. Во время руководства Научно-методическим отделом (НМО) Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению — центром научной, методической и издательской деятельности, выпускавшим сборники материалов для руководства Гостелерадио — впервые описал и систематизировал историю отечественного радио. О деятельности НМО вспоминает профессор П.С. Гуревич, соавтор и коллега В.Н. Ружникова: «Мы получали средства на переводы и издания зарубежных книг. Так, читатели получили в свое распоряжение книги Лео Богарта „Золотой век телевидения“, Луи Мерлена „Подлинное досье телевидения“. Мы проводили социологические исследования. Позже, когда в Москве начал работу Институт социологии, его сотрудники были удивлены нашими методами выборки, техникой опроса, а главное — точными результатами наших исследований» (Гуревич, 2014, с. 5).

В период 1953–1962 годов в главной редакции пропаганды Всесоюзного радио Ружников был автором бесед и комментариев, интервью и обзоров; руководил циклами «Университет культуры», «Взрослым о детях», «Отвечаем на ваши вопросы». Также он готовил к эфиру радиогазеты «За культуру нашего быта» и «Радиожурнал для женщин»; редактировал сценарии радиокomпозиций и радиопостановок «Страницы великой жизни», «Иван Федоров», «Разведчики», а также передачи «Говорит комсомолия!», «Веселый спутник» и др.

С первого номера татарской газеты «Яна СУЗ Новое Слово», учредителем которой в свое время выступил факультет журналистики МГУ, В.Н. Ружников стал ее постоянным автором. В статье «Вклад Казани был очень весомым» в рубрике «К столетию изобретения радио» он подробно говорил об изобретателе, одаренном выпускнике Казанского университета, будущем руководителе Казанской радиолaborатории Александре Углове, обладавшем силой предвидения успехов радиотелеграфии и радиотелефонии. «Первая радиостанция Татарии с 7 ноября 1927 г. начала регулярно транслировать передачу на татарском, русском и чувашском языках» (Ружников, 1995, с. 4). Само понятие «устная газета» возникло в экспериментальных опытах Казанской радиолaborатории. Профессор проделал кропотливую работу в архивах и написал о сути открытия доступным для широкой читательской аудитории языком.

Педагогическое и научное наследие. В.Н. Ружников обладал уникальным для преподавателя профессиональным и жизненным опытом, сочетая в себе способности, обширные знания и мастерство журналиста-практика, уче-

ного-теоретика, историка и педагога. Он — в числе тех, кому принадлежит заслуга в разработке методики подготовки в стране дипломированных журналистов в системе университетского образования. Начало его научно-преподавательской деятельности в 1958 году связано с кафедрой радиовещания и телевидения, созданной в тот год по приказу ректора МГУ И.Г. Петровского. Кафедра, которую он возглавил в период до назначения первого заведующего, прошла путь от разработки первых учебных программ до формирования классической научной школы радиожурналистики. Создавалась методология преподавания дисциплин специализации, вырабатывался научный подход к изучению проблематики радио.

Педагогическое кредо профессора точно выражено в словах В.О. Ключевского, как-то заметившего, что хорошим университетским преподавателем считается такой преподаватель, который любит свой предмет и своих студентов. При этом одинаково важно и первое, и второе.

В.Н. Ружников впервые разработал и с 1959 года читал углубленный теоретический курс «Основы радиожурналистики», постоянно обогащая его новыми сведениями, научным анализом. Он — автор, составитель и редактор первых университетских программ по теории и истории отечественной радиожурналистики, первого учебного пособия по этой дисциплине «Основы радиожурналистики» (1984).

Ученый и педагог широкого профиля обладал энциклопедическими знаниями по всем периодам истории и всем аспектам функционирования отечественного радиовещания; по таким предметам, как фактология и хронология, историография и библиография. При доходчивом изложении материала, достигаемом в продуктивном контакте со студентами, профессор следовал методической четкости, ясному оперированию фактологическим материалом.

Его исследования в области радио послужили созданию и развитию научных школ в Российской Федерации и странах Ближнего зарубежья. Время не отдалило ученый мир от фигуры В.Н. Ружникова, а сблизило с его духовным наследием, наметив новые научные перспективы. Ученый, главным делом жизни которого стало изучение истории радиожурналистики, спас архив Центра научного программирования Гостелерадио СССР во время его неожиданной ликвидации времен перестройки и гласности. Книги в переводах, редкие словари, первые монографии по проблематике теле- и радиожурналистики помогли многим ученикам В.Н. Ружникова в проведении научных изысканий.

Увлеченность предметом исследования, щепетильная научная добросовестность и требовательность к себе отличали профессора, разработавшего концепцию начального периода радиожурналистики, создавшего фундаментальный труд по истории отечественного радиовещания. Он внимательно изучал тематические направления, связанные с персонификацией, творческой мастерской, радиопублицистикой, социологическим взглядом на изучаемый объект. В теме определения места радио в системе СМИ В.Н. Руж-

ников соглашался с мнением доцента факультета журналистики МГУ Г.В. Кузнецова о том, что радио — аккомпанемент всей жизни. «Создавая теорию радиожанров и первую российскую школу исследования радио, он видел, что у радио есть особые перспективы, которые выводят его в особые медиа» (Вартанова, 2014, с. 5).

Основные положения исследований. В контексте специфики радиожурналистики В.Н. Ружников разносторонне рассматривал такие главные теоретические вопросы, как взаимовлияние газеты и радио, освоение радиожурналистикой опыта устных форм слова. Практическую значимость при этом представлял анализ функционирования радиовещания как средства массового воздействия; информационной, агитационно-пропагандистской, организаторской, художественно-эстетической функций радио. В.Н. Ружников определил генетические связи радиожурналистики с печатью, театром, кинематографом; пристально изучал звучащее слово, музыку, шумы, монтаж как выразительные средства радиоэфира; рассматривал эффект присутствия, создаваемый в оперативных репортажах, дифференциацию передач с учетом аудиторных потребностей различных социально-демографических групп; выявлял особенности радиотеатра, радиодраматургии.

Важным видится принципиальное разграничение ученым понятий — вид, форма и жанр. По его справедливому мнению, виды отражают определенную область действительности; формы представлены циклами, рубриками, сериями в общественно-политическом и документально-художественном видах вещания; в жанрах воплощается детализированное отражение специфики эфирного материала.

В.Н. Ружников как автор многих трудов — результатов многолетнего изучения истории отечественной радиожурналистики — является единственным теоретиком, научно систематизировавшим историю радио советского и российского периодов: со времени изобретения радио и развития радиотелеграфа в России до вехи государственно-коммерческого вещания. Хронологическая периодизация представлена в «Лекциях по истории отечественного радиовещания 1895–2001 гг.» (2002).

Историко-философский ракурс теории радиожурналистики, тема роли радиовещания в истории культуры СССР и затем РФ, значения радио в обществе сочетались с данными исследований в области социологии и эстетики, психологии и лингвистики.

Мастерство автора и редактора. Среди фундаментальных работ, созданных в соавторстве со многими выдающимися учеными (П. С. Гуревичем и др.), следует назвать «Советское радиовещание: страницы истории» (1976), «В диапазоне современности: Радиовещание 80-х гг. в нашей стране и за рубежом» (1985).

В.Н. Ружников много писал и о сложном историческом периоде военного лихолетья. Статья «Отечественная радиожурналистика на Великой войне (1941–1945)» в журнале «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» (2004) стала последней в научном наследии профессора.

В ней, в частности, подчеркивалось: «годы войны — особый период в работе нашего радио. Это был период апофеоза радио, его „золотой век“, надолго определивший основную функцию — сплачивать людей и помогать им выстоять в дни бед и потрясений» (Ружников, 2004, с. 58).

В составе редакционной коллегии В.Н. Ружников выпустил первую в нашей стране хрестоматию «История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945» (1991), где собраны многие оригинальные тексты радиопередач. Содержание издания помогло в понимании событий основных периодов истории радиовещания, роли радио в политической, экономической и культурной жизни.

В.Н. Ружников выступил научным и литературным редактором более ста печатных работ. Во вступительной статье к сборнику «Теория и практика радиовещания: анализ публикаций 1993–98 гг.» (1998) говорится о том, как важно знать библиографию своей отрасли — науки о радио.

Продолжение дела профессора. Выдающийся ученый, университетский профессор прошел большой и яркий жизненный путь. Почетный радист СССР, отличник телевидения и радио главным своим достижением называл звание «Заслуженного профессора Московского университета».

Как педагог и ведущий ученый в области радиожурналистики В.Н. Ружников хорошо известен за пределами МГУ. С 1950-х годов читал лекции в учебных заведениях и вещательных организациях многих городов (Москва, Ленинград, Воронеж, Иваново) и республик (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония) тогда большой советской страны. Профессор выступал и за рубежом: в Лейпциге, Софии, Варне, Тампере и Хельсинки.

Среди коллег кафедры и факультета, вузов России, стран СНГ и мира имя профессора авторитетно. Его работы опубликованы на английском, болгарском, немецком, испанском, финском и чешском языках. Фонд ключевых трудов по истории и теории радиожурналистики составили его книги, монографии, многочисленные статьи в научных и специальных изданиях. Под руководством профессора Ружникова было защищено одиннадцать кандидатских диссертаций по специальности 10.01.10 «Журналистика», его подопечные работают в научно-педагогических коллективах МГУ, РУДН, СПбГУ, ВГУ и других вузов.

На факультете журналистики МГУ проходят ежегодные «Ружниковские чтения»: научное сообщество обсуждает историю, современность и перспективы нашего радио, продолжая великое дело профессора.

Общественный контекст. Педагогическую и научную работу профессор успешно сочетал с общественной. Он был членом советской Социологической ассоциации, организатором научно-практических конференций в системе вещания СССР (Москва, Кяэрику—Таллин, Ленинград), научным консультантом 3-го издания БСЭ по разделу «Радиовещание и телевидение», членом президиума Шахматной федерации СССР, председателем комиссии по пропаганде шахмат в печати, членом Судейской коллегии в международ-

ных соревнованиях шахматной команды СССР по телетайпу, членом советского Национального объединения истории и философии техники и естествознания при АН СССР (секция энергетики, электроники и связи), членом общественного редакционного совета при издательстве «Искусство» (отдел искусства телевидения и радио) и др. (Тихонова, 2020, с. 345). А еще Всеволод Николаевич писал замечательные стихи, которые нередко посвящал коллегам, студентам и даже их родственникам. Поэтическое наследие Ружникова представлено в трех поэтических сборниках.

Завершить статью стоит словами В.В. Фёдоровой, бывшей аспирантки профессора: «...о таких людях, как Всеволод Николаевич, надо не только помнить, но и обязательно о них рассказывать. О том, как жили, о том, что думали и как поступали. Иначе прерывается связь, и без корней жизнь становится бессмысленной и хлипкой» (Федорова, б.г.).

Библиографический список

Вартанова Е.Л. Вместо предисловия // «Радио — любовь моя»: сборник научных статей и воспоминаний в память о профессоре В.Н. Ружникова / ред. О.В. Тихонова. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014.

Гуревич П.С. Педагог по призванию (памяти профессора Всеволода Николаевича Ружникова) // Педагогика и просвещение. 2014. № 3. С. 4–8.

Ружников В.Н. Вклад Казани был очень весомым // Яна СУЗ Новое Слово. 1995. № 4–5 (12–13). С. 4.

Ружников В.Н. Отечественная радиожурналистика на Великой войне (1941–1945). К 60-летию Великой победы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2004. № 2. С. 47–65.

Тихонова О.В. Радио в жизни ученого. Всеволод Николаевич Ружников (1922–2005) // Судьбы творцов Российской науки и культуры. Серия «Московский университет: эпохи и люди» / авт.-сост.: Сурин А.В. и др. М.: Полиграф сервис, 2020. Т. 6. С. 339–352.

Фёдорова В. Взмах руки в пространстве Вселенной // Русский портал. URL: <http://www.veneportaal.ee/gr/08/180810.htm>

References

Vartanova, E.L. (2014). Instead of a preface. In “*Radio — my love*”: a collection of scientific articles and memoirs in memory of Professor V.N. Ruzhnikova. (Dir.) O.V. Tikhonova. Moscow: Faculty of journalism of Moscow State University.

Gurevich, P.S. (2014). A teacher by vocation (in memory of Professor Vsevolod Nikolaevich Ruzhnikov). *Pedagogy and education*, (3), 4–8.

Ruzhnikov, V.N. (1995). The contribution of Kazan was very significant. *Yana SUZ Nove Slovo*, 4–5(12–13), 4.

Ruzhnikov, V.N. (2004). Domestic radio journalism in the Great War (1941–1945). To the 60th anniversary of the Great Victory. In *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, (2), 47–65.

Tikhonova, O.V. (2020). Radio in the life of a scientist. Vsevolod Nikolaevich Ruzhnikov (1922–2005). In A.V. Surin (Ed.) et al., *The fate of the creators of Russian science and*

culture. Series "Moscow University: epochs and people" (Vol. 6, pp. 339–352). Moscow: Polygraph service.

Fyodorova, V. Wave of the hand in the space of the Universe. In *Russian portal*. URL: <http://www.veneportal.ee/gr/08/180810.htm>

Сведения об авторе:

Тихонова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. ORCID ID: 0000-0002-3348-4537; e-mail: tihonovao@list.ru

Bio note:

Olga V. Tikhonova, Candidate of Philology, Associate Professor of Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. ORCID ID: 0000-0002-3348-4537; e-mail: tihonovao@list.ru

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

MEDIA EDUCATION

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-388-398

УДК 070

Научная статья / Research article

К вопросу оценки креативной компетенции студентов-журналистов

В.В. Гаврилов

*Сургутский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, 626417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2*

✉ victorg12@mail.ru

Аннотация. Данное исследование предлагает эффективную методику развития оценки креативности студентов-журналистов. В рамках вузовского обучения предлагается акцентировать внимание преподавателей на создании особой образовательной среды (медиапарка), где прогрессивные формы и методы обучения, игровые методики используются системно, в контексте экологии медиапроцессов. Особенность методики состоит в том, что по окончании учебно-воспитательного процесса (создание конкретного медиапродукта силами обучающихся) измеряется его эффективность с помощью сравнения исходных и конечных показателей креативной компетенции студентов-журналистов. Автор предлагает использовать тест речемыслительной креативности С. Медника, основанный на оценке уровня развития мышления и речи обучающегося в их взаимосвязи, что для будущих журналистов является крайне важным. Приводятся результаты практического применения данного вида оценки. Актуальность и новизна проблематики обусловлены следующими обстоятельствами. С одной стороны, активные формы и методы обучения, в том числе проектная деятельность, нашли широкое применение в вузах, с другой стороны, методика оценки креативной компетенции студентов в настоящее время недостаточно разработана и практически не применяется в учебном плане. Также следует признать, что оценка данной компетенции и вообще продуктов творчества, к которым, безусловно, относится журналистский текст, сложна и неоднозначна, поскольку на нее влияет большое количество субъективных факторов. В статье предлагается один из способов решения указанного противоречия.

Ключевые слова: творчество, креативная компетенция, журналистский текст, компетентностный подход, критерии оценки, речемыслительное тестирование

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 16 февраля 2022 г.; откорректирована — 17 марта 2022 г.; принята к публикации — 31 марта 2022 г.

Для цитирования: Гаврилов В.В. К вопросу оценки креативной компетенции студентов-журналистов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 388–398. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-388-398>

Revising the Assessment of Creative Competence of Journalism Students

Viktor V. Gavrilov

*Surgut State Pedagogical University,
10/2 50 let VLKSM St, Surgut, 626417, Russian Federation*

✉ victorg12@mail.ru

Abstract. This study proposes an effective development methodology for evaluating the creativity of journalism students. Within the framework of university education, it is proposed to focus the attention of teachers on creating a special educational environment (media park), where progressive forms and methods of teaching, game methods are used systematically, in the context of the ecology of media processes. The peculiarity of the methodology is that at the end of the educational process (the creation of a specific media product by the students), its effectiveness is measured by comparing the initial and final indicators of the creative competence of student journalists. The author proposes to use S. Mednik's speech-thinking creativity test, which is based on an assessment of the level of development of the student's thinking and speech in their relationship, which is extremely important for future journalists. The article presents the results of the practical application of this type of assessment. The relevance and novelty of the problematic are due to the following circumstances. On the one hand, active forms and methods of teaching, including project activities, are widely used in universities, on the other hand, the methodology for assessing the creative competence of students is currently not well developed and is practically not used in the curriculum. It should also be recognized that the assessment of this competence and the products of creativity in general, which, of course, includes a journalistic text, is complex and ambiguous, since it is influenced by a large number of subjective factors. This article proposes one of the ways to resolve this contradiction.

Keywords: creativity, creative competence, journalistic text, competence-based approach, assessment criteria, verbal-thinking testing

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: February 16, 2022; revised: March 17, 2022; accepted: March 31, 2022.

For citation: Gavrilov, V.V. (2022). Revising the assessment of creative competence of journalism students. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 388–398. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-388-398>

Введение

Современное цифровое общество, ориентированное на инновации и эффективность социальных процессов, требует системных изменений в сфере высшей школы с обозначением новых ключевых компетенций будущих специалистов (Хуторской, 2011). Это касается и подготовки журналистов, которым необходимо прививать творческие навыки, востребованные в сетевом медиaprостранстве (Артемова, 2021; Олешко, 2016). В условиях конкурентной борьбы с блогерами профессиональные журналисты должны быть интересны аудитории, а для этого выпускники вуза должны в полной мере реализовать свои профессиональные компетенции, и креативность в данном случае выходит на первый план. В этой связи огромная ответственность ложится на систему современного высшего образования, которая должна выпускать специалистов, соответствующих запросам современного общества. А для этого необходимо уйти от традиционных форм и методов обучения, поскольку лишь инновационные подходы могут дать обществу креативных журналистов, способных достойно конкурировать с непрофессионалами в медиaprостранстве цифровой эпохи.

Креативная компетенция

Обычно в науке разграничиваются термины «компетенция» и «компетентность». Термин «компетентность» мы понимаем как готовность выпускника включиться в профессиональную деятельность в редакции и продемонстрировать результативность и эффективность этой деятельности. Вне всяких сомнений, в основе эффективной деятельности журналиста лежит творчество. Что касается креативной компетенции, то она определяется как совокупность знаний, умений, навыков, опыта, установок, личностных качеств и характеристик. Они, с одной стороны, ожидаемы и могут быть сформированы в рамках образовательного процесса, а с другой — позволят носителю компетенции активно включиться в инновационные процессы, происходящие в медиасреде, соотнести свою профессиональную деятельность с социальным запросом (Малахова, Бессарабова, 2014, с. 143).

Активные формы и методы обучения

В сложившихся условиях традиционные формы и методы обучения не могут, на наш взгляд, формировать креативную компетенцию в достаточной степени. Но и применение при подготовке журналистов активных методов без определенной системы, ситуативно, по нашему глубокому убеждению, не имеет смысла.

Эффективное обучение вообще и развитие креативной компетенции в частности возможно лишь при создании уникальной образовательной среды (скорее всего, в рамках проектной деятельности при изучении специальных дисциплин). Здесь можно согласиться с Ю.М. Ершовым, который в качестве формы организации такой среды предлагает медиапарк. Создание учебного медиапарка обеспечит, по мнению ученого, достижение двух задач: 1) для студентов-журналистов будет создана уникальная образовательная среда, которая объединит разных «специалистов» при решении учебной задачи; 2) моделирование профессиональных ситуаций, распределение «производительных» задач между участниками проекта повысит мотивацию студентов и позволит раскрыть их творческие способности. В этом проекте каждому найдется свое место: журналисты будут готовить тексты, дизайнеры, художники займутся оформлением материалов, IT-специалисты — продвижением контента в цифровой среде и т.д. На стыке различных наук и видов деятельности возникнет новое знание, появится практический опыт (Ершов, 2016, с. 16). Идея заключается в том, чтобы в рамках специфически организованной образовательной среды, например, имитирующей деятельность редакции, студенты-журналисты могли работать в группах над решением профессиональных задач, имеющих проблемный характер.

По сути, наша задача — создание коммуникативного учебного пространства, поскольку именно в рамках грамотно организованной образовательной среды мы сможем готовить студентов с развитыми коммуникативными и креативными компетенциями, поскольку журналистика — коллективный труд, предполагающий умение работать в команде. Становление журналиста как профессионала происходит именно в рамках коммуникативного взаимодействия с другими людьми, при учете различных социальных факторов. Уровень развития коммуникативных и креативных компетенций во многом обеспечит дальнейшую успешную социализацию выпускника.

Создание коммуникативного учебного пространства, имитация социального взаимодействия невозможны без использования активных форм и методов обучения, прежде всего — игровых (деловые и имитационные игры, мозговой штурм, case study и т.д.). В рамках смоделированной медиасреды в условиях учебного процесса названные формы и методы будут выглядеть органично и оправданно, а не как искусственная вставка. Данный подход укладывается в теорию экологии средств коммуникации, под которой мы понимаем взаимодействие журналиста с окружающей средой в рамках символических систем и медиатехнологий, а также его влияние на социум. Иными словами, журналист должен понимать свою роль в обществе и представлять те последствия и ту реакцию, которые могут быть вызваны его сообщением в рамках коммуникативного взаимодействия. Это подтверждает значимость создания особой практикоориентированной образовательной среды, где имитация медиапроцессов и социального взаимодействия позволит студентам просчитать возможные риски, осознать основные проблемы, стоящие перед современной журналистикой (Артемова, Артемов, 2020; Волкова, Уразова, Писарева, 2020).

Нам близки идеи А.М. Смолкина, который разработал классификацию активных методов обучения. Он делит их на две группы: 1) **имитационные: игровые** (деловая игра, педагогические ситуации и задачи, инсценирование) и **неигровые** (коллективная мыслительная деятельность, теория решения изобретательских задач (ТРИЗ); 2) **неимитационные: проблемная лекция, пресс-конференция, эвристическая беседа, дискуссия, самостоятельная работа с литературой** и др. (Смолкин, 1991, с. 192).

Данная классификация, как нам представляется, может быть дополнена. В работе со студентами-журналистами мы ориентируемся на следующие формы и методы обучения.

1. *Геймификация* — использование игровой методики в образовательном процессе с целью повышения внутренней мотивации обучающихся. Обеспечивает вовлеченность студентов в образовательный процесс, помогает сделать повседневные задачи более интересными. Студенты стремятся решить поставленные задачи, дойти до финала в отведенные сроки и даже вступить в единоборство с преподавателем (Олешко, 2016; Волкова, Десяева, Кильпеляйнен, Алгави, 2017).

2. *Одноранговое обучение (Peer instruction)* — интерактивный метод, предложенный Э. Мазуром. Учебная информация выводится за пределы учебного курса. Студенты знакомятся с материалом (лекциями) накануне. На занятии педагог предлагает ответить на ряд вопросов. Опрос проводится по четкой процедуре.

3. *Peer learning*. В основе лежат принципы массового сотрудничества «равный равному» и открытых образовательных ресурсов. Взаимодействие осуществляется с использованием интернет-технологий и взаимообучения (Ильичева, Кузьменкова, 2015).

4. *Проектная работа* — разновидность социального проектирования в области медиа, творческая разработка, обладающая целеполаганием, задачами и характером проектируемых изменений, масштабом и конкретными сроками реализации; направлена на достижение конкретных целей (Шестеркина, Марфицына, 2019).

5. *Коучинг* — метод работы с обучающимися; коуч (преподаватель) помогает студентам найти его собственное решение стоящей перед ним задачи (Трушевская, 2013).

Данные методы, с одной стороны, существенно обогащают педагогический инструментарий наставника, с другой — повышают мотивацию обучающихся, готовят их к коммуникативному взаимодействию с социумом, предоставляя широкие возможности для творческой самореализации.

Компетенции можно и нужно трактовать как переменные образовательного процесса (Темняткина, 2009). Это означает, что уровень сформированности компетенции должен быть измерен, при этом степень точности этих измерений определяется отобранными оценочными средствами. При работе в рамках выбранного нами подхода представляются не слишком эффективными, не отвечающими инновационным процессам, происходящим в сфере вузовского обучения, традиционные средства оценки. Они, как прави-

ло, направлены на определение уровня подготовленности обучающихся (уровень знаний, умений, навыков). Поэтому необходимо отобрать оценочные средства, которые позволили бы говорить об уровне развития креативности обучающихся, куда мы включаем умение работать с информацией, взаимодействовать с коллегами по цеху в процессе генерации идей, составлять оригинальные тексты, соответствующие поставленным задачам, воздействовать на слушателей, используя эффективные языковые средства.

По-нашему мнению, показателем развития высокого уровня креативной компетенции будет являться то, что обучающиеся способны отбирать и обрабатывать материал для подготовки журналистского текста (работа с чужим текстом), создавать оригинальные тексты, программировать различные способы воздействия на аудиторию с учетом конкретной задачи, а также — реакцию аудитории на заявленный тезис, аргументы и подачу материала.

Креативность как профессиональное качество позволяет студенту в полной (или достаточной) мере реализовывать собственные внутренние резервы, непосредственно связанные с мышлением и личностными особенностями.

Оценка креативной компетенции

Мы понимаем креативность как способность находить нестандартные решения, которые зачастую идут вразрез с общепринятыми установками, но позволяют достичь запланированных учебных результатов. Креативность тесно связана с мотивацией, саморазвитием личности в рамках учебной деятельности. Подобное качество позволит выпускнику с минимальными потерями адаптироваться в социуме, который требует от специалиста новаторских решений при выполнении профессиональных обязанностей. Понятия «творчество» и «креативность» близки по значению, но имеют некоторые различия: творчество считается более объемным понятием по отношению к креативности.

Оценивать креативность, творческие способности обучающихся, тем более — в динамике, достаточно сложно в силу специфики данного качества (Водяха, 2012). Исследователи расходятся во мнении о том, какие критерии оценки считать базовыми. Так, Н.Н. Малахова и О.Н. Бессарабова выделяют следующие характеристики креативности: умение решать нестандартно творческие задачи, отходить от стереотипов, искать необычные варианты решения, оригинальность мышления. Также авторы убеждены, что уровень развития креативности связан с уровнем развития речевого мышления (Малахова, Бессарабова, 2014). Отметим важность указанных критериев при оценке креативности обучающихся. Однако работа со студентами-журналистами имеет свою специфику. Поэтому для нас основополагающим критерием креативности будет способность к речевому творчеству с учетом поставленных преподавателем (редактором) задач.

В связи со спецификой дисциплины «Анализ журналистского текста» мы сконцентрировали свое внимание на создании и редактировании студен-

тами оригинальных журналистских текстов для печатных СМИ. Учебная группа 4-го курса (16 человек) филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета в 2020/2021 учебном году работала в рамках особой образовательной среды (виртуальная творческая лаборатория, имитирующая деятельность редакции). Для постановки задач, обсуждения вариантов их достижения и представления результатов использовалась цифровая площадка Zoom. Данный сервис обеспечивает возможность дистанционного взаимодействия для участников видеоконференций, позволяет общаться посредством видео- и/или аудиосвязи, демонстрировать презентации и т.д. Все члены учебной группы получили конкретные «должности» в виртуальной редакции. Имитировалась реализация социального проекта «Помоги бездомным животным». По итогам работы (по окончании учебного курса) была проведена пресс-конференция, на которой первокурсники задавали вопросы по организации деятельности редакции и результатам проекта. Материалы, подготовленные авторами, публиковались в студенческой газете и буклетах. Замеры уровня креативности студентов группы проводились в начале и в конце работы по освоению дисциплины.

Каждому оценочному средству соответствовал определенный критерий оценивания, демонстрирующий, в какой степени учебный результат студента соответствует норме. Использование критерия в сочетании с определенным средством оценивания позволяет в итоге определить качество образования. Показатели студентов, полученные на двух этапах (констатирующем и контрольном), заносились в «Индивидуальный лист студента».

Существует немало методик диагностики творческого мышления как для детей, так и для взрослых, учитывающих те или иные критерии. Интерес представляют система образных и вербальных тестов Дж. Гилфорда и «Миннесотские тесты творческого мышления» (МТТМ), разработанные Е.П. Торрансом. Нами уровень развития креативности студентов-журналистов оценивался с помощью психологического анкетирования, тестирования, наблюдения и собеседования при использовании активных методов обучения в рамках образовательного процесса в вузе.

Основным был выбран тест речемыслительной креативности (РМК), созданный российскими учеными на базе теста РАТ (тест отдаленных ассоциаций) С. Медника (Методы психологической диагностики, 1993). Мы использовали данный тест потому, что, во-первых, существует его модификация для взрослых, а во-вторых, — тест имеет непосредственное отношение к речевому творчеству, которое является для журналистов определяющим.

Тест РМК (русскоязычная версия) — это вербальная методика. Испытуемому предъявляются однотипные вербальные задачи: разминка и две серии заданий. Вторая серия задач дается через определенный промежуток времени и отличается от первой инструкцией, цель которой создать у испытуемого мотивацию достижения.

После проведения в рамках эксперимента входного и итогового контроля, результаты которого приведены в табл. 1, мы проанализировали полученные данные.

Таблица 1

**Уровень развития креативности у экспериментальной группы
(студенты-журналисты 4-го курса)**

Характер инструкции	Результаты тестирования			
	Количественный индекс		Индекс оригинальности	
	Испытуемые (входной и итоговый замеры соответственно)		Испытуемые (входной и итоговый замеры соответственно)	
	16 чел.	16 чел.	16 чел.	16 чел.
Не включает установки на достижение оригинальных результатов	2,29	3,6	1,73	2,99
Включает установку на достижение оригинальных результатов	2,66	3,34	1,68	2,78

Table 1

**The level of development of creativity in the experimental group
(students-journalists of the 4th year)**

Nature of instruction	Test results			
	Quantitative index		Originality index	
	Subjects (input and final measurements, respectively)		Subjects (input and final measurements, respectively)	
	16 people	16 people	16 people	16 people
Does not include a setting to achieve original results	2.29	3.6	1.73	2.99
Includes setting to achieve original results	2.66	3.34	1.68	2.78

Уровень развития креативности оценивался по четырем критериям: индекс продуктивности, индекс оригинальности, индекс уникальности ответов, индекс селективного процесса. Принимались во внимание не столько количественные, сколько качественные данные, которые для нас являются более информативными.

Очевиден рост показателя креативности в группе по окончании работы в творческой лаборатории. Полученные результаты мы объясняем использованием в системе активных форм и методов обучения, которые были направлены на развитие именно речевого творчества в рамках особой образовательной среды. Анализ текстов журналистов также подтверждает эти результаты. Тексты содержат оригинальные заголовки, игру слов, активное использование выразительных средств. Используются оригинальные виды зачинов и концовок.

Кроме того, после проведенного эксперимента, с учетом полученных результатов, был организован коучинг. Нам необходимо было понять, какие компетенции для студентов значимы и на каком месте в списке находится «креативность» в группе. Студенты об этой задаче не знали и определяли приоритеты с учетом своей будущей профессиональной деятельности.

Обучающимся было предложено составить иерархию желаемых компетенций (выбрать из предложенных).

Итак, «Мои идеальные компетенции (образ себя в будущем)». Иерархия компетенций для каждого студента составлялась отдельно, но здесь мы приводим обобщенные результаты:

1. Коммуникабельность.
2. Целеустремленность.
3. Адаптивность.
4. Креативность.
5. Психологическая устойчивость.
6. Организаторские способности.
7. Эмпатия.
8. Прогноз будущего.
9. Мотивирование.
10. Интуитивность.

Как видим, для студентов приоритетными являются целеустремленность, то есть желание добиваться поставленных целей, и коммуникабельность (как важнейшая профессиональная компетенция). Вне всяких сомнений, это показатель будущей социальной адаптации благодаря выстраиванию эффективной стратегии речевого взаимодействия (работа с коллегами в редакции, интервью, беседы, конференции, брифинги и т.д.). Студенты мотивированы на то, чтобы влиять на аудиторию (организаторские способности), готовы творить и при этом сохранять психологическую устойчивость, то есть объективно оценивать свои успехи и неудачи, а также давать адекватную оценку поведению других людей. Любопытно, что интуитивность поставлена на последнее место. Полагаем, это может быть свидетельством того, что при работе в СМИ обучающиеся не собираются полагаться на случай и готовы всякий раз создавать план будущего взаимодействия (с учетом всех условий общения). Важно отметить, что креативность стоит на четвертом месте. Студенты понимают значимость данной компетенции, готовы развивать ее и применять на производстве.

Выводы

Итак, данные тестирования показали эффективность предложенной системы оценивания. Мы убеждены, что в рамках вузовского обучения преподавателям медийных дисциплин и приглашенным специалистам-практикам необходимо сконцентрировать свое внимание на формировании креативной компетенции, когда в рамках проекта, лаборатории или медиапарка создается особая образовательная среда, системно используются активные формы и методы обучения. При этом важна нацеленность на конкретный медиапродукт (в нашем случае — печатный). Умения генерировать идеи, включаться в инновационные процессы, отвечать на вызовы времени помогут выпускникам адаптироваться в современной цифровой среде.

Библиографический список

Артемова Ю.В. Подготовка журналиста в вузе: развитие профессиональных компетенций: учебное пособие. Елец: ЕГУ им. Бунина, 2021.

Артемова Ю.В., Артемов А.С. Развитие творческой активности студентов в образовательном пространстве вуза // Психология образования в поликультурном пространстве. 2020. Т. 50, № 2. С. 58–65.

Водяха С.А. Креативная компетентность: подходы к измерению // Оценка качества обучения в образовательных учреждениях: сборник научных статей. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2012. С. 28–33.

Волкова И.И., Десяева Н.Д., Кильпелайнен Е.С., Алгави Л.О. Геймификация в образовании: поединок с боссом // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2017): сборник научных трудов междунар. научно-практ. конференции, Москва, 7–8 июня 2017 г. М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2017. С. 330–340.

Волкова И.И., Уразова С.Л., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81.

Ершов Ю.М. Модели журналистского образования в цифровую эпоху // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 13–16.

Ильичева В.В., Кузьменкова К.Е. Мультимедийный портал как площадка для развития профессиональных навыков // Проблемы современного радиовещания: материалы I научно-практической конференции, 9 апреля 2015 г., Москва / под ред. В.В. Барабаша. М.: РУДН, 2015. С. 32–38.

Малахова Н.Н., Бессарабова О.Н. Формирование креативной компетентности в системе образования инновационного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 139–143.

Методы психологической диагностики / под ред. В.Н. Дружинина, Т.В. Галкиной. М.: Институт психологии РАН, 1993. 88 с.

Олешко В.Ф. Печатные СМИ в контексте новых моделей информационного взаимодействия с аудиторией // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 года. Екатеринбург, 2016. С. 59–62.

Смолкин А.М. Методы активного обучения. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.

Темняткина О.В. Оценка результатов образования обучающихся ОУ НПО и СПО на основе компетентностного подхода: методическое пособие. Екатеринбург, ИРРО, 2009. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-39066.html?page=4> (дата обращения: 29.01.2022).

Трушевская А.А. Развитие технологий коучинга в образовательном пространстве вуза // Проблемы современной экономики. 2013. Т. 45. № 1. С. 227–231.

Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. 2011. № 1. URL: <https://eidos-institute.ru/journal/> (дата обращения: 29.01.2022).

Шестеркина Л.П., Марфицына А.Р. Проектная журналистика и современные тенденции журналистского образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 14. № 1. С. 40–48. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2019-14-1-40-48>

References

Artemova, Yu.V. (2021). *Training a journalist at a university: development of professional competencies: study guide*. Yelets: Yerevan State University Bunin.

Artemova, Yu.V., & Artemov, A.S. (2020). Development of creative activity of students in the educational space of the university. In *Psychology of education in a multicultural space*, 50(2), 58–65.

Druzhinina, V.N., & Galkina, T.V. (Ed.). *Methods of psychological diagnostics*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 1993.

Ershov, Yu.M. (2016). Models of Journalism Education in the Digital Age // *Journalistic Yearbook*, (5), 13–16.

Ilyicheva, V.V., & Kuzmenkova, K.E. (2015, April 9). Multimedia portal as a platform for the development of professional skills. In *Problems of modern radio broadcasting: materials of the 1st scientific and practical conference* (pp. 32–38). V.V. Barabasha (Ed.). Moscow: RUDN University.

Khutorskoy, A.V. (2011). Definition of general subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the design of educational standards. *Bulletin of the Institute of Human Education*, (1). Retrieved January 29, 2022: <https://eidos-institute.ru/journal/>

Malakhova, N.N., & Bessarabova, O.N. (2014). Formation of creative competence in the education system of an innovative society. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, (1), 139–143.

Oleshko, V.F. (2016). Print media in the context of new models of information interaction with the audience. *Journalism of the digital era: how the profession is changing: materials of the Intern. scientific-practical. Conf. 2016, April 14–15* (pp. 59–62). Yekaterinburg.

Shesterkina, L.P., & Marfitsyna, A.R. (2019). Project journalism and modern trends in journalism education. *Scientific notes of the Transbaikal State University*, 14(1), 40–48. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2019-14-1-40-48>

Smolkin, A.M. (1991). *Methods of active learning*. Moscow: Higher school.

Temnyatkina, O.V. (2009). *Evaluation of the results of education of students of educational institutions of NGOs and secondary vocational education based on a competency-based approach. Toolkit*. Yekaterinburg, IRRO. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-39066.html?page=4> (accessed: 29.01.2022).

Trushevskaya, A.A. (2013). Development of coaching technologies in the educational space of the university. *Problems of modern economics*, 45(1), 227–231.

Vodyakha, S.A. (2012). Creative competence: approaches to measurement // *Assessment of the quality of education in educational institutions: a collection of scientific articles* (pp. 28–33). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg.

Volkova, I.I., Desyaeva, N.D., Kilpelyainen, E.S., & Algavi, L.O. (2017). Gamification in education: a duel with the boss. In *Educational space in the information age (EEIA-2017): collection of scientific papers of the international scientific and practical. conferences*, Moscow, (June 7–8, pp. 330–340). Moscow: Institute for Education Development Strategy RAO.

Volkova, I.I., Urazova, S.L., & Pisareva, M.N. (2020). Criteria for the formation of a communicative space in the student environment: immersion in creativity // *Uchenye zapiski Zabaykalskogo universiteta*, 15(1), 75–81.

Сведения об авторе:

Гаврилов Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет. ORCID ID: 0000-0002-1279-3066; e-mail: victorg12@mail.ru

Bio note:

Viktor V. Gavrilov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University. ORCID ID: 0000-0002-1279-3066; e-mail: victorg12@mail.ru

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-399-413

УДК 070.19

Научная статья / Research article

Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ

М.Л. Поляков

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, корп. 2
Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76*
✉ polyakov-ml@ranepa.ru

Аннотация. Цифровые платформы в последние годы находятся в центре внимания исследователей со всего мира. Их изучение ведется в контексте таких дисциплин, как коммуникативистика, социологии, менеджмент, информационные технологии, экономика. Исследователи используют различные подходы к определению того, что представляет собой платформа, к их концептуализации и систематизации. В центре внимания статьи — теоретические взгляды на цифровые платформы последних десяти лет и авторская типология цифровых платформ. Исследуется определение понятия «цифровая платформа» в работах 2010–2021 годов, проведен критический анализ вариантов классификации платформ, сделаны выводы об общих элементах платформ, сходных определениях и принципах их типизации. Автор отдельно рассматривает платформы, работающие по рекламной модели, вводит термин *медиаплатформы*. Именно эти платформы создали новые сегменты рекламного рынка — контекстную и таргетированную рекламу, заняв лидирующие позиции на глобальном и российском медиарынке. Определения и типология цифровых платформ в целом и описание сегмента рекламных платформ в частности могут быть использованы в вузах, где готовят специалистов по направлениям «Медиакоммуникации», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Экономика».

Ключевые слова: цифровые платформы, новые медиа, медиаплатформы, определение цифровых медиаплатформ, типология платформ

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 28 февраля 2022 г.; откорректирована — 30 марта 2022 г.; принята к печати — 12 апреля 2022 г.

Для цитирования: Поляков М.Л. Основные подходы к типологии цифровых медиа-платформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 399–413. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-399-413>

Basic Approaches to the Typology of Digital Media Platforms

Maksim L. Polyakov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Prospekt Vernadskogo, bldg 2, Moscow, 119571, Russian Federation
MGIMO University,
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation*

✉ polyakov-ml@ranepa.ru

Abstract. Digital platforms are in a spotlight for researchers all around the world. These studies are done in areas of communications, sociology, economics, information technologies, management. Scholars use a lot of approaches to define platforms, make their typology and systematization. The article describes and analyzes theoretical approaches, definitions, conceptualization, and typologies of digital platforms of ten recent years from 2010 till 2021. As a result, I conclude some common definition. Part of this typology and platform segment are platforms based on advertising business model. That type of digital platforms have generated new media industry segment — context and target advertising – and some of these platforms concentrated a significant part of global advertising market. They may be defined as *digital media platforms*. Typology and definitions of platforms could be used in universities with such studies like “Communications”, “Journalism”, “Advertising and public relations”, “Economics”.

Keywords: digital platforms, new media, definitions of digital media platform, media platforms, typology of digital platforms

Article history: submitted: February 28, 2022; revised: March 30, 2022; accepted: April 12, 2022.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Polyakov, M.L. (2022). Basic approaches to the typology of digital media platforms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 399–413. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-399-413>

Введение

Еще в 80-х годах XX века до масштабного развития информационных и цифровых технологий концепция платформ обсуждалась для объяснения влияния двусторонних рынков (two-sided markets) в работах экономистов Роше и Тироля, они продолжили свои исследования и в наступившем веке (Rochet & Tirole, 2003, 2006). Позже появилось одно из первых исследований о том, как цифровые компании организуют свой бизнес и конкурируют, ис-

пользуя платформенные решения (Gawer, Cusumano, 2002). С 2010 года одна за другой вышли несколько исследований и книг, представляющих развернутые картины того, как и почему платформы меняют бизнес-подходы, организационные модели и трансформируют целые отрасли (Tiwana, Konsynski & Bush, 2010; Evans & Schmalensee, 2016). Связанные с платформами исследования в этот период становятся все более зрелыми и структурированными, демонстрируют прикладной подход к медиаменеджменту, инновациям, экономике платформ (Parker, Van Alstyne & Choudary, 2016).

Начиная с 2017 года число научных публикаций и исследований, посвященных платформам, превышает два десятка в год и интерес к этому явлению растет. Однако подходы исследователей к предмету существенно различаются. Обозреватели литературы о платформах к 2021 году насчитали восемь разных концепций платформ и 18 субконцепций в корпусе из 140 научных работ по девяти дисциплинам.

Определения цифровых платформ

Один из подходов выделяет две основные концепции в описании цифровых платформ (Van der Aalst, Hinz & Weinhardt, 2019).

Концепция 1: транзакционные инфраструктуры, способные агрегировать данные о действиях нескольких групп пользователей и большие объемы информации, с целью навигации и связи пользователей друг с другом, такие как *Google, Amazon, Alibaba, Airbnb, Uber, Baidu*.

Концепция 2: технологические и компьютерные среды, такие как операционные системы Windows Microsoft, цифровые прилавки для мобильных приложений *Google Play* и *iTunes* и связанные с ними операционные системы *Android Google* и *iOS Apple*.

Начнем с определений платформы как новой модели ведения бизнеса, коммерческой сети или рыночной площадки, позволяющей совершать B2B и B2C транзакции или прямое взаимодействие участников C2C («Концепция 1»). К примеру, Кох и Фишман определяют платформу как «двустороннюю сеть, которая упрощает транзакции между обособленными, но взаимозависимыми группами пользователей, такими как покупатели и поставщики» (Koh & Fichman, 2014).

Еще по одному из похожих определений, платформа — это «цифровая инфраструктура, которая позволяет двум или более группам взаимодействовать» (Срничек, 2019). При этом владелец площадки обладает данными о поведении пользователей и может извлекать выгоду из этих знаний. То есть платформы в первую очередь — посредники, которые соединяют между собой пользователей: покупателей, рекламодателей, производителей товаров и услуг (Bratton, 2016). Существует похожее определение платформы — как «бизнес-модели, которая ускоряет обмен ценностью между двумя и более группами пользователей, потребителей, производителей» (Моазед, Джонсон, 2019, с. 48). При этом платформы собирают вокруг себя сети пользователей

и ресурсов, то есть создают сообщества и рынки, в рамках которых пользователи взаимодействуют и осуществляют транзакции.

Паркер, ван Альстин и Чаудари определяют платформу как «предприятие, обеспечивающее взаимовыгодные взаимодействия между сторонними производителями и потребителями. Она дает открытую инфраструктуру для участников и устанавливает правила. Главная задача платформы — создать связи между пользователями и содействовать обмену товарами или социальной валютой, тем самым способствуя созданию ценности всеми участниками» (Parker, Van Alstyne & Choudary, 2016, p. 22).

Ключевые слова в этих четырех определениях — *взаимодействие* и *обмен ценностью*. Эти определения сходны в том, что они описывают платформы как площадки взаимодействия сторон. Технически, пишет Срничек, обычные торговые центры — тоже платформы, — но в физическом мире, где покупатели находят нужный им товар. По мнению автора данного исследования, традиционные медиа, к примеру В2В-издания на бумаге, построенные на рекламной модели, представляют собой двусторонний продукт, то есть в определенном смысле — это тоже платформы материального типа — они помогают потребителю (читателю контента) и производителю товара или услуги (рекламодателю) найти друг друга.

Вторая группа определений платформ — «Концепция 2» — строится вокруг их цифровой и технологической природы. По мнению Марка Андриссена, одного из самых успешных венчурных предпринимателей мира, «платформа — это система, которая запрограммирована определенным образом, но при этом адаптируется под бесчисленные нужды и ниши пользователей извне. Эти нужды не могут быть заранее предусмотрены ее создателями и дизайнерами или воплощены в короткое время в платформе в виде дополнения». Тот же подход к определению используют российские исследователи Автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» во главе с вице-президентом компании Ростелеком Б.М. Глазковым. Принадлежащее им определение платформы 2018 года также основано на цифровой природе этого явления как «системы алгоритмизированных взаимоотношений значимого количества участников рынка, объединенных единой информационной средой, приводящей к снижению транзакционных издержек, за счет применения пакета цифровых технологий и изменения системы разделения труда». Тивана, Косинский и Буш сделали в определении 2010 года акцент на программной сути платформы, как «расширяемой кодовой базы программируемой системы, которая обеспечивает ключевое взаимодействие, которое осуществляется с помощью интерфейса, и им можно делиться внутри системы» (Tiwana, Konsynski & Bush, 2010).

В этих определениях появляются понятия *программирование* и *алгоритм*, — они связаны именно с нематериальной основой платформ.

Определение профессоров Массачусетского технологического института Эндрю Макафи и Эрика Бриньолфсона объединяет два подхода — бизнес- и дигитально-ориентированный. Они определили цифровую платформу

как «цифровую среду, обеспечивающую доступ, воспроизведение и распространение с предельными издержками, близкими к нулю» (Макафи, Бриньолфсон, 2019). Этим определением авторы смогли описать не только цифровые платформы как инфраструктуры, но и платформы как операционные системы (*iOS, Android*).

Два из восьми приведенных определений указывают на важное свойство платформ — *снижение издержек*. Как говорилось выше, именно это свойство платформ приводит к рыночным эффектам, связанным с воздействием платформ на индустрии. В других — общими понятиями стали «*инфраструктура*» и «*система*».

Попробуем дать свое определение: *платформа — это цифровое предприятие открытого типа, которое, используя алгоритмы и сетевой эффект, выполняет функции посредника между разрозненными группами создателей или владельцев, с одной стороны, и покупателей или пользователей — с другой.*

Типология цифровых платформ

В литературе, посвященной платформам, можно выделить четыре параметра категоризации и типизации: бизнес-модели, принципы взаимодействия пользователей-участников, принципы управления и принципы владения (Asadullah, Faik & Kankanhalli, 2018).

Первое измерение для категоризации основано на *разнице бизнес-моделей* платформ. В этом измерении бизнес-модели платформ различают на интеграционные, продуктовые и многосторонние (Boudreau & Lakhani, 2009). Интеграционные бизнес-модели платформ функционируют как «посредник» между внешними контрибьюторами и пользователями (Hagiu, 2007). К примеру, Apple, владеющей операционной системой iOS, предоставляет разработчикам создавать свои продукты и помогает доставить их до пользователя с помощью прилавка AppStore. Эту же модель используют краудсорсинговые платформы *InnoCentive.com* и *TopCoder* (Boudreau & Lakhani, 2009). Второй тип бизнес-моделей платформ — *продуктовый* — позволяет участникам использовать функциональные возможности платформы и напрямую предоставлять свои продукты и услуги потребителям, сводя к минимуму участие владельцев платформы. Так работают сервисы облачного хранения данных, созданные Amazon и Google (Boudreau & Lakhani, 2009). Третий вид бизнес-моделей — *многосторонние* платформы, пользователи-контрибьюторы которых свободно взаимодействуют с конечными потребителями. Однако интерфейс, дизайн и правила использования платформ определяет их владелец без какого-либо участия пользователей (Rochet & Tirole, 2006). Подобную бизнес-модель используют социальные сети и *eBay* (Boudreau & Lakhani, 2009).

Некоторые исследования для категоризации платформ используют их *способ взаимодействия между внешними пользователями*. В этой категории

выделяют два типа платформ: коллаборативные и конкурентные. Первая категория охватывает платформы с мягкими, легко адаптируемыми правилами, которые поощряют участников-контрибьюторов давать свободный доступ к своим продуктам. По этой модели работает *Wikipedia*, операционная система *Google Android*, платформа для дизайнеров и художников *Threadless* (Boudreau & Lakhani, 2009). По конкурентной модели работают почти все консоли для видеоигр, платформа для производителей автомобилей *Local Cars*, корпорация, проводящая соревнования по спортивному программированию *TopCoder* (Boudreau & Lakhani, 2009).

Еще один принцип типизации — *способы управления платформами*. Их всего два: открытый и закрытый (Boudreau & Lakhani, 2009; Parker & Van Alstyne, 2005). Так, операционные системы Linux и R рассматриваются как платформы открытого типа, тогда как Apple iOS — как закрытая, поскольку выдвигает требования к разработчикам приложений и контролирует их соблюдение.

Четвертая категория для типизации — это *принципы владения*. По этому параметру выделяют два типа платформ: открытые и находящиеся под контролем собственников. Так операционная система *Microsoft Windows* и игровая приставка *Sony PlayStation* являются полностью закрытыми, тогда как *Linux* и *R* — платформы с открытым исходным кодом (Economides & Katsamakas, 2006). Разница между этими двумя типами владения состоит в системе ценообразования, продажах, прибыльности и влиянии этих продуктов на общество.

Таблица 1

Категории цифровых платформ

Категории типизации	Основные типы	Примеры
Бизнес-модель платформ	Интеграционная	<i>Apple iOS, Google Android, InnoCentive.com, TopCoder</i>
	Продуктовая	<i>Amazon Web Service Google Cloud</i>
	Многосторонняя	<i>FB, eBay, Alibaba</i>
Взаимодействие на платформе	Коллаборативное	<i>Wikipedia, Threadless.com</i>
	Конкурентное	<i>TopCoder, игровые консоли</i>
Управление платформой	Открытое	<i>Linux, Wikipedia</i>
	Закрытое	<i>Apple iOS, Google Android</i>
Владение и контроль над платформой	Контроль собственников	<i>Microsoft platforms Sony Playstation</i>
	Открытый исходный код	<i>Linux, R</i>

Источник: Asadullah A., Faik I., Kankanhalli, Digital Platforms: A Review and Future Directions. 2018

Table 1

Categories of Digital Platform

Dimension of Categorization	Major types	Examples
Business model	Integrator platform model	<i>Apple iOS, Google Android, InnoCentive.com, TopCoder</i>
	Product platform model	<i>Amazon Web Service Google Cloud</i>
	Multisided platform model	<i>FB, eBay, Alibaba</i>
Interaction mode	Collaborative platforms	<i>Wikipedia, Threadless.com</i>
	Competitive platforms	<i>TopCoder, game consoles</i>
Governance mode	Opened platforms	<i>Linux, Wikipedia</i>
	Closed platforms	<i>Apple iOS, Google Android</i>
Ownership Structure	Property based platform	<i>Microsoft platforms Sony Playstation</i>
	Open source based platform	<i>Linux, R</i>

Source: Asadullah A., Faik I., Kankanhalli, Digital Platforms: A Review and Future Directions. 2018

Эти четыре вида типологии дополняют друг друга. Множество примеров платформ из реальной жизни может быть отнесено к одному или нескольким типам из представленного обзора. Однако для целей нашего исследования не хватает типизации, которая бы выделила в отдельную группу платформы, действующие на рекламном рынке. По этой причине автор исследования обратился к иным работам о платформах, содержащим типологию, для подтверждения гипотезы о том, что *рекламные платформы* существуют как отрасль цифровой экономики и могут рассматриваться в качестве отдельной группы предприятий. Подобная группа была найдена в исследовании Ника Срничека «Капитализм платформ». Автор определяет их как «*рекламные платформы (advertising platforms)*, например, Google: они извлекают информацию о пользователях, выполняют хитроумные задачи по её анализу и по результатам продают рекламное пространство» (Срничек, 2019, с. 44).

Еще несколько типов классификации представляют функциональные особенности существующих платформ. Ни одна из них на сегодняшний день не является универсальной и доминирующей, но заслуживают внимания для осмысления подходов к изучению предмета. К примеру, Кенни и Зисман в 2016 году вводят понятие «Платформа для платформ», к которой относят операционные системы для смартфонов *Apple's iOS u Google's Android*. В сочетании с прилавками дистрибуции приложений *Google Play u AppStore* они влияют на многие другие платформы и сервисы, которые проходят модерацию, и с их помощью распространяются на смартфоны. В отдельный тип выделяются «Розничные платформы» — *Amazon, eBay, Etsy* (Kenney & Zysman, 2016).

Моазед и Джонсон выбрали для классификации базовую транзакцию, вокруг которой возникает ценность, подлежащая обмену. В данной классификации авторы нашли две основные категории — платформы для обмена и платформы для творчества. В этих двух категориях рассмотрены девять типов платформ и типы ценностей, которые являются предметом транзакции.

Обширная классификация Вакуленко и Сингха 2016 года состоит из девяти типов платформ. В частности, исследователи выделяют в отдельную категорию сети взаимодействия — *WeChat*, *Whatsapp*; служебные платформы *Google AdWords*, *AppAnnie*, платформы распространения контента *Google AdSense*.

Группа из 30 российских исследователей под эгидой Автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» во главе с Борисом Глазковым в 2018 году провела исследование цифровых платформ и представила свои подходы к их типизации. В исследовании дано определение цифровых платформ и приведены три основных типа — инструментальная, инфраструктурная и прикладная, — их описания и отличия, такие как результаты деятельности на базе платформ, группы участников, уровень обработки информации и др. Примерами типов платформ являются *TensorFlow* (инструментальная), *GE Predix* (инфраструктурная) и *Яндекс.Такси* (прикладная).

Типизацией платформ в России занималась также В. Маркова. В своих работах исследователь выделяет три типа платформ: 1) модель «цифрового двойника» для закрытых производственных процессов, например *Boing*; 2) платформы-интеграторы, выступающие как посредники между потенциальными партнерами в частности *Uber*, *Avito*, *BlaBlaCar*, 3) многосторонние платформы, предназначенные для создания экосистем *Telegram*, *Yandex*, *iPhone* (Маркова, 2018) (табл. 2).

Медиаплатформы как отдельный сегмент

Как мы видим, ряд исследователей выделяют в отдельную группу платформы, работающие с информацией, развлечениями и рекламой: рекламные платформы (Срничек, 2019), сети взаимодействия, служебные платформы, краудсорсинговые платформы распространения контента (Vakulenko & Singh, 2019), платформы создания контента и мессенджеры (Моазед, Джонсон, 2016). Большинство из них представляют собой цифровые компании с огромной аудиторией, работающие по рекламной модели. Для определения этой группы цифровых платформ предлагается использовать термины «медиаплатформы» и «рекламные платформы», поскольку их главным доходом является реклама. Эти платформы своим появлением создали тренд на индустриальное использование интернета и стали началом новых видов экономики, таких как экономика данных, экономика совместного потребления и экономика слежения (Срничек, 2019).

Таблица 2

Типологии платформ по функциональному назначению в 2016–2019 годах

Вакуленко, Сингх, 2016	Срничек, 2019	Мартин, Зисман, 2016	Моazed, Джонсон, 2016	Глазков, 2019
Технологические платформы <i>AWS, Parse</i>	Рекламные платформы <i>Google</i>	Платформы для платформ <i>Apple's iOS, Google's Android</i>	Платформы для обмена. Подгруппы: рынок услуг <i>Airbnb. Uber</i> рынок товаров <i>Amazon, Eatsy, eBay</i>	Инструментальные, <i>Apple's iOS, Google's Android SAP, Java, TensorFlow</i>
Сети взаимодействия <i>WeChat, Whatsapp</i>	Облачные платформы <i>AWS, Salesforce</i>	Платформы для доступа к онлайн-инструментам, создания цифровых продуктов, аутсорсинга <i>GitHub, Job Rooster, Wonolo</i>	Платформы для обмена. Подгруппы: платежные платформы <i>PayPal, Stripe,</i> Инвестиционные <i>Angel List</i>	Инфраструктурные платформы <i>Predix GE, GoBrain, Госуслуги, Яндекс Карты</i>
Вычислительные платформы <i>Apple iOS, Android, Windows</i>	Индустриальные/промышленные платформы <i>GE, Siemens</i>	Платформы для поиска и распределения работы <i>UpWork, Innocentives</i>	Платформы для обмена. Подгруппы: мессенджеры <i>Whatsap, WeChat,</i> игры <i>Minecraft, PockerStar</i>	Прикладные платформы <i>Яндекс, Авито, Airbnb, Uber, Платон</i>
Служебные платформы <i>Google AdWords, AppAnnie</i>	Продуктовые платформы <i>Rolls Royce, Spotify</i>	Розничные онлайн-магазины <i>Amazon, eBay, Etsy</i>	Платформы для творчества. Подгруппа: создание контента <i>YouTube, IG, iTunes, Twitter</i>	
Маркетплейсы <i>Kickstarter, Booking.com, iTunes</i>	Бережливые платформы <i>Uber, Airbnb</i>	Сервисные платформы <i>Airbnb, Lyft</i>	Платформы для творчества. Подгруппа: разработка приложений. <i>Youtube, IG, iTunes, Android, Linux</i>	
Платформы обслуживания по требованию <i>Uber</i>				
Краудсорсинговая контентная платформа <i>Youtube, Pinterest, Yelp</i>				
Платформы сбора данных <i>23andMe</i>				
Платформы распространения контента <i>Google Adsense</i>				

Источники: составлено автором, 2022

Table 2

Types of Digital Platform by Functions, 2016–2019

Vakulenko, Singh, 2016	Srnicek, 2019	Kenney, Zisman, 2016	Moazed, Johnson, 2016	Glazkov, 2019
Technology platforms <i>AWS, Parse</i>	Advertising platforms <i>Google</i>	Platform for platforms <i>Apple's iOS, Google's Android</i>	Exchange platform. Subcategory: Services marketplace <i>Airbnb, Uber</i> Product marketplace <i>Amazon, Eatsy, eBay</i>	Instrumental <i>Apple's iOS, Google's Android SAP, Java, TensorFlow</i>
Interaction networks <i>WeChat, Whatsapp</i>	Cloud Platforms <i>AWS, Salesforce</i>	Platforms that make digital tools available online and support the creation of other platforms and market places <i>GitHub, Job Rooster, Wonolo</i>	Exchange platform. Subcategory: Payment platform <i>PayPal, Stripe,</i> Investment platforms <i>Angel List</i>	Infrastructure platform <i>Predix GE, GoBrain, Gosuslugi, Яндекс Карты</i>
Computing platforms <i>Apple iOS, Android, Windows</i>	Industrial platforms <i>GE, Siemens</i>	Platforms mediating work <i>UpWork, Innocentives</i>	Exchange platform. Subcategory: Messengers <i>Whatsap, WeChat,</i> Social gaming platforms <i>Mincraft, PockerStar</i>	Applied-tools platforms <i>Яндекс, Avumo, Airbnb, Uber, Platon</i>
Utility platforms <i>Google AdWords, AppAnnie</i>	Product platforms <i>Rolls Royce, Spotify</i>	Retail platforms <i>Amazon, eBay, Etsy</i>	Exchange platform. Subcategory: Social networking platforms <i>Twitter, FB, Tinder</i>	
Marketplaces <i>Kickstarter, Booking.com, iTunes</i>	Lean platforms <i>Uber, Airbnb</i>	Service-providing platforms <i>Airbnb, Lyft</i>	Maker platform. Subcategory: Controlled development Platform. <i>Android, Google Play Apple</i>	
On-Demand platforms <i>Uber, Dispatch</i>			Maker platform. Subcategory: content platform <i>YouTube, IG, iTunes, Twitter</i>	
Content crowdsourcing platforms <i>Youtube, Pinterest, Yelp</i>				
Data harvesting platforms <i>23andMe, Waze, Moovit, OpenSignal</i>				

Source: compiled by the author

Первый бум интернет-индустрии 1990-х, завершившийся кризисом «пузыря доткомов», поставил перед интернет-компаниями задачу генерирования прибыли (Срничек, 2019). Одновременно с этим значительное число интернет-компаний, возникших в эти годы, создало фундамент для бизнес-моделей, ориентированных на рекламу и привлечение пользователей. Первые онлайн-ресурсы, уцелевшие после шторма, и стали пионерами в размещении интернет-рекламы, а первые поисковики AltaVista, Lycos, Yahoo и интернет-издания начали размещать у себя кликабельные баннеры.

Часть из цифровых медиа первой волны стали использовать платформенные решения и превратились в площадки, ориентированные одновременно на привлечение аудитории и рекламы. Используя сетевой эффект и культуру первых интернет-сообществ, они привлекли пользователей для создания своего контента: информации, фотографий, видео, персональных новостей. Так произошел прорыв в традиционной конфигурации «аудитория–контент–рекламодатель», который Николас Карр назвал «Великим разукрупнением». В этот момент власть над контентом начала переходить от медиакомпаний к платформам (Nielsen & Ganter, 2018).

Платформа бесплатных объявлений Craigslist за короткое время смогла привлечь к себе огромное число пользователей в США, что позволило им сэкономить на размещении рекламы 5 млрд долл. США в период с 2000 до 2007 года. Популярность этого ресурса привела к исчезновению целого сегмента печатной индустрии — газет бесплатных объявлений (Seamans & Zhu, 2013). В музыкальной индустрии похожий сдвиг произошел благодаря платформам Spotify и SoundCloud, которые позволили исполнителям загружать музыку и получать прямой доступ к слушателям. Благодаря им, влияние звукозаписывающих гигантов сошло на нет, индустрия полностью изменилась (Eriksson, Fleischer et al., 2019).

Социальные платформы начали возникать в 1995 году с сети для одноклассников Classmates.com (1995). Бум этих социальных сетей пришелся на нулевые годы: сначала Friendster (2002), затем MySpace (2004), Facebook (2005)¹, Twitter (2006). К началу 2010-х годов социальные сети превратились не только в площадки для общения, но и в источники трафика для новостных медиа: именно через них крупные газеты и телеканалы стали доставлять свои продукты и получать трафик посетителей (Sehl, 2018).

Важной точкой в развитии сегмента медиаплатформ можно назвать 2000 год, когда поисковик Google запустил сервис контекстной рекламы *AdWords*, ставший вскоре крупнейшей в мире площадкой для подобного вида рекламы и рекламного рынка в целом.

К 2022 году платформы, работающие по рекламной модели, заняли и удерживают доминирующие позиции на рынке медиа, оказав на этот сегмент экономики существенное влияние (Poell, 2020).

¹ Деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Заключение

Изучению и классификации цифровых платформ посвящены десятки исследований, предпринимаются постоянные попытки дать определение этому явлению. Классификации построены на технологической природе этих предприятий и на бизнес-моделях. Несколько определений и типологий выделяют цифровые платформы, существующие на рекламной модели. Их можно классифицировать как *медиаплатформы*.

Медиаплатформы — самые первые из числа платформ — своим появлением создали тренд на индустриальное использование интернета и стали началом новых видов экономики, таких как экономика данных, экономика совместного потребления и экономика слежения. Они объединили изменчивость и интерактивность новых медиа; алгоритмы и глубинное обучение, основанное на обработке больших данных; сетевой эффект, заложенный в природе интернет-сообществ; потребность в рекламе со стороны интернет-компаний первой волны. Так возникли Google, Yandex, Craigslist, Youtube, Amazon, Uber, Airbnb. Часть этих платформ в качестве бизнес-модели использовали рекламную, соединяя между собой две стороны — аудиторию, создающую контент, и рекламодателей.

Появление цифровых платформ на рынке медиа существенно повлияло на медиапотребление, изменив расклад сил на рекламном рынке. В печатной отрасли с 2007 года происходит уменьшение тиражей, продаж рекламы и исчезновение целых сегментов. С 2014 года началось падение продаж телевизионной рекламы. Большая часть читателей, зрителей и рекламодателей переходит именно на цифровые платформы. Эти компании превратились в глобальных монополистов. Они продолжают расти опережающими темпами, как по приросту пользователей, так и по прибыльности.

Библиографический список

- Макафи Э., Бриньолфсон Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 368 с.
- Маркова В.Д.* Бизнес-модели компаний на базе платформ // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 127–135.
- Моазед А., Джонсон Н.* Платформа: практическое применение революционной бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2019. 288 с.
- Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
- Сайт Автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика». Публикация 28.04.2018. URL: https://data-economy.ru/20180428_01 (дата обращения: 25.05. 2022).
- Asadullah A., Faik I., Kankanhalli A.* Digital Platforms: A Review and Future Directions // PACIS, 2018. 248 p.
- Boudreau K.J., Lakhani K.R.* How to Manage Outside Innovation // MIT Sloan Management Review. 2009. Vol. 50. No. 4. P. 69–76.
- Bratton B.* The Stack: On Software and Sovereignty. MIT Press, 2016. С. 251–289.

Carr N. The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google. W.W. Norton & Company, 2009. 154 p.

Economides N., Katsamakos E. Two-Sided Competition of Proprietary vs. Open Source Technology Platforms and the Implications for the Software Industry // *Management Science*. 2003. Vol. 52. No. 7. P. 1057–1071. <https://doi.org/10.1287/mnsc.1060.0549>

Eisenmann T., Parker G., Van Alstyne M.W. Strategies for Two-Sided Markets // *Harvard Business Review*. 2006. Vol. 84. No. 10. P. 1–12.

Eriksson M., Fleischer R., Johansson A., Snickars P., Vonderau P. Spotify Teardown: Inside the Black Box of Streaming Music. Cambridge: MIT Press, 2019.

Evans D.S., Schmalensee R. The Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms. Boston: Harvard Business Review Press, 2016.

Faraj S., Krogh G. Von, Monteiro E., Lakhani K.R. Online Community as Space for Knowledge Flows // *Information Systems Research*. 2016. Vol. 27. No. 4. C. 668–684.

Farrell J., Garth S. Standardization, Compatibility, and Innovation // *The RAND Journal of Economics*. 1985. Vol. 16. No. 1. P. 70–83.

Gawer A., Cusumano M.A. Platform Leadership: How Intel, Microsoft, and Cisco Drive Industry Innovation. Brighton: Harvard Business School Press, 2002.

Hagiu A. Merchant or Two-Sided Platform // *Review of Network Economics*. 2007. Vol. 6. No. 2. P. 115–133.

Hagiu A. Strategic Decisions for Multisided Platforms // *MIT Sloan Management Review*. 2014. Vol. 55. No. 2. P. 71–80.

Katz M.L., Shapiro C. Network Externalities, Competition, and Compatibility // *The American Economic Review*. 1985. Vol. 75. No. 3. P. 424–40.

Koh T.K., Fichman M. Multihoming users' preferences for two-sided exchange networks // *Mis Quarterly*. 2014. Vol. 38. No. 4. P. 977–996.

Nielsen R.K., Ganter S.A. Dealing with Digital Intermediaries: A Case Study of the Relations between Publishers and Platforms // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. No. 4. P. 1600–1617.

Parker G.G., Van Alstyne M.W., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. New York: WW Norton & Co., 2016.

Parker G.G., Van Alstyne M.W. Two-Sided Network Effects: A Theory of Information Product Design // *Management Science*. 2005. Vol. 51. No. 10. P. 1494–1504.

Poell Th. Three Challenges for Media Studies in the Age of Platforms. *Television and Media* // *SAGE Journals*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1177/1527476420918833> (accessed: 25.05.2022).

Poniatowski M., Lüttenberg H., Beverungen D., Kundisch D. Three layers of abstraction: a conceptual framework for theorizing digital multi-sided platforms // *Information Systems and e-Business Management*. 2022. Vol. 20. P. 257–283.

Rochet J.-C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // *Journal of the European Economic Association*. 2003. Vol. 1. No. 4. P. 990–1029.

Rochet J.-C., Tirole J. Two-Sided Markets: A Progress Report // *The Rand Journal of Economics*. 2006. Vol. 37. No. (3). P. 645–667.

Seamans R., Zhu F. Responses to Entry in Multi-Sided Markets: The Impact of Craigslist on Local Newspapers // *NET Institute Working Paper*. 2013. No. 10–11. URL: <https://ssrn.com/abstract=1694622> (accessed: 25.05.2022).

Sehl A., Cornia A., Nielsen R.K. Public Service News and Social Media. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2018.

Shapiro C., Varian H. Information Rules: A Strategic Guide to The Network Economy. Publisher: Harvard Business School Press, 2008. URL: 10.2307/1183273 (accessed: 25.05.2022).

Tiwana A., Konsynski B., Bush A.A. Platform evolution: Coevolution of platform architecture, governance, and environmental dynamics // *Information Systems Research*. 2010. Vol. 21. No. 4. P. 675–687.

Vaculenko M., Singh S. The Guide to Platform Business Models // Platform Hunt blog. 2016. URL: <https://medium.com/platform-hunt/the-platform-business-model-guide-6e86f5c5679b> (accessed: 25.05.2022).

Van der Aalst W., Hinz O., Weinhardt C. Big Digital Platforms // *Business & Information Systems Engineering*. 2019. Vol. 61. P. 645–648.

Yoo Y., Boland R.J., Lyytinen K., Majchrzak A. Organizing for Innovation in the Digitized World // *Organization Science*. 2012. Vol. 23. No. 5. P. 1398–1408.

Zittrain J.L. The Generative Internet // *Harvard Law Review*. 2006. Vol. 119. No. 7. P. 1974–2040.

References

Asadullap, A., Faik, I., & Kankanhalli, A. (2018). Digital Platforms: A Review and Future Directions. *PACIS*.

Boudreau, K.J., & Lakhani, K.R. (2009). How to Manage Outside Innovation. *MIT Sloan Management Review*, 50(4), 69–76.

Bratton, B. (2016). *The Stack: On Software and Sovereignty*. MIT Press.

Carr, N. (2009). *The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google*. W.W. Norton & Company.

Economides, N., & Katsamakos, E. (2006). Two-Sided Competition of Proprietary vs. Open Source Technology Platforms and the Implications for the Software Industry. *Management Science*, 52(7), 1057–1071. <https://doi.org/10.1287/mnsc.1060.0549>

Eisenmann, T., Parker, G., & Van Alstyne, M.W. (2006). Strategies for Two-Sided Markets. *Harvard Business Review*, 84(10), 1–12.

Eriksson, M., Fleischer, R., Johansson, A., Snickars, P., & Vonderau, P. (2019). *Spotify Teardown: Inside the Black Box of Streaming Music*. Cambridge: MIT Press.

Evans, D.S., & Schmalensee, R. (2016). *The Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms*. Boston: Harvard Business Review Press.

Faraj, S., Krogh, G. Von, Monteiro, E., & Lakhani, K.R. (2016). Online Community as Space for Knowledge Flows. *Information Systems Research*, 27(4), 668–684.

Farrell, J., & Garth, S. (1985). Standardization, Compatibility, and Innovation. *The RAND Journal of Economics*, 16(1), 70–83.

Gawer, A., & Cusumano, M.A. (2002). *Platform Leadership: How Intel, Microsoft, and Cisco Drive Industry Innovation*. Brighton: Harvard Business School Press.

Hagiu, A. (2007). Merchant or Two-Sided Platform? *Review of Network Economics*, 6(2), 115–133.

Hagiu, A. (2014). Strategic Decisions for Multisided Platforms. *MIT Sloan Management Review*, 55(2), 71–80.

Katz, M.L., Shapiro, C. (1985). Network Externalities, Competition, and Compatibility. *The American Economic Review*, 75(3), 424–440.

Koh, T.K., Fichman, M. (2014). Multihoming users' preferences for two-sided exchange networks. *Mis Quarterly*, 38(4), 977–996.

Markova, V. (2018). Company business models based in platforms. *Voprosy Ekonomiki*, (10), 127–135. (In Russ.)

McAfee, A., & Brynjolfson, E. (2019). *Machine, Platform, Crowd*. Moscow: Mann-Ivanov-Farber. (In Russ.)

Nielsen, R.K., & Ganter, S.A. (2018). Dealing with Digital Intermediaries: A Case Study of the Relations between Publishers and Platforms. *New Media & Society*, 20(4), 1600–17.

NGO Digital Economy. (2018). About platforms types. Retrieved from https://data-economy.ru/20180428_01 (In Russ.)

Parker, G.G., Van Alstyne, M.W., & Choudary, S.P. (2016). *Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. New York: WW Norton & Co.

Parker, G.G., & Van Alstyne, M.W. (2005). Two-Sided Network Effects. *A Theory of Information Product Design, Management Science*, 51(10), 1494–1504.

Poell, Th. (2020). Three Challenges for Media Studies in the Age of Platforms. *Television and Media. SAGE Journals*. Retrieved May 25, 2022, from <https://doi.org/10.1177/1527476420918833>

Poniatowski, M., Lüttenberg, H., Beverungen, D., & Kundisch, D. (2021). Three layers of abstraction: a conceptual framework for theorizing digital multi-sided platforms. *Information Systems and e-Business Management*, 20, 257–283.

Rochet, J.-C., & Tirole, J. (2003). Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of the European Economic Association*, 1(4), 990–1029.

Rochet, J.-C., & Tirole, J. (2006). Two-Sided Markets: A Progress Report. *The Rand Journal of Economics*, 37(3), 645–667.

Seamans, R., & Zhu, F. (2013). Responses to Entry in Multi-Sided Markets: The Impact of Craigslist on Local Newspapers. *NET Institute Working Paper*. (10–11). Retrieved May 25, 2022, from <https://ssrn.com/abstract=1694622>

Sehl, A., Cornia, A., & Nielsen, R.K. (2018). *Public Service News and Social Media*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism.

Shapiro, C., & Varian, H. (2008). Information Rules. *A Strategic Guide to The Network Economy*. Retrieved May 25, 2022, from <https://doi.org/10.2307/1183273>

Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Moscow: HSE Publishing. (In Russ.)

Tiwana, A., Konsynski, B., & Bush, A.A. (2010). Platform evolution: Coevolution of platform architecture, governance, and environmental dynamics. *Information Systems Research*, 21(4), 675–687.

Vaculenko, M., & Singh, S. (2016). The Guide to Platform Business Models. *Platform Hunt blog*. Retrieved May 25, 2022, from <https://medium.com/platform-hunt/the-platform-business-model-guide-6e86f5c5679b>

Van der Aalst, W., Hinz, O. & Weinhardt, C. (2019). Big Digital Platforms. *Business & Information Systems Engineering*, 61, 645–648.

Yoo, Y., Boland, R.J., Lyytinen, K., & Majchrzak, A. (2012). Organizing for Innovation in the Digitized World. *Organization Science*, 23(5), 1398–1408.

Сведения об авторе:

Поляков Максим Львович, старший преподаватель кафедры интегрированных коммуникаций, автор и руководитель магистратуры «Цифровые коммуникации и новые медиа» Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), профессор кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (МГИМО). ORCID ID: 0000-0001-6110-7045; e-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

Bio note:

Maksim L. Polyakov, Academic director of Master program “Digital communications and new media”, Institute of Social Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Senior Lecturer of Department of Integrated Communications. Professor of International Journalism Department, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0001-6110-7045; e-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-414-424

УДК 070

Научная статья / Research article

Структурные и семиотические особенности виртуального нарратива в иммерсивных проектах РИА.Lab

О.Р. Самарцев¹, В.М. Латенкова², Н.А. Слепцов³¹ Ульяновский государственный университет,

Российская Федерация, 432970, Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42

² Академия медиаиндустрии,

Российская Федерация, 127562, Москва, ул. Октябрьская, 105, корп. 2

³ Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2

✉ olegsamar@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются семиотические особенности виртуального нарратива в проектах РИА.Lab – иммерсивной платформы ведущего российского информационного агентства МИА «Россия сегодня». Целью является выявление и анализ структурных и семиотических элементов виртуального нарратива применительно к проектам иммерсивной журналистики. Выделены семиотические особенности VR-нарратива с учетом мультимодальной природы виртуальной реальности и симулятивного аспекта знаковой системы иммерсивных произведений. Выдвигается тезис о том, что виртуальное пространство является не только средой повествования с особым топосом, хронотопом и другими элементами нарратива, но и само по себе является смыслообразующим элементом, участвующим в процессе семиозиса, элементом виртуальной «языковой игры». Рассматривается модальная многомерность VR, которая, являясь элементом мультимодального информационно-коммуникационного универсума, в свою очередь, включает в себя другие модальности (телевидение, радио, кинематограф, печатные форматы). Рассматривается тезис о необходимости соблюдения баланса между моделированием и симуляцией в иммерсивной журналистике. Обозначена специфика конвенциональных условий интерпретации знаков-симулякров в виртуальном пространстве, зависящих от степени их тождества объектам реальной действительности. Отмечены возможности увеличения прагматической эффективности виртуального повествования за счет увеличения вариативности аффордансов, использования полимодальных эмфаз и других средств виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, цифровое пространство, симуляция, семиотика, иммерсивная журналистика, нарратив, аффордансы, сторителлинг, контент, семиозис

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 24 февраля 2022 г.; откорректирована — 9 марта 2022 г.; принята к публикации — 10 апреля 2022 г.

Для цитирования: Самарцев О.Р., Латенкова В.М., Слепцов Н.А. Структурные и семиотические особенности виртуального нарратива в иммерсивных проектах RIA.Lab // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 414–424. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-414-424>

Structural and Semiotic Features of the Virtual Narrative in Immersive RIA.Lab Projects

Oleg R. Samartsev¹ , **Vera M. Latenkova²** , **Nikolai A. Sleptsov³**

¹ *Ulyanovsk State University,*

42 Leo Tolstoy St, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation

² *Media Industry Academy,*

105 Oktyabrskaya St, bldg 2, Moscow, 127562, Russian Federation

³ *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),*

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ olegsamar@rambler.ru

Abstract. The article examines the semiotic features of the virtual narrative in the projects of RIA.Lab platform of the leading Russian news agency “Russia Today”. The aim is to analyze the structural, linguistic and iconic elements of the virtual narrative in relation to the projects of immersive journalism, highlighting their features, taking into account the multimodal nature of virtual reality and the simulative aspect of the sign system of immersive works. Virtual space is not only a narrative environment with special topos, chronotope and other narrative elements, but is itself a semiotic element, participating in the process of semiosis, the space of virtual “language game”. The thesis is put forward that VR, being an element of the multimodal information and communication universe, contains in its structure other modalities (TV, radio, cinema, print formats), and is multidimensional, a kind of “modus in modus”. The thesis on the priority of the modeling approach to the creation of immersive mass-media content over the simulative one and the necessity of observing the balance between modeling and simulation in immersive journalism are discussed. The specifics of conventional conditions of interpretation of simulacra signs in virtual space, which depend on the degree of their identity to the signs of real reality and the “rules of the virtual game”, set by the authors, are outlined. The directions of increasing the pragmatic efficiency of virtual narrative through the variability of its affords, the use of emphases, haptics (tactile experience) and other means of VR are outlined.

Keywords: virtual reality, digital space, simulation, semiotics, immersive journalism, narrative, affordance, storytelling, content, semiosis

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: February 24, 2022; revised: March 9, 2022; accepted: April 10, 2022.

For citation: Samartsev, O.R., Latenkova, V.M., & Sleptsov, N.A. (2022). Structural and semiotic features of virtual narrative in immersive RIA.Lab projects. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 414–424. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-414-424>

Введение

Единственная в России системная платформа иммерсивного контента RIA.Lab (экспериментальный проект МИА «Россия сегодня») использует для создания проектов технологии виртуальной и дополненной реальности (VR и AR). В современных исследованиях отмечается, что выработка новых приемов подачи информации, получивших название «инфотеймент», становятся естественным следствием трансформации творческих методов журналистики, способных «охватить новую аудиторию, изменить способ рассказывания историй и обеспечить большую интерактивность в новостной индустрии» (Uskali, Gynnild, Jones, Sirkkunen, 2021, p. 5). Несмотря на то, что иммерсивная журналистика находится в стадии эксперимента и не всегда доступна широкому потребителю в силу специфики технологии потребления (шлемы, VR-очки), возможность создания симулятивной реальности для журналистов имеет множество профессиональных перспектив (Замков, Крашенинникова, Лукина, Цынарева, 2017, с. 166–172). Одна из причин этого не только привлекательность игры как формата потребления информации, но и сам потенциал виртуальных технологий как инструмента осмысления сложных социальных процессов и ситуаций, транслируемых символической «новостной игрой» (Шитенко, 2015). В отличие от западных иммерсивных проектов, которые подробно рассматриваются в научных работах (проекты журналистики Нонни де ла Пеньи, *The New York Times* и др.), отечественные VR-проекты изучены недостаточно. Иммерсивный контент RIA.Lab, представляющий VR и AR-истории, дает возможность проанализировать семиотические и структурные особенности современного российского виртуального нарратива.

Мультимодальность

Несмотря на то, что термин «мультимодальность» еще полностью не осмыслен, а по мнению Гюнтера Кресса, «не существует никакого согласованного определения мультимодальности как таковой» (Кресс, 2016, с. 80), следует согласиться с тем, что виртуальная реальность онтологически мультимодальна, так как использует нескольких модусов (средств, способов представления информации) для создания культурного артефакта — медийного произведения, проекта, нарратива. При этом сама виртуальная реальность является особым модусом, основанным на технологической платформе, не имеющей аналогов в традиционных средствах массовой информации. При этом, как полагает И.М. Дзялошинский, в современном «информационно-коммуникационном универсуме» действия, которые совершает человек в коммуникационной сфере, «все чаще контролируются, подсказываются и

выполняются алгоритмами» (Дзялошинский, 2021, с. 30). Виртуальная реальность, характерное явление постмодерна, не просто формирует новые смыслы, она способна моделировать действительность, создавать симулякры, что можно рассматривать в качестве специфической характеристики постмодернистского мироощущения, которое с помощью виртуальных технологий вошло неотъемлемой деятельностной компонентой практически во все подсистемы информационного общества (Мадиану, Миллер, 2018).

Существенно, что модус виртуальной реальности многомерен, в нем, как «матрешка в матрешке», структурно реализованы другие медийные модусы, которые могут быть использованы вместе или сами по себе. Например, в популярной виртуальной среде *Second Life* участники имеют возможность слушать музыку и смотреть видео в интернет-трансляциях стриминговых сервисов и радиостанций, смотреть кинофильмы в виртуальных кинотеатрах, общаться в социальных медиа, и еще более широкие коммуникативные возможности предоставляет метавселенная *Facebook* (деятельность на территории Российской Федерации запрещена). Внутри виртуального мира РИА.Lab потребитель может воспользоваться текстом (газеты, книги), аудиовизуальными средствами (можно послушать радио, посмотреть телевизор или видеозапись) и более сложными, что, в свою очередь, приводит к формированию многослойной семиотической структуры. При этом мультимодальность виртуального нарратива, когда одно средство активизируется внутри другого («модус в модусе») либо совместно с другим, реализует эмфазис, акцентируя внимание на отдельных элементах повествования («*VR-расследование: Преступления главных нацистов Рейха против человечества*», «*Валерка встречает Гагарина. VR-история, случившаяся в Москве весной 61-го*»). Таким образом, игровое пространство иммерсивного нарратива РИА.Lab само по себе является смысловой частью семиотической системы и дальнейшее погружение в проект во многом зависит от того, насколько эффективно будет реализован потенциал заложенной в ее структуру мультимодальности.

Репрезентация и симуляция

Есть серьезные основания полагать, что сам факт интенсивного вхождения виртуальной реальности в СМИ является свидетельством превращения их в инструмент вытеснения отражения действительности ее симуляцией. В условиях, когда наравне с естественной культурной средой существует среда медиарельности, о которой пишут все чаще в последнее время, возникает «совершенно иной уровень отношений человека с окружающей действительностью», что тем самым «поднимает проблему соотношения реальности и ее символического отображения» (Пензина, Пархитко, 2019, с. 79).

Проблема замещения реальности виртуальной копией реальности в СМИ сама по себе не нова. О возникновении специфической формы символической среды массовой коммуникации писал Мануэль Кастельс, а на тео-

рию симулякров Жана Бодрийяра опирается большинство современных исследований виртуальной реальности. «Современная виртуальность в контексте информационализма есть система, в которой реальность материального и символического существования людей погружена в виртуальные образы, эти виртуальные образы не передают опыт, а сами становятся опытом» (Захарова, 2009, с. 8). Жан Бодрийяр утверждал, что массовая коммуникация в эпоху постмодерна тяготеет к симулятивным формам отражения действительности. «Именно в форме все изменилось: повсюду существует замена реальности „нереальностью“, целиком произведенной исходя из комбинации элементов кода» (Бодрийяр, 2020, с. 188). Это приводит к тому, что потребителя все чаще заставляют «разыгрывать событие, структуру или наступающую ситуацию», замещая симуляцией реальные структуры и реальные ситуации.

В работе «Симуляция и симулякры» Бодрийяр усиливает тезис о симуляционной природе современного информационного общества, отмечая, что «абстракция сегодня — это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта», она может быть не связана с реально существующим, а «является порождением моделей реального без оригинала и реальности: гиперреальности» (Бодрийяр, 2015, с. 28), то есть образы современного нарратива могут быть нерепрезентативны реальной действительности, а нарратив не репрезентирует ее, а создает образ-симулякр. Бодрийяр выделяет четыре фазы создания образа действительности: от репрезентативного отражения фундаментальной реальности, через ее маскировку и искажение, далее через маскировку отсутствия фундаментальной реальности в образе и, далее, к полному отсутствию в образе какой бы то ни было реальности, то есть к чистому симулякру.

Выдвинем тезис о том, что применительно к иммерсивной журналистике процесс создания образов, как его видел Бодрийяр, не может сильно отклоняться от репрезентативного отражения фундаментальной реальности, используя не столько симуляцию, сколько моделирование. Как показывает практика РИА.Lab, журналисты зачастую вынуждены воссоздавать в VR не только существующие объекты (пожарная машина, аппарат уничтожения космического мусора, ледокол, ощущения аутиста), но и то, чего пока не существует («*Лунная станция 2038 года. Прогноз-реконструкция*»), либо реконструировать ситуации прошлого («*Валерка встречает Гагарина. VR-история, случившаяся в Москве весной 61-го*», «*Чудо на кукурузном поле. VR-расследование год спустя*», «*Неизвестный знаменосец*», «*VR-расследование: Преступления главных нацистов Рейха против человечества*»). Однако и в этих ситуациях реконструкции-симуляции проектов основаны на максимально точном исходном материале, что объективизирует их до степени репрезентативной модели. По степени допустимой симулятивности иммерсивная журналистика, так же как журналистика традиционная, ограничена профессиональными нормами, однако достаточно свободна в формах построения диалога с аудиторией правилами вариативной жанровой игры (на этом принципе, например, основаны классические жанры памфлета и фельетона).

Правила виртуальной «языковой игры» таковы, что, соглашаясь на погружение в виртуальную игровую среду вне зависимости от степени ее условности, аудитория далее воспринимает виртуальные элементы как тождественные реальным, то есть репрезентативные. Если следовать тезису о том, что виртуальное пространство само по себе является смыслообразующим элементом нарратива, то виртуальное игровое поле «становится тем местом, где могут быть удовлетворены потребности пользователей и которое генерирует эмоции благодаря уникальной комбинации условности и жизнеподобия» (Новикова, Кирия, 2018, с. 282). Внутреннее пространство виртуального мира семантически целостно и наполнено самостоятельным смыслом, подобно парку аттракционов, Диснейленду и т. д., перемещение в котором посетитель воспринимает как самостоятельную часть нарратива за счет эффекта присутствия.

В учебнике по иммерсивному сторителлингу отмечается, что «эффект присутствия убирает одну из основных проблем современного „плоского“ визуального опыта, будь то кино, игры или различные виды визуальных инсталляций: необходимость в каждый момент „перекрикивать“ предыдущий визуальный опыт зрителя и постоянно развлекать его, перегружая яркими мельтешащими картинками» (Уткин, Покровская, 2020, с. 143) в обособленном и чаще всего открытом виртуальном игровом пространстве.

При этом в виртуальных проектах симулированное легко монтируется с реальным (люди, фото и кинодокументы, бумажные носители и т. д.) без потери или искажения смысла подобно тому, как в проекте *Gone Gitmo*, созданном пионером иммерсивной журналистики и «крестной матерью виртуальной реальности» Нонни де ла Пеньи, реальные аудио- и видеоизображения из тюрьмы Гуантанамо соединяются с символами, созданными в VR. В проектах RIA.Lab этот прием используется в повествованиях о группе Дятлова и истории-расследовании «Преступления главных нацистов Рейха против человечества», в которых, при необходимости, легко объединяются в один смысловой паттерн игровые, постановочные или вымышленные эпизоды.

В проектах RIA.Lab баланс между моделированием и симуляцией соблюдается за счет полимодальной структуры, в котором традиционное линейное повествование (закадровый голос, текст, их комбинация) сопровождает и структурирует нелинейность сюжетной линии (расследование тайны гибели группы Дятлова, преступлений нацистов, изучение модели лунной станции и т. д.).

Структура

У игры, вариантом которой являются и иммерсивные проекты, всегда есть общие черты с нарративами (Юл, 2015). Для виртуального нарратива характерны особенности структуры, определяемые интерактивностью, которая предоставляет возможность нелинейного развития сюжета. Сохраняя основные структурные элементы традиционного повествования, виртуальный

нарратив в стадии «завязки» описывает героев, время действия (хронотоп, временные рамки), место действия (топос, внутриигровое пространство), конфликт, правила и законы, определяющие сюжетную линию, и, таким образом, «объясняет игроку правила виртуальной реальности» (Самойлова, Шаев, 2016, с. 172).

Американский исследователь виртуальной реальности и компьютерных игр Роберт Бюркли считает, что «компьютерная игра полагается именно на повествование с целью создания игрового пространства, и представляет собой особый „нарративный медиум“» (Buerkle, 2008, p. 167). Поскольку игровая логика в VR чаще всего нелинейна и зависит от поведения игрока и его реакции на предоставляемые аффордансы либо игровые стимулы, вариантов «прохождения» нарративного повествования у потребителя достаточно много («*Нюрнберг: VRдикт народов*», «*Музей исчезнувших картин. VR-пространство, где возрождаются утраченные шедевры*»).

Структурно авторы VR-проектов чаще всего выстраивают парадигмальную систему эпизодов, допуская свободный (или почти свободный) выбор действий героя внутри игровой среды, где элементами игровой стратегии являются различные «степени свободы», активности или допустимые действия внутри предложенной парадигмы. В иммерсивных проектах РИА.Lab, по преимуществу, реализуется именно такое автономно развивающееся повествование с некоторыми инвариантами. Таким образом, элементы интерактивности в проектах РИА.Lab реализуются не в качестве сюжетообразующего компонента, а в качестве средства увеличения степени «включенности» в атмосферу и процесс восприятия смыслов. Взаимодействие с игрой при таком построении сходно с чтением книги или иным способом восприятия нарратива, близкого к линейному, при этом «существует рефлексивная связь между проживанием истории жизни, рассказом истории жизни, пересказом истории жизни и повторным проживанием истории жизни» (Cowger, Tritz, 2021), воссозданных в виртуальной реальности.

Семиотика виртуальных аффордансов

Выдвигая тезис о том, что виртуальная реальность имеет двойственную природу интерфейса, опосредующего взаимодействие потребителя с сообщением, и семантического пространства, следует признать особую значимость аффордансов (affordance — ожидаемое назначение, возможность действия) применительно к виртуальному нарративу. Термин был сформулирован в когнитивной психологии Джеймсом Дж. Гибсоном как обозначение свойства объектов окружающей действительности подсказывать людям способ их использования. Позже дизайнер и когнитивист Дональд А. Норман использовал его в контексте взаимодействия человека и технического устройства, имея в виду воспринимаемые, зависящие от интерпретатора, а не присущие объектам свойства. Современное представление об аффордансах, ориентированное на взаимодействие пользователя и технологии, предполагает, что аф-

форданс — это интерпретационные отношения между пользователями и технологией, возникающие во время взаимодействия пользователей с технологией в среде обитания (Vyas, Chisalita, van der Veer, 2006), даже если эта среда виртуальна. А поскольку «любой элемент интерфейса обладает аффордансом, независимо от того, осознаем мы это или нет» (Лайкова, Логачева, 2016, с. 749), любой элемент виртуальной реальности, воспринимаемый нами как элемент интерфейса, в такой же степени является носителем аффордансов.

Аффордансы позволяют использовать объекты, в том числе и элементы интерфейса, интуитивно, без предварительного обучения, семантически подсказывая, для чего они предназначены. В широком смысле аффорданс — это свойство знаков сообщать о возможностях, предоставляемых пользователю объектами, которые они обозначают, посредством их интерпретант («interperant» следует отличать от «интерпретатора»). Если интерпретанта иконки-корзины на рабочем столе компьютера — место для ненужного мусора, уничтожитель файлов, то человек использует эту возможность при необходимости, не теряя времени на изучение деталей процесса. Нельзя не обратить внимание и на то, что с развитием медиатехнологий и их проникновением в социокультурную среду, аффордансы становятся не только технологическим, но и культурологическим объектом. Западные исследователи во все большей степени понимают, что культурный аспект аффордансов был недооценен и должен быть включен в теорию аффордансов, что требует определения культурных аффордансов, которое объединит исследования культуры и исследования социальных медиа (Sun, Suthers, 2021). Так, в проекте «Нюрнберг: VRдикт народов», такого рода знаками-возможностями становятся документы Нюрнбергского процесса, выполняющие роль и культурологического объекта (документа истории), и портала (аффорданса) в ответвлении сюжетной линии нарратива.

Следует отметить, что проекты RIA.Lab в целом ограниченно предоставляют потребителю диапазон аффордансов, что отчасти снижает их иммерсивный эффект. Визуальные компоненты семиотической системы виртуального повествования в рассматриваемых проектах зачастую играют роль ложных (имеющих иную функцию) либо негативных (не имеющих функции) аффордансов. При этом интерпретация их в качестве «неработающих», нефункциональных или дисфункциональных, тем не менее, требует от пользователя практического опыта, проб, взаимодействия, которые не приводят к ожидаемому результату. Предметы и объекты, узнаваемые визуально, либо не активны (их нельзя взять, переместить или совершить с ними иные ожидаемые действия), либо несут исключительно декоративную функцию в игровом пространстве. Следует предположить, что подобная практика характерна для медийных VR-проектов, поскольку они более функциональны и прагматичны, нежели компьютерные игры, и имеют более ограниченный бюджет. Удачным примером реализации свободы коммуникаций с миром VR можно считать иммерсивный проект Лувра *Mona Lisa: Beyond the Glass*, в котором ход повествования о знаменитом полотне Леонарда да Винчи и

его формат (вплоть до виртуальных диалогов с виртуальной Моной Лизой) полностью зависят от выбора потребителя.

Заключение

Проекты RIA.Lab следуют современной практике создания иммерсивных произведений для массовой коммуникации с достаточно большим охватом аудитории, отчасти используя международный опыт VR, отчасти вырабатывая собственную стилистику виртуального нарратива. Содержательной особенностью виртуального контента платформы является необходимость воссоздавать в VR не только существующие объекты, но и моделировать прошлое, будущее и гипотетическое. Именно это является основанием выбора виртуальной реальности как средства реализации авторского замысла, где необходимо соблюдать баланс между моделированием и симуляцией. Это достигается за счет использования полимодальной структуры, в которой традиционное линейное повествование структурирует нелинейность сюжета. Иммерсивные нарративы RIA.Lab реализуют наиболее прагматически эффективные аспекты виртуальной реальности — визуальность, мультимодальность, интерактивность и нелинейность структуры. Монтируя виртуальные семиотические элементы с реальным, авторы избегают потери или искажения смысла, доносят до аудитории сложные социокультурные послы, которые трудно или невозможно представить в других медиаформатах. В иммерсивных проектах RIA.Lab реализуется принцип автономно развивающегося повествования, структура которого нелинейна, но полностью зависит от замысла авторов. Элементы интерактивности в проектах RIA.Lab реализуются в качестве средства увеличения степени «включенности» в атмосферу и процесс восприятия смыслов.

Библиографический список

- Бодрийяр Ж.* Общество потребления / пер. с фр. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
- Дзялошинский И.М.* Цифровые коммуникационные сервисы в эпоху формирования искусственного интеллекта // Журналист. Социальные коммуникации. 2021. Т. 41. № 1. С. 11–33.
- Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М., Цынарева Н.А.* Иммерсивная журналистика: подходы к теории и проблемам образования // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. № 1. С. 166–172.
- Захарова С.В.* Виртуальная реальность в смыслах и значениях языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. С. 7–11.
- Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Political science (RU). 2016. № 3. С. 77–100.
- Лайкова А.А., Логачева А.С.* Аффорданс в веб-интерфейсе // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т. 2. № 12. С. 748–750.
- Мадриану М., Миллер Д.* Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении // Мониторинг общественного мнения: эко-

номические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334–356. <https://doi.org/10.14515/monitoring>. 2018.1.17.

Новикова А.А., Кирия И.В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 276–288. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.210>.

Пензина А.И., Пархитько Н.П. Анализ концепции Жана Бодрийера в формировании гипер- и виртуальной реальности в СМИ // Социология. 2019. № 1. С. 78–81.

Самойлова Е.О., Шаев Ю.М. Компьютерные игры как виртуальный нарратив // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 64. № 2. С. 171–173.

Уткин А., Покровская Н. Белое зеркало: учебник по интерактивному сторителлингу в кино, VR и иммерсивном театре. М.: Альпина Паблицер, 2020. 236 с.

Шутенко Ю.О. «Новостные игры» как феномен журналистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 350–356.

Юл Й. Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 61–78.

Buerkle R. Of worlds and avatars: a playercentric approach to videogames: Dissertation. University of Southern California Digital Library, 2008. 467 p.

Cowger T., Tritz J. (2021). Narrative Analysis Research: A Tool for Extension Educators // The Journal of Extension. Vol. 57. No. 6. URL: <https://tigerprints.clemson.edu/joe/vol57/iss6/1> (accessed: 25.01.2022).

Juul J. Games Telling Stories? A Brief Note on Games and Naratives. LOGOS Philosophical and Literary Journal. 2015. Vol. 25(1–103). P. 61–78.

Sun Y., Suthers D. Cultural Affordances and Social Media // Proceedings of the 54th Hawaii International Conference on System Sciences. January 2021. P. 3017–3026.

Uskali T., Gynnild A., Jones S., Sirkkunen E. Immersive Journalism as Storytelling. Ethics, Production, and Design London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021.

Vyas D., Chisalita C., Gerrit C. van der Veer. Affordance in Interaction // Proceedings of the 13th European Conference on Cognitive Ergonomics. 2006. P. 92–99. <https://doi.org/10.1145/1274892.1274907>.

References

Baudrillard, J. (2017). *Simulacra and simulations*. Translated from French. Moscow: POSTUM Publishing House. (In Russ.)

Baudrillard, J. (2020). *The Consumer Society*. Translated from the French. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)

Buerkle, R. (2008). *Of worlds and avatars: a playercentric approach to videogames*. (Dissertation). University of Southern California Digital Library. Retrieved from <https://digitallibrary.usc.edu/asset-management/2A3BF1FCF2QV>

Cowger, T., & Tritz, J. (2021). Narrative Analysis Research: A Tool for Extension Educators. *The Journal of Extension*, 57(6), article 1. Retrieved from <https://tigerprints.clemson.edu/joe/vol57/iss6/1>

Dzyaloshinsky, I.M. (2021). Digital communication services in the era of the formation of artificial intelligence. *Journalist. Social communications*, 41(1), 11–33. (In Russ.)

Juul, J. (2015). Games Telling Stories? A Brief Note on Games and Naratives. *LOGOS Philosophical and Literary Journal*, 25(1–103), 61–78.

Kress, G. (2016). Social semiotics and the challenges of multimodality. *Political science RU*, (3), 77–100. (In Russ.)

- Laikova, A.A., & Logacheva, A.S. (2016). Affordance in web interface. *Actual problems of aviation and astronautics*, 2(12), 748–750. (In Russ.)
- Madianou, M., & Miller, D. (2018). Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 143(1), 334–356. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>
- Novikova, A.A., & Kiriya, I.V. (2018). Aesthetics of immersion: Creativity of the journalist in multimedia and transmedia projects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 15(2), 276–288. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.210>.
- Penzina, A.I., & Parkhitko, N.P. (2019). Analysis of the concept of Jean Baudrillard in the formation of hyper- and virtual reality in the media. *Sociology*, (1), 178–181. (In Russ.)
- Samoilova, E.O., & Shaev, Y.M. (2016). Computer games as a virtual narrative. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 64(2), 171–173. (In Russ.)
- Shitenko, J.O. (2015). Newsgames as a new phenomenon of journalism. *Bulletin of Chelyabinsk State University, 360(5). Philology. Art History*, 94, 350–356. (In Russ.)
- Sun, Y., & Suthers, D. (2021). Cultural Affordances and Social Media. *Proceedings of the 54th Hawaii International Conference on System Sciences*, 3017–3026.
- Uskali, T., Gynnild, A., Jones, S., & Sirkkunen, E. (2021). *Immersive Journalism as Storytelling. Ethics, Production, and Design*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Utkin, A., & Pokrovskaya, N. (2020). *White Mirror: A textbook on interactive storytelling in cinema, VR and immersive theater*. Moscow: Alpina Publ. (In Russ.)
- Vyas, D., Chisalita, C., & Van der Veer, G.C. (2006). Affordance in Interaction. *Proceedings of the 13th European Conference on Cognitive Ergonomics*, 92–99. <https://doi.org/10.1145/1274892.1274907>.
- Zakharova, S.V. (2009). Virtual reality in the senses and meanings of language. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*, 13(29), 5–11. (In Russ.)
- Zamkov, A.V., Krashennnikova, M.A., Lukina, M.M., & Tsynareva, N.A. (2017). Immersive journalism: approaches to theory and problems of education. *Modern Information Technologies and IT-Education*, 13(1), 166–172. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Самарцев Олег Робертович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Ульяновский государственный университет. ORCID ID: 0000-0003-1236-4410; e-mail: olegssamar@rambler.ru

Латенкова Вера Михайловна, кандидат филологических наук, ученый секретарь, Академия медиаиндустрии. ORCID ID: 0000-0003-2488-4712; e-mail: latenkova@gmail.com

Слепцов Николай Андреевич, аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов. ORCID ID: 0000-0002-3447-8008; e-mail: nicksleptsov@gmail.com

Bio notes:

Oleg R. Samartsev, Doctor of Philological Sciences, Professor of Journalism Department, Ulyanovsk State University. ORCID ID: 0000-0003-1236-4410; e-mail: olegssamar@rambler.ru

Vera M. Latenkova, Candidate of Philological Sciences, Scientific Secretary, Media Industry Academy. ORCID ID: 0000-0003-2488-4712; e-mail: latenkova@gmail.com

Nikolai A. Sleptsov, Post-Graduate Student, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia. ORCID ID: 0000-0002-3447-8008; e-mail: nicksleptsov@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-425-435

UDC 0.70

Research article / Научная статья

Verbal Claim vs. Actual Usage of Social Media: A Case Study of Indians Aged 50 Years and Above

D. Prachi¹, Chandrakant P. Singh¹, Irina I. Volkova²

¹University School of Mass Communication,
Guru Gobind Singh Indraprastha University,
Sector-16 C, Dwarka, New Delhi-110078, India

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

 prachi2100@gmail.com

Abstract. Studies have revealed how millennials use social networking sites (SNS) but users aged 50 years and above have not been studied by SNS researchers in India. This paper attempts to study the verbal claim and actual content created by Indians' aged 50 years and above on Facebook (Facebook, hereafter referred to as the "Social Media" or "SM", is restricted by the Russian media regulator Roskomnadzor) using a comparative research design. The study was carried out by selecting one hundred profiles of Monthly Active Users (MAU) of Social Media (SM) qualifying the age criteria. Empirical evidence for comparison was drawn by conducting: a. guided telephonic interview to know MAU's claimed SM usage and b. quantitative content analysis to identify MAU's actual SM activity. The results show that the participant's claims of their SM activity do not support their actual usage of the platform. The variables studied and compared include the 'source', 'context' and 'features used' to write the content. Conclusions reveal the dilemmas and SNS usage related preferences of older age groups in India. The study highlights the need and scope for training the older generation(s) about using SNS. Such vocational training would help them conveniently adopt and use networked technologies for communication and recreational purposes.

Keywords: social networking, social media, older generation, comparative research, telephonic interview, India

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: June 28, 2021; revised: November 21, 2021; accepted: December 31, 2021.

For citation: Prachi, D., Singh, Ch.P., & Volkova, I.I. (2022). Verbal claim vs. actual usage of Social Media: A case study of Indians aged 50 years and above. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 425–435. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-425-435>

Устное заявление против фактического использования социальных сетей индийцами старше 50 лет

Д. Прачи¹✉, Ч.П. Сингх¹, И.И. Волкова²

¹ Университетская школа массовых коммуникаций,
Гуру Гобинд Сингх Индрапратха Университет,
Индия, Нью-Дели-110078, Сектор-16 С, Дварка

² Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
✉ prachi2100@gmail.com

Аннотация. Во многих научных статьях было показано, каким образом миллениалы пользуются социальными медиа, однако категория пользователей в возрасте 50 лет и старше пока практически не изучена исследователями. Предпринимается попытка выявить источники и материалы, созданные индийцами в возрасте 50 лет и старше в Facebook (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) на основе сравнительного анализа. Исследование было проведено путем отбора ста профилей ежемесячно активных пользователей данной социальной сети, соответствующих возрастным критериям. Эмпирические данные для сопоставления были собраны двумя способами: телефонное интервью для получения данных об использовании изучаемого ресурса наиболее активными пользователями; количественный контент-анализ для определения фактической деятельности наиболее активных пользователей сети, соответствующих возрастному критерию. Результаты показывают, что заявления участников об их активности в изучаемой социальной сети не подкрепляются их фактическим обращением к платформе. Рассматриваемые и сравниваемые переменные включают в себя «источник», «контекст» и «функции», используемые при создании контента. Выводы раскрывают дилеммы и предпочтения старших возрастных групп в Индии, связанные с использованием социальных сетей. Исследование подчеркивает необходимость и возможность обучения старшего поколения пользованию социальными сетями. Подобная профессиональная подготовка помогла бы им комфортно адаптироваться и использовать сетевые технологии в коммуникационных и развлекательных целях.

Ключевые слова: социальные сети, старшее поколение, сравнительное исследование, телефонное интервью, Индия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 28 июня 2021 г.; откорректирована — 21 ноября 2021 г.; принята к публикации — 31 декабря 2021 г.

Для цитирования: *Prachi D., Singh Ch.P., Volkova I.I. Verbal claim vs. actual usage of Social Media: A case study of Indians aged 50 years and above // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 425–435. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-425-435>*

Introduction

Many studies on social networking sites (SNS) have emerged highlighting usage patterns of millennials but have ignored the older generations or have clustered them under a single wider age bracket e.g., 35 years and above (We Are Social; Hootsuite, 2020). As per population statistics of the year 2020, nineteen per cent of the total Indian population i.e., 267.5 million Indians are estimated to be aged 50 years and above (World Population Prospects: The 2017 Revision, 2017). Also, because the average retirement age in the country is 58-60 years (Times News Network, 2018), it means that an Indian aged 50 years must be at the peak of his career and planning his post-retirement life. It also justifies them as a reservoir of skills and knowledge because of their wide range of experience.

Oddly, in India these individuals are an untapped human resource, not being adequately utilized to fill the gap in skills or knowledge required by the subsequent generations (Tarkar & Dhamija, 2020). There may be a lot of reasons for it, but SNS like SM allow to increase networking opportunities. It makes creating new connections and retaining the older ones much more convenient (Sinclair & Grieve, 2017). Also, such online connectivity can do eliminate their feeling of loneliness which is heightened by lack of social interaction and poor health condition (Agewell, 2017). Various tools and features of SM can be extremely beneficial for them to be in touch with their network of friends, colleagues, family members and acquaintances. It also allows them to keep up with the social lives of their kids and grandchildren (Sweney, 2018).

Considering their willingness to be digitally literate, the study conducted on Indians aged 60 years or more revealed that 53.21% of participants strongly felt the need for computer training and 52.60% ranked social interaction as its top-most benefit (Agewell, 2017). In India their role as opinion leaders and decision-makers of various community groups and social institutions (Chadha, 1995) has always been pivotal. Therefore, SNS can boost sharing their views, knowledge and concerns with public, but very little is known about creation of online content by them and familiarity with such platforms (Sinclair & Grieve, 2017). It has been proven that rise in technology and digital media penetration makes these individuals opt for SNS to connect with broader audience (McLachlan, 2021).

According to 2018 reports, SM's monthly active user¹ (MAU) base in India comprised 19% of the total Indian population and 4% out of these users were aged 50 years and above (Digital in 2018..., 2018). While now after two years the

¹ In web metrics, the total number of unique visitors to a website (<https://facebook.com>, in this case) in a month is referred to as monthly active users (MAU) (Chandler, Munday, 2016)

MAU base has widened to 28.9% of the total Indian population i.e., 410 million and almost 9–10% of these users i.e., approximately 38.9 million are aged 50 years and above (Napolean Sp., 2021). The almost doubled-up size strongly suggests the need of exploring the SNS usage of these individuals.

Participation of seniors on SM is also becoming a global trend, even if their population is smaller in size, but they flock to SM more than any other SNS (Pew Research Center, 2021). This makes it even more important to identify their perception and usage of SM, which is what this research attempts to explore.

The study identifies and compares their perception of using the SNS platform (i.e., SM) with their actual online activity on it. The comparison explains their apprehensions, understanding and purpose of using SNS. It also suggests their preference of a. SNS features, b. context and c. sources they would opt for writing a post². The conclusions reveal the gap between their perception and actual usage of the platform while highlighting their need to be proficient in using the same. The results reveal that their SM posts can transform not only their lives but also their connections residing within and beyond India.

Conceptual Framework. The study to understand SNS preferences and usage of Indians aged 50 years and above was exploratory in nature. It was carried out using comparative research. The design enabled measuring and comparing verbal claims of the selected SNS users (i.e., their perception of SM activity) with their actual usage of the platform.

Platform Selection. The Global Digital Report 2020 (We Are Social; Hootsuite, 2020, p. 95) served as the basis to select the platform. The report highlighted ‘SM’ as the world’s most used social media platform with 2,449 million MAUs. The country-specific section indicated that SM was the most used SNS platform in India. Also, the website, i.e., facebook.com, invited the maximum average monthly traffic (Similarweb, 2020) in the social media category in India as of January 2020. Hence, SM was chosen from the available SNS platforms to carry out the analysis.

Participants. A combination of two sampling techniques i.e., convenience and snowball sampling were used to select a total of 100 participants (N = 100). The qualification criteria for the participant were: a. aged 50 years or above as of January 1, 2021, and b. MAU of SM. Keeping in view SM’s content privacy policy, the researchers could only reach out to their SM friends³ for research. Hence, the first 50 participants were selected from the researcher’s SM friend-list, who successfully met the eligibility criteria. These selected participants were then asked to recommend another participant from their respective SM friend-list. Thus, the next 50 participants comprised a snowballed sample.

² A single entry published online in a blog, forum, or social networking website. It is typically possible for others to like, comment on, or share such posts, though such options may be restricted by the person who posted the item (Chandler, Munday, 2016).

³ On a social networking site, friends refer to “the people linked to a user’s profile as part of his network of contacts” (Chandler, Munday, 2016).

Procedure. Two following methods were adopted to gather data from each participant:

Telephonic Interview. A telephonic interview was carried out to gather verbal claims about the recent five SM posts made by the participants. It was conducted using the guide. The data was based on three measures: a. *source of content*, b. *context of content* and c. *create post features* (refer **Measures** for details) with each having five discrete categories seeking participant's response. A 6-point Non-Likert Scale (0–5) with *never* (0), *rarely* (1), *sometimes* (2), *many times* (3), *most of the times* (4) and *always* (5) as the options was used to identify participant's perceived preferences. The researchers also sought a permission from each participant to access their SM profile⁴ to carry out a quantitative analysis as the second step of their data collection.

Quantitative Content Analysis. In order to find and collect data about the participant's actual SM activity, the researcher sought permission from each participant to access their respective SM posts. The content of the selected posts was quantitatively analysed against three measures: a. *source of content*, b. *context of content*, and c. *create post features*. It is important to note that none of the participants denied permission meaning N = 100 and Missing Values = None. To minimize the chances of duplication caused by SM's infinite scroll⁵, it was decided that only first five posts appearing on each participant's wall will be utilised for the analysis. Hence, a total of 500 posts (i.e., 100 participants*5 posts = 500 posts) were used in the analysis carried out using the frequency count ranging from 0–6 ordinal numbers for each of the created codes.

Measures. The researchers identified three areas of concern to understand the content posting⁶ patterns of the participants. Frequency count of these areas could act as a measure to know content related preferences of these individuals. A comparison of the values measured through verbal claims and participant's actual activity further helped predict how well-versed were these participants with the selected SNS features. The three measures undertaken are as follows:

Source of Content. The source of the content posted on SM by the participants was identified using 5 discrete categories: *self-authored*, *friend-authored*, *advertised*, *outsourced*, and *other* content. *Self-authored* content referred to the content posted directly by the participant, whereas *friend-authored* meant the content shared by the participant from his or her SM friend's wall (Scott, 2014). Sponsored content includes posts from SM business page owners trying to increase their post reach among SM users for a fee. Such posts are clearly labelled as 'sponsored' by SM (Chandler & Munday, A Dictionary of

⁴ The information that a user provides about themselves when setting up a social networking account (Chandler, Munday, 2016).

⁵ Infinite scrolling is a web-design technique that loads content continuously as the user scrolls down the page, eliminating the need for pagination (Scott, 2014).

⁶ Publishing a message, link, or other content online in a blog, forum, or social networking site (Chandler, Munday, 2016).

Social Media, 2016). Posts with links to webpages not hosted by SM (banned in the RF) were counted as *outsourced* content, and those that did not qualify as any of the categories mentioned above were included under the *other* category.

Context of Content. The context was studied by classifying posts made by the participants in another 5 distinguished categories, i.e., *news-related*, *personal*, *entertainment*, *promotional* and *motivational*. The posts containing information like recent political happenings, national & policy-related issues, and events were categorised as *news-related*; while those having content related to participants' individual lives, thoughts, and family-related events were considered as *personal*. The posts with memes, cartoons, songs, poems, stand-up comedy videos or any such content inciting humour were identified as *entertainment*. Call for action⁷ posts were categorised as *promotional*, and those inciting feelings of self-belief, inspiration and dedication towards life or career were included under the *motivational* category.

'Create post' Features. A total of five features included in the '**create post**'⁸ dialog-box were selected, namely, *background formatting*, *add photo or video*, *tag a friend*, *feeling or activity* and *tag a location*. It helped study the participant's familiarity with features related to writing a post. The criterion for selection of these features was based upon their first appearance clockwise on clicking '**what's on your mind**' (or '**create post**') dialog box. After seeking a verbal response of the frequency of using each of the selected features in the telephonic interview, the actual usage of the feature was checked using quantitative analysis of their posts.

Data Analysis. Since the study doesn't account for the nature of frequency distribution, non-parametric test was used for analysis. Mean and median values were calculated for all the categories of the three measures (namely, *source*, *context*, and '*create post*' features).

The mean values denoted as $[\mu_{\text{verbal}}]$ represent those gathered through telephonic interviews, while $[\mu_{\text{actual}}]$ represent the mean calculated by quantitative data analysis. The values were then compared to confirm if $[\mu_{\text{verbal}}] = [\mu_{\text{actual}}]$ as the study involves a related sample.

On the other hand, while analyzing the ordinal data, median values ensured zero-effect of extreme scores or skewness in frequency distribution (Field, Center of a Frequency Distribution, 2009). The analysis was carried out using the related sample sign test with $[\mu_{\text{verbal}}]$ as reference value, p-value = 0.05 at 95% confidence interval (Field, Non-Parametric Tests, 2009). Z-values were indicative of under or

⁷ The post inviting viewers to like, comment, share, subscribe, click or take any sort of action (for example making purchase, rating the product, giving feedback) (Chandler, Munday, 2020).

⁸ The writing space that becomes available to a SM user on clicking the box reading 'write a post' or 'what's on your mind?' It is also referred to as 'status-writing' or 'what's on your mind' dialog box by the users, who share a brief social update or post on SM directed to their SM contacts (Chandler, Munday, 2016).

overestimation of verbal claims in comparison with actual activity of these participants. A negative z-value suggested that verbally the participants over-claimed (i.e., claimed too much or exaggerated) their frequency of using that particular category whereas, a positive z-value reflected an under-claim (i.e., claiming an insufficient amount) about the same. The gaps were further analyzed for implications and recommendations about enhancing the SNS experience of such users. The analysis also resulted in highlighting key factors that must be taken care of while enabling these individuals to optimally utilize the vast set of features offered by such sites.

Results. The related-sample sign tests were conducted for each of the five categories of the three measures (refer **Measures** under the **Methods** section) to determine the statistical significance of participants' verbal claims compared to their actual usage. The results of the fifteen paired-sample sign tests (as mentioned in **Table-1**) suggest:

a) **source of the content:** Participant's verbal claims about *self-authored*, *friend authored*, *advertised*, *outsourced*, and *other* contents are significantly different ($p < 0.5$) from the source used for writing their actual posts. The median verbal claims were higher or equal to the median of actual usage for *friend authored*, *advertised*, *outsourced* and *other* content. Simultaneously, a lower median value of the verbal claims for *self-authored* posts than its corresponding median for actual usage justifies the lesser negative value of the z-statistic;

b) **context of the content:** Participant's verbal claims about all five categories, i.e., *news*, *personal*, *entertainment*, *promotional* and, *motivational*, differ significantly ($p < 0.5$) from the actual context of their SM posts. The median value of the verbal claims for each category was also found to be lesser than its corresponding median value for actual usage. A lower negative value of z-statistic for *personal* and *motivational* categories indicates that the verbal claims were close to the actual usage of the two contexts;

c) **features used while posting:** Participant's verbal claims for four categories, namely, *tag a friend*, *tag a location*, *feeling or activity* and, *background formatting*, are significantly different from their actual usage of these features in their SM posts. While the feature titled *add a photo or video* showed no statistically significant difference ($p > 0.5$) from the verbal claims made by the participant. This further means that the difference of median values calculated for verbal claims and actual usage of *add a photo or video* is zero.

Discussion. The related sample comparison about source of content suggested that despite self-authoring most of their SM (banned in the RF) posts, the participants didn't verbally acknowledge themselves (i.e., self-authored content) for writing the posts. A higher negative value of z-statistic for friend-authored content confirmed that their verbal claim about sharing the posts authored by their SM friend was an absolute exaggeration. The only source of content that the participants foretold accurately was the advertised posts. It also confirmed that the participants were not just able to identify the advertised content but also possessed a heightened sense of awareness towards sharing the same on their wall.

Table 1

**Results of related sample sign tests (N = 100) for the categories of:
a. Source of Content, b. Context of Content and c. Create Post Features**

Variable	Verbal Claim			Actual Usage			Z-value	Exact p-value (2-tailed)	Significance
	μ_{verbal}	SD	Median (50 th)	μ_{actual}	SD	Median (50 th)			
<i>Self-Authored</i>	1.92	1.24	2.0	2.72	1.86	3.0	-2.17	0.02*	p < 0.05
<i>Friend Authored</i>	2.11	1.25	2.0	0.15	0.50	0.01	-9.11	0.001*	p < 0.05
<i>Advertised</i>	1.50	1.14	1.0	1.36	1.64	1.0	-1.45	0.13*	p < 0.05
<i>Outsourced</i>	1.30	1.25	1.0	0.30	0.85	0.01	-6.68	0.001*	p < 0.05
<i>Other</i>	0.55	0.64	0.01	0.47	1.35	0.01	-4.02	0.001*	p < 0.05
<i>News</i>	2.74	1.15	3.0	0.56	1.03	0.01	-8.12	0.001*	p < 0.05
<i>Personal</i>	2.99	1.07	3.0	2.01	1.72	2.0	-4.28	0.001*	p < 0.05
<i>Entertainment</i>	3.10	1.02	3.0	0.87	1.06	1.0	-9.33	0.001*	p < 0.05
<i>Promotional</i>	3.00	0.99	3.0	0.11	0.34	0.01	-9.70	0.001*	p < 0.05
<i>Motivational</i>	2.72	1.01	3.0	1.45	1.41	1.0	-5.52	0.001*	p < 0.05
<i>Photo / Video</i>	2.84	1.11	3.0	2.67	1.85	3.0	0.00	1.00	p > 0.5
<i>Tag a Friend</i>	3.15	1.00	3.0	0.48	1.02	0.01	-8.82	0.001*	p < 0.05
<i>Tag Location</i>	3.24	1.09	3.0	0.22	0.74	0.01	-9.54	0.001*	p < 0.05
<i>Feeling / Activity</i>	3.37	1.16	3.0	0.15	0.57	0.01	-9.99	0.001*	p < 0.05
<i>Background Formatting</i>	3.85	1.10	4.0	0.11	0.46	0.01	-9.84	0.001*	p < 0.05

μ_{verbal} = Mean Value of verbal claims, μ_{actual} = Mean Value of actual claims, SD = Standard Deviation, Confidence Interval = 0.95

Significance is calculated using exact p-values for the 2-tailed test.

*Statistically significant difference.

The values above are calculated using IBM SPSS Statistics 21 software.

Discussion. The related sample comparison about source of content suggested that despite self-authoring most of their SM posts, the participants didn't verbally acknowledge themselves (i.e., self-authored content) for writing the posts. A higher negative value of z-statistic for friend-authored content confirmed that their verbal claim about sharing the posts authored by their SM friend was an absolute exaggeration. The only source of content that the participants foretold accurately was the advertised posts. It also confirmed that the participants were not just able to identify the advertised content but also possessed a heightened sense of awareness towards sharing the same on their wall.

In terms of the context of content, their claims for every category exceeded the actual activity. Except for personal content marginally exceeding the claim, the rest four categories, i.e., motivational, entertainment, news and promotional, were less opted for creating SM posts. Motivational content ranked second after personal content in terms of both their claims and the actual activity. The findings related to personal and motivational content reinstate the 5-stage 'Hierarchy of

Needs' model (Maslow, 2013) by suggesting that self-actualization follows the fulfilment of esteem related needs.

For all the categories of the *source* and *context* of the participants' SM posts, it was found that $\mu_{\text{verbal}} \neq \mu_{\text{actual}}$. The participants without acknowledging themselves as authors of their posts, believed that they share their friend's content on their wall. In contrast, the study showed how frequently the participants are creating their personalized content. It confirmed the idea of 'too many comparisons' (Mukherjee, 2018) because the participants either felt inadequate or were ignorant towards their own interactive skills. They further believed that their online friends shared more or better content as opposed to themselves. Regarding *context*, they were unable to differentiate news from promotional and entertainment content. This may have serious implications for the news industry. Their understanding of motivational content also appeared unclear.

Regarding the *create post features*, except for adding photos and videos, the participants showed reluctance to use the features despite claiming otherwise. It suggests that the participants could easily recognize most of the features yet refrained from using them.

Limitation and further research. Restricting the telephonic interview to abide by the schedule strictly caused a lot of time constraint. Seeking written permissions to access and review the participants' SM posts caused delays; hence, it was sought over the phone. The feature of infinite scrolling on SM caused the user data to reload multiple times while culling out participant's posts. The researcher included individuals with a diverse range of professions, including pensioners, retirees, working individuals, homemakers and ad hoc employees, to rule out the effect of their work culture on the context of content shared by them.

Further enquiry on this subject could be designing a comprehensive awareness or guidance program helping elderlies to optimally use SNS. It would also be advisable to see what are the privacy concerns of these individuals. A pre-and post-program comparison could be conducted to see and improve the efficacy of such drives. It would also indicate how Indian policymakers can involve these individuals to meet the Digital India initiative's goal of 'universal digital literacy' (Ministry of Electronics and Information Technology, 2019) and utilise their seemingly effective SM networks to achieve the same.

Conclusion. On combining the outcomes of studying the content's source, context and features used, Indians aged 50 years and above emerge as the new league of content creators because most of the content shared by them is self-authored, and contextually it is either personal or motivational. Further, adding photos and videos to most of their posts promises their content to be engaging. It further signifies them as potential social media influencers with ample real-life experiences to learn from and share.

The study strongly recommends an awareness drive to better equip such individuals with social media tools and features. The guidance must include privacy issues to boost their confidence in owning and safeguarding their social media content. A comprehensive digital awareness and computer training program

must be created to cater to their social networking requirements (Embedding Technology to Embed Skills, n.d.). Also, their actual usage of the platform can act as a guide for Information Technology (IT) professionals, designing a simpler and easy to adapt user interface (UI) for all age groups.

References

- Agewell. (2017). *Changing needs and rights of older people in India: A review*. Agewell Foundation, 1–48.
- Chadha, N. (1995). Intergenerational Relationships: An Indian Perspective. Retrieved from <https://www.un.org/esa/socdev/family/docs/egm12/CHADHA-PAPER.pdf>
- Chandler, D., & Munday, R. (2016). *A Dictionary of Social Media*. (First). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acref/9780191803093.001.0001>
- Chandler, D., & Munday, R. (2020). *A Dictionary of Media and Communication*. (Third). Oxford University Press.
- Digital in 2018: Essential Insights into Internet, Social Media, Mobile and E-Commerce Use around the World*. We are Social, Hootsuite. Retrieved from <https://digitalreport.wearesocial.com/>
- Embedding Technology to Embed Skills*. (n.d.). Retrieved from <https://digitalllearning.eletsonline.com/2014/10/embedding-technology-to-embed-skills/>
- Field, A. (2009). Center of a Frequency Distribution. In A. Field, *Discovering Statistics using SPSS* (pp. 21–23). London: Sage Publications Ltd.
- Field, A. (2009). Non-Parametric Tests. In A. Field, *Discovering Statistics using SPSS* (pp. 552–559). London: Sage Publications Ltd.
- Loranger, H. (2014, February). *Infinite Scrolling is not for every website*. Retrieved from <https://www.nngroup.com/articles/infinite-scrolling/#:~:text=Infinite%20scrolling%20is%20a%20web,you%20should%20do%20it%20too>.
- Maslow, A.H. (2013). *Towards a Psychology of Being*. Start Publishing LLC.
- McLachlan, S. (2021, January 20). *27 Facebook Demographics to Inform your Strategy in 2021*. Retrieved from <https://www.indianadscompany.com/27-facebook-demographics-to-inform-your-strategy-in-2021/>
- Merriam-Webster. (2021, May 25). *Dictionary*. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/overclaim>
- Ministry of Electronics and Information Technology, G. o. (2019, March 13). *About Digital India*. Retrieved from <https://digitalindia.gov.in/content/vision-and-vision-areas>
- Mukherjee, A. (2018). Too Many Comparisons. In A. Mukherjee, *The Internet Trap: Five Costs of Living Online* (pp. 55–67). Toronto: University of Toronto Press.
- Napoleon, Sp. (2021, May). *Facebook Users in India*. Retrieved from <https://napoleoncat.com/stats/facebook-users-in-india/2021/05>
- Pew Research Center. (2021, April). *Social Media Fact Sheet*. Retrieved from Pew Research Center: <https://www.pewresearch.org/internet/fact-sheet/social-media/>
- Scott, G.G. (2014). More Than Friends: Popularity on Facebook and its Role in Impression Formation. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 19(3), 358–372. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12067>
- Similarweb. (2020). *State of Digital Report 2020*. New York: Similarweb.
- Sinclair, T., & Grieve, R. (2017). Facebook as a source of social connectedness in older adults. *Computers in Human Behavior*, 66. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.10.003>
- Sweney, M. (2018, February). *Is Facebook for Old People? Over 55s Flock In as the Young Leave*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/12/is-facebook-for-old-people-over-55s-flock-in-as-the-young-leave>

Tarkar, P., & Dhamija, S. (2020). The influence of perceived social support on quality of life and intention towards work after retirement. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 9(2), 3520–3524.

Times News Network. (2018, April 25). *At 58, retirement age in India is one of the lowest worldwide*, Online. Retrieved March 15, 2019, from <https://timesofindia.indiatimes.com/world/at-58-retirement-age-in-india-is-one-of-the-lowest/articleshow/63905499.cms>

We Are Social; Hootsuite. (2020). *Digital 2020 Global Digital Overview*. Retrieved August 25, 2020, from <https://wearesocial.com/digital-2020>

Wikitionary. (2017, January 30). *Underclaim*. Retrieved May 10, 2021, from Wikitionary-the Free Dictionary: <https://en.wiktionary.org/wiki/underclaim>

World Population Prospects: The 2017 Revision. (2017). Population Division, Department of Economic and Social Affairs. United Nations. Retrieved March 15, 2019, from https://population.un.org/wpp/publications/files/wpp2017_keyfindings.pdf

Bio notes:

Prachi, PhD Scholar, University School of Mass Communication, Guru Gobind Singh Indraprastha University (India). ORCID ID: 0000-0003-3487-434X; e-mail: prachi2100@gmail.com

Chandrakant P. Singh, Professor, University School of Mass Communication, Guru Gobind Singh Indraprastha University (India), UNESCO Consultant on Model Journalism Curriculum in South Asia. ORCID ID: 0000-0002-9635-6882; e-mail: cpsinghji@gmail.com

Irina I. Volkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID ID: 0000-0002-2693-1204; e-mail: volkova-ii@rudn.ru

Сведения об авторах:

Прачи, аспирант Университетской школы массовых коммуникаций Университета Гуру Гобинд Сингха Индрапрастха (Индия). ORCID ID: 0000-0003-3487-434X; e-mail: prachi2100@gmail.com

Сингх Чандракант П., профессор Университетской школы массовых коммуникаций Университета Гуру Гобинд Сингх Индрапрастха (Индия), консультант ЮНЕСКО по модели учебной программы журналистики в Южной Азии. ORCID ID: 0000-0002-9635-6882; e-mail: cpsinghji@gmail.com

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН). ORCID ID: 0000-0002-2693-1204; e-mail: volkova-ii@rudn.ru

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-436-446

UDC 659.4

Research article / Научная статья

America's Union Carbide Corporation and Bhopal Disaster: Study in the Light of Public Relations Before and After the Incidence

Keshav Patel¹✉, Himani Binjola²

¹ *Indira Gandhi National Open University,
Maidan Garhi, New Delhi-110068, India*

² *Graphic Era Hill University,
Road Society Area, Clement Town, Dehradun, Uttarakhand, 248002, India*

✉ keyshavpatel@gmail.com

Abstract. This study tries to understand the Bhopal disaster (aka Bhopal Gas Tragedy) in the light of public relation and the role played by Union Carbide Corporation in the Bhopal disaster which resulted in the death of over 3 000 people and 15 000 were injured during the disaster. This case shocked the entire nation and nobody had ever imagined that an industrial accident could be that deadly and venomous. The researcher is trying to understand the incidence from the perspective of public relations and how Union Carbide played its role in the light of public relations. This study is trying to understand that how Union Carbide would have made a difference to its image if they would have responsibly used public relations for its better international image and social responsibility in India. Bhopal Gas Tragedy was an important case for understanding crisis and this case also highlighted that how PR could have been used for handling the situation and for managing relations with people. This case was the talk of the town as thousands were affected and it was a national casualty. This case raised many issues pertaining to Management and people and it also underlined that improved management could have led to better treatment of the case.

Keywords: public relations, social responsibility, crisis communication, Bhopal Disaster, Union Carbide Corporation

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: September 24, 2021; revised: January 19, 2022; accepted: March 21, 2022

For citation: Patel, K., & Binjola, H. (2022). America's Union Carbide Corporation and Bhopal Disaster: Study in the light of public relations before and after the incidence. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 436–446. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-436-446>

Американская корпорация Union Carbide и катастрофа в Бхопале: PR до и после инцидента

К. Патель¹✉, Х. Бинжола²

¹ *Национальный открытый университет Индиры Ганди, Индия, 110068, Нью-Дели, Майдан Гархи*

² *Университет График Эра Хилл, Индия, 248002, Уттаракханд, Дехрадун, Клемент Таун, Общественная зона, Белл-роуд, 566/6*

✉ keyshavpatel@gmail.com

Аннотация. Сделана попытка понять катастрофу в Бхопале (также известную как Бхопальская газовая трагедия) в контексте связей с общественностью, выявить роль, которую корпорация Union Carbide Corporation сыграла в событиях, когда погибло более 3000 человек, а 15 000 индийцев получили смертельные увечья. Этот случай потряс всю страну, раньше никто представить себе не мог, что промышленная авария может иметь такие последствия, привести к отравлению тысяч людей. Авторы анализируют инцидент с точки зрения антикризисного PR, выявляют действия Union Carbide в период до и после событий. Авторы пытаются ответить на вопрос о том, каким образом корпорация Union Carbide смогла бы сохранить и улучшить международный имидж, ответственно используя технологии связей с общественностью в Индии, следуя политике социальной ответственности. Бхопальская газовая трагедия стала важным событием для понимания кризисных ситуаций и изучения возможностей PR в управлении коммуникациями. Этот случай стал своего рода притчей во языцех: национальная трагедия спровоцировала обсуждение проблемной ситуации в отношениях руководителей и подчиненных, когда оптимизация взаимодействия была необходима, но не задействована.

Ключевые слова: связи с общественностью, социальная ответственность, кризисные коммуникации, Бхопальская катастрофа, Union Carbide Corporation

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 24 сентября 2021 г.; откорректирована — 19 января 2022 г.; принята к публикации — 21 марта 2022 г.

Для цитирования: Patel K., Binjola H. (2022). America's Union Carbide Corporation and Bhopal Disaster: Study in the light of public relations before and after the incidence // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 436–446. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-436-446>

Introduction

A statement that describes public relations to conclude with an ethical decree says that public relations is all about doing ninety per cent good and communicating ten per cent about it. Public Relations is not responsible for glossing over the bad deeds of the organization and should not cover up for the bad deeds of the organization, but it can professionally help the organization to highlight the good deeds done by it.

After the partition, the Independence of India in 1947 and Pakistan brought a new dynamic for free India. There was a complete change in the environment and there were many challenges lined up for new India. The biggest challenge was the resettlement of the migrants and to install confidence in the riot turn country. It was after Independence that based on adult franchise India espoused a socialistic autonomous pattern. Industrial Development Act and Industrial Policy Resolution were brought into accomplishment in free India. These acts deliberated government and business organizations to adopt a conscious policy of public relations and this is how the PR profession took roots in India.

Several multinational companies started exploring their practices in public relations and used these practices for mounting in Independent India. In the '50s and '60s, companies such as Union Carbide, Indian Oxygen, Caltex, IBM, Philips, ITC, Dunlop India, Hindustan Lever departments also began to set up their public relation departments in India.

If we look at the broader picture with the independent structure of India, economic opportunities grew in terms of market, Industries, consumers and choices. Public relation rose in the area of Information Management as the corporates which were untouched with Public Relations realized the importance of perception and image in the eyes of consumers. This gave new prospect for Public Relations in India and these new liberal concepts of Economy gave new openings to the corporates.

Now for understanding Union Carbide and Bhopal disaster, we need to look at the wider picture wherewith a free and liberal economy we had seen that companies were investing in India but challenges and complexities were also waiting for us because of a free market economy.

Importance of PR in Crisis

Possibly no organization in the World have remain untouched from facing a crisis. The decree of crisis may differ from organization to organization, it may differ from a storm in a cup of tea to a tempest in the Pacific Ocean, but no

company can deny crisis (Sachdeva, 2009). Crisis leads to the desolation of the company's corporate image and smashes the well-earned corporate image. The crisis is the acid test of PR where PR has to save the image and standing of the company in every hour of distress. Sometimes company or organization doesn't realize that the crisis which seems to be very small can lead to dangerous consequences and can have an implausible cataclysm.

In this uncertain world, there are times when you have no control over events or happenings and you succumb to the circumstances. It is impossible to predict the unforeseen, and the unexpected can occur at any time.

The Bhopal Gas Tragedy, the largest chemical disaster of its time, was one of the disasters that shook the nation. This disaster claimed thousands of lives as a result of poor communication both before and after the disaster. It was the worst industrial disaster in history, and Union Carbide's public relations were a complete failure. The organization's communication operations were ineffective. As per the American University's Trade Environmental Database Case Studies 1997 (Sachdeva, 2009) the local occupants were not able to comprehend warning messages from the Union Carbide Plant. Operating manuals were printed only in English which was the prime example of mismanagement but suggestive of orderly barriers to information dissemination. Bhopal Gas tragedy elucidates the difficulty in dependably applying management standards to multi-national operations and the blame-shifting that often results from the lack of a clear management plan (Abraham, 1984).

Union Carbide and Bhopal Disaster

Rashida Bee, a survivor of Bhopal Gas Tragedy who lost six family members in the disaster made a very strong remark and communicated her feelings by saying,

"We are not flowers offered at the altar of profit and power. We are dancing flames committed to conquering darkness and to challenging those who threaten the planet and the magic and mystery of life" (Lewis, 2007).

Rashida Bee's statement expresses the pain that Bhopal endured, and while this is a statement made by Rashida Bee, her voice represents every individual who witnessed the Bhopal disaster with their own eyes.

In 1957, the Indian company reorganized and renamed itself Union Carbide India Limited (UCIL). Union Carbide Corporation (UCC) was actively involved in pesticide production and was constantly expanding its pesticide manufacturing capabilities, with production taking place in West Virginia (Tombs, 2011). It was manufacturing sevin (carbaryl) and temik (aldicarb) (ICJB, n.d.). UCC thought India was possibly a strong market for them.

UCC initially advertised itself in National Geographic magazine with a full-page advertisement stating "Science Helps to Build a New India" and also highlighted "Union Carbide Working with Indian Engineers and Technicians" (Tombs, 2011). Union Carbide Corporation for expanding itself opened its new

three large companies, Union Carbide Europe, Union Carbide America and Union Carbide Eastern (Tombs, 2011). UCIL applied for a license in Bhopal for producing sevin pesticide and after one year the permission was granted and site construction started in Bhopal. In 1970 the population of Bhopal was approximately 300,000 (Tombs, 2011). UCIL again applied for new license and this time UCIL wanted license for MIC-based process. After several discussions and dialogues UCIL got the approval from Indian agencies and production of MIC and Sevin started in the plant in 1981 (Tombs, 2011).

Bhopal's total population was estimated to be 800,000 in 1984, with 200,000 people living near the UCIL chemical factory, particularly near the railway terminal and bus station (Eckerman, 2004).

On the morning of December 3, 1984, people of Bhopal had no idea what calamity was about to strike them and change their lives forever. People living near the factory must have only heard a faint siren, and the rest of the city was completely unaware of the deadly disaster. The siren was insignificant and had little bearing on preventing the city from being swamped in the mouth of a deadly disaster (Tombs, 2011).

The locals never knew that if any gas leak happened in the city what will be the evacuation plan as the city had no idea about the evacuation plan. The locals were never trained or primed for retorting to any gas leak as they were never told about the venomousness of the elements used by UCIL (Eckerman, 2004).

After the gas started leaking from the chemical plant, the extremely strenuous gases begin to blanket the area under the shield of white cloud (Tombs, 2011). Immediately after leakage of the gas, people began found difficulty in breathing, started dying on their beds because of respiratory paralysis.

Issues such as burning and watering eyes were also seen among the people (Eckerman, 2004). Everybody was seen coughing, collapsing and vomiting on the streets of Bhopal. People were seen running, lifting their children and running on the streets. People were continuously running in any direction of Bhopal just to run away from the catch hold of the poisonous gas (Agarwal, 2019). A resident Ganga Bai of 28 years of age started running with her 2-year-old daughter in her arms only in this hope that her daughter could survive but after covering a long patch of land Ganga Bai found that her daughter was no more and she falls prey to the venom of UCIL's chemical factory (Narain & Bhushan, 2014). The ones who were left behind were dead or permanently disabled.

The most difficult problem was that hospitals had no knowledge of the gas's composition. Hospitals did not have any information about the antidote or how to treat the gas properly. They were simply trying to treat people as best they could, and whatever treatments they thought could help people revive were being tried on the patients, but those combinations were not working on them. Death reports were reflecting that people were dying because of circulatory collapse, choking and pulmonary oedema.

The medical officer of UCIL was apprehended by Hamidia hospital, one of the largest hospitals in Bhopal, but he also misled the medical staff, claiming that

MIC leakage (methyl isocyanate) was not a poisonous gas but rather an irritant (Tombs, 2011). The medical officer also said that there was no specific antidote for MIC and people should just wash their eyes with water and water will remove the hazardous effects of the gas (Tombs, 2011). The picture was clear that the medical officer was also concealing facts, whether knowingly or unknowingly, and was simply confusing the hospital staff. In addition to MIC, the industrial plant emitted poisonous ammonia, hydrogen cyanide, mono-methylamine, carbon monoxide, phosgene, and nitrous oxide (Edwards, 2014).

There is also a possibility that the medical officer was ignorant of MIC but being part of the chemical plant, he was supposed to have complete information regarding the MIC and other gases leakage and as a responsibility, he must have also educated the locals and the employees regarding the same.

UCC and the Disaster

Union Carbide Corporation never imagined that an unprecedented and unanticipated disaster would occur in the Bhopal chemical plant and as a company, they were never prepared for any such crisis, so no evacuation plan or safety plan was ever developed to deal with any such crisis.

According to UCC, they were following the same safety procedure standards in every unit whether it was American operations, overseas operations, Brazilian operations or Indian operations. UCC claimed that they were using the best standard operating procedures and were handling Indian plant with the same measures as they were operating in Virginia (Tombs, 2011).

UCC was very assertive and wanted to exhibit that UCIL was the one accountable for all the problems. If there were management, maintenance and poor planning procedures and inadequate enforcement of safety regulations it was because of the cultural backwardness of India. UCC wanted to show that they were remote of all the problems, and that UCIL was the one that created problems in the Indian plant. UCC tried to shift all the accountabilities to Indians and India in specific. The accident was due to the sabotage by an Indian national, UCC said (Tombs, 2011).

UCIL in the year 1974 applied for a new license to produce 5,250 tons of sevin in Bhopal annually (Tombs, 2011). After certain negotiations with the Indian government permission was granted to UCIL for the same. UCIL had to increase its land area from 5 acres to more than 80 acres and earlier in 1967 the population of Bhopal was 300,000 which increased to 500,000 in 1975 (Tombs, 2011). UCIL knew that expansion of the land will challenge the Bhopal Development Plan of 1975 which clearly stated that “obnoxious industries” should be away from the city Centre, approximately 25 km away (Tombs, 2011).

UCIL was aware that any expansion of the land will challenge the orders of the commissioner and director of the town and country planning, which were crystal clear that industries should be kept away from the vicinity of the main city (Tombs, 2011). UCIL successfully lobbied Federal authorities and Madhya Pradesh

to override the Municipality, as UCIL was classified as “general industry” rather than “hazardous industry” in a 1976 review. With this permission, UCIL was allowed to have the new construction as well as the ongoing UCIL deeds (Fortun, 2001).

The moment the decision was taken in 1977/1978 UCC agreed that its equity will decrease from 60% to 50.9% (Tombs, 2011).

The new shares of UCIL were unconfined for acquisitions by investors who already had the shares with them, be the ones who were individuals or Indian Institutions. The construction of the plant took one year and after the completion of the plant MIC and pesticide, sevin was produced by the plant. This new expansion of the plant was a big decision. 50.9% of equity was still controlled by UCC in 1984 (Banerjee, 1986).

Since the Bhopal plant got permission for the production of MIC and Sevin, plant workers and Union of workers were concerned for the protection of the employees and health risks at the plant. Between 1981 and 1982, three serious leaks from the plant and the killing of one employee were registered in the record of the factory.

In 1982, the safety team of UCC went through the safety of the plant and monitored 61 hazards, out of sixty-one hazards, eleven hazards were in the MIC/phosgene unit (Bowonder, 1987). The safety team submitted the report and gave the recommendations for considering the plant but those recommendations were not implemented. Production in the plant continued without considering the safety measures.

In 1970 the Indian pesticide market was seen as very competitive and it was a cut-throat competition among companies. At the beginning of 1980, pesticide demand collapsed in India. In 1982 and 1983 due to the weather conditions, many farmers were forced to abandon the provisional usage of pesticide. There were many problems addressed by the plant where two units of Bhopal were forced to sign “Memorandum of Understanding” with UCIL where reductions were seen in the plant in terms of staffing, safety measures, under-qualified staff was kept and the ones who were less skilled for the operations of the plant. There was regular reduction in the staff and UCIL was continuously cutting on its expense. There were many problems in the working of the plant but they were overlooked by the organization. There were many defective parts in the plant which required serious maintenance and repair but all these aspects were not considered under the safety measure of the plant.

After the new structure was designed in the Bhopal unit, production of the MIC increased. The new structure had got the approval of two tanks and each tank had the capacity of keeping 1500 gallon and both these tanks were interconnected with each other. As per the safety procedure manual of the plant, these tanks were advised to be kept half full and for the security of the plant, these tanks were supposed to be kept with very less amount of MIC. Another major concern was that plant was keeping less staff and had reduced staff from 13 to 6. It was mentioned in the manual that the temperature of the tank was

supposed to be kept below 15 degrees Celsius and preferably at zero degrees (Tombs, 2011).

On the 2nd and 3rd of December 1984, there were inconsistencies in the plant. The plant's operation and condition were not in accordance with the plant's safety procedure manual and standard operating procedures. The first tank, E-610, was not half empty, but was full with 42 tons of MIC, the second tank, E-611, held 20 tons of MIC, and the third tank, E-619, held one tons of MIC. The three tanks and transfer systems were all compromised, with extensive rust and deterioration.

Transferring from Tank E-60's was difficult because it was done externally with low nitrogen pressure and the tank had a faulty valve. Because the process in the tank was done externally, impurities could easily enter the tank and there was room for hazardous exothermic chemical reactions.

The tank had content in it since October 26th, which was the date of the last batch of MIC. According to the operators, the MIC tank gauge was faulty for about a week (Tombs, 2011). There was a huge default in the meters as they were not working properly and it was strongly mentioned in the operating procedure manual that the reading of the tank temperature had to be taken every two hours but with time the observations had been changed from every two hours to every eight hours.

The tank's temperature was not being cooled, and the internal temperature was 20 degrees Celsius. It was discovered that the amount of MIC kept in the tank violated all safety standards and violated all of the plant's safety norms. The reason for the plant's high temperature was that the last batch of MIC had been produced and stored in the plant since October 26th. The factory's safety system was turned off on the orders of the Works Manager, as the factory was no longer in operation. He claimed that no accident could ever happen in the factory, which was no longer operational (Diamond, 1985). The refrigeration of the MIC tanks was also shut down to save the cost of the plant (Chatterjee, 2012).

“There were total negligence and lack of safety consciousness among workers and managers. The moral of the employees was low because the plant was losing money and being considered for divestment” (Broughton, 2005).

On the night of December 2, 1984, between 7–8 p.m., a relatively new and under-trained worker was assigned an additional task that day that was usually seen by the maintenance department; previously, this man was in charge of removing MIC from the tanks and shifting MIC to the carbaryl reactor. He was in charge of removing chemicals from the pipes using water, but there was still one tank of MIC attached to the pipe. He omitted one critical step before watering the pipes, which was to seal all of the pipes with metal pipes to prevent water from mixing with MIC. The supervisor and the operator left, the moment the night team arrived.

The night team was also unable to remove water from the tank, and people were unaware that water was entering the MIC through unobstructed slips. Water had been running continuously for more than four hours. Because the valves were

already faulty and water entered the pipes, exothermic reactions began in the tank, resulting in the release of the gas. UCC investigates the incident and concludes that water was deliberately added to the MIC tank. Workers reported a strong odor but were unable to pinpoint the source (Tombs, 2011). As the alarms of the factory had not worked for 4 years so the locals had no information of the incident happening in the factory. It was clear that lack of spare parts, inadequate SOP's, badly designed and maintained equipment and untrained staff all contributed to the incident (Bhopal, industrial genocide... 1985).

Two major factors that contributed to the incident was first the jumper line through which water entered inside the MIC tank and ad hoc modifications to the plant design. The biggest problem was the unpreparedness or lack of preparedness for such a massive disaster. UCC claimed that this disaster happened because of UCIL as it was UCIL's deficiencies for the faulty working of the factory and the discrepancies of the factory, the Indian government, its workers and the saboteur (Banerjee, 1986).

Discussion

An important question that fondled regarding UCC was that was MIC/Sevin was more safely produced in MIC/Sevin plant at Institute, West Virginia or Bhopal Plant, India. As per the comparison that took place in West Virginia and Bhopal plant, plant design and safety measures were way stronger in the West Virginia plant rather than the Bhopal plant. So, it could be said that the safety of Indian and Indian was taken into less consideration in comparison with America and Americans. *“Planning and controlling of factory operations, fixing of working hours and laying down of the working programme, promotion of personnel, selection, transfer, distribution, placement, expansion of production facilities, the introduction of new or improved production methods, evaluation and classification of jobs and establishment of production standards, maintenance of discipline in the factory in the factory ¼ are exclusive rights and responsibilities of the Management”* (SAM & APPEN, 1986).

Sabotage Theory of UCC

UCC used sabotage theory for its Defence and elucidated that the employee which was deputed for checking the temperature of the plant and responsible for cleaning the pipe purposely allowed the water to get into the tank by not following the safety procedures and his intentions was to spoil the batch of the chemicals (Edwards, 2014).

The employee had no idea regarding this step of his which ultimately resulted in the disaster. UCC for justifying itself was coming up with a different set of theories. In the first explanation, it said that the careless attitude of the employees and workers was a major reason behind the incidence (Bergman, 1988).

Then UCC gave the sabotage theory for defending itself. Warren Anderson of UCC had to take back the sabotage theory in the congressional hearings as UCC was unable to prove their theory with proves (Edwards, 2014).

Conclusions

After several studies on the Bhopal plant, it was also clear that even if the plant would have been in better working conditions production of MIC would have been extremely hazardous. In December 1986, UCC sold its worldwide Agricultural Products business to the French chemical and pharmaceuticals company, Rhone Poulenc, for \$585 million. Union Carbide became a wholly-owned subsidiary of The Dow Chemical Company (Banerjee, 1986).

In the entire scenario, there was no clear picture between UCC and UCIL, only a blame game was happening between both the companies. If we look at the sociological factors then we can clearly understand that UCC was responsible for the Bhopal disaster (Bergman, 1988).

UCC gave several theories but none was proved and UCC never came up with a strong PR campaign for fixing their international image. UCC was running from its responsibilities for the Bhopal disaster and was just advocating for being guiltless of the incident. There were a lot of factors that were responsible for the Bhopal disaster (Amnesty International, 2004).

UCC had a very strong slogan, “safety at any cost” which at all not matched the international image of UCC. Warren Anderson, CEO, UCC never attended any of the court trials in India and always remained absconded from the hearings, none of the American employees was involved in the Indian trials and the entire responsibility came on the UCIL employees and all the Indian staffers who were present in the factory were held responsible for the Bhopal disaster. After so many years of the incident still, the families who suffered the loss of lives and fall prey to the disaster are still running for their compensations and settlement. UCC paid 250 million for the compensation but only a part of it was paid to the victims. If UCC would have had better management and better PR campaign it would have certainly contributed in better international image and would have built the trust of the people. UCC would have managed this image and industrial crisis with better *modus operandi*.

References

Abraham, M. (1984). *The Lessons of Bhopal: A Community Action Resource Manual on Hazardous Technologies*. Penang, Malaysia: International Organization of Consumers Unions, Regional Office for Asia and the Pacific.

Agarwal, A. (2019). *35 years of Bhopal Gas Tragedy: Anil Agarwal on what happened that fateful night*. Retrieved from <https://www.downtoearth.org.in/news/environment/35-years-of-bhopal-gas-tragedy-anil-agarwal-on-what-happened-that-fateful-night-68232>

Banerjee, B.N. (1986). *Bhopal gas tragedy: accident or experiment*. New Delhi: Paribus Publishers and Distributors.

- Bergman, D. (1988). The sabotage theory and the legal strategy of Union Carbide. *New Law Journal*, 138.
- Bhopal, industrial genocide?: a unique compilation of documents from Indian publications.* (1985). Hong kong: ARENA Press.
- Bowonder, B. (1987). An analysis of the Bhopal accident. *Project Appraisal*, 2(3), 157–168. <https://doi.org/10.1080/02688867.1987.9726622>
- Broughton, E. (2005). The Bhopal disaster and its aftermath: a review. *Environmental health*, 4(6). <https://doi.org/10.1186/1476-069X-4-6>
- Chatterjee, P. (2012). *WikiLeaks' Stratfor dump lifts lid on intelligence-industrial complex*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/>
- Diamond, S. (1985). *The Bhopal Disaster: How it happened*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/>
- Eckerman, I. (2004). *The Bhopal Saga — Causes and Consequences of the World's Largest Industrial Disaster*. Bhopal, Madhya Pradesh, India: Universities Press. <https://doi.org/10.13140/2.1.3457.5364>
- Edwards, T. (2014). Criminal Failure and “The Chilling Effect”: A Short History of the Bhopal Criminal Prosecutions. *Social Justice*, 41(1/2), 53–79.
- Fortun, K. (2001). *Advocacy alter Bhopal: Environmentalism, Disaster, New Global Orders*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- ICJB. (n.d.). *1969–1979: Union Carbide Enters Bhopal*. Retrieved from <https://www.bhopal.net/>
- Amnesty International. (2004). *Clouds of Injustice: Bhopal Disaster 20 Years On*. Amnesty International Publ.
- Lewis, S. (2007). *The Bhopal Chemical Disaster: Twenty Years Without Justice*. Retrieved from <https://archive.org/details/SanfordLewisTwentyYearsWithoutJusticeTheBhopalChemicalDisaster>
- Narain, S., Bhushan, C. (2014). 30 years of Bhopal gas tragedy: a continuing disaster. Retrieved from <https://www.downtoearth.org.in/coverage/environment/30-years-of-bhopal-gas-tragedy-a-continuing-disaster-47634>
- Sachdeva, I. (2009). *Public Relations: Principles and Practices*. Oxford Higher Education.
- Sahabat Alam Malaysia (SAM) & Asia-Pacific's People's Environment Network (APPEN). (1986). *The Bhopal Tragedy — One Year After*. Penang, Malaysia: SAM.
- Tombs, F.P. (2011). *Flowers at the altar of profit and power: The continuing disaster at Bhopal*. Retrieved from <https://www.crimetalk.org.uk/>

Bio notes:

Keshav Patel, Academic Counsellor, Indira Gandhi National Open University, ORCID ID: 0000-0001-9072-291X; e-mail: keyshavpatel@gmail.com

Himani Binjola, Assistant Professor, Department of Media & Mass Communication, Graphic Era Hill University, ORCID ID: 0000-0002-6903-7632; e-mail: binjola.himani@gmail.com

Сведения об авторах:

Патель Кешав, академический советник, Национальный открытый университет Индиры Ганди, ORCID ID: 0000-0001-9072-291X; e-mail: keyshavpatel@gmail.com

Бинжоло Химани, доцент кафедры средств массовой информации и массовых коммуникаций Университета График Эра Хилл. ORCID ID: 0000-0002-6903-7632; e-mail: binjola.himani@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-447-451

УДК 82.01

Рецензия на книгу:
Голубков М.М. Зачем нужна русская литература?
Из записок университетского словесника.
М.: Прометей, 2021. 344 с.

Б.В. Соколов

*Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI),
Российская Федерация, 107207, Москва, Чусовская ул., 11, корп. 7*

✉ bvsokolov@yandex.ru

История статьи: поступила в редакцию — 1 мая 2022 г.; откорректирована — 20 мая 2022 г.; принята к публикации — 3 июня 2022 г.

Для цитирования: *Соколов Б.В.* Рецензия на книгу: Голубков М.М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021. 344 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 447–451. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-447-451>

Book Review: Golubkov, M.M. (2021).
What's the Sense of the Russian Literature?
From the Notes of the University Philologist.
Moscow: Prometheus. 344 p. (In Russ.)

Boris V. Sokolov

*Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI),
11 Chusovskaya St, 37 office, 7 bldg, Moscow, 107207, Russian Federation*

✉ bvsokolov@yandex.ru

Article history: submitted: May 1, 2022; revised: May 20, 2022; accepted: June 3, 2022.

For citation: Sokolov, B.V. (2022). Book Review: Golubkov, M.M. (2021). What's the sense of the Russian literature? From the notes of the University philologist. Moscow: Prometheus. 344 p. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 447–451. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-447-451>

В книге доктора филологических наук М.М. Голубкова сделана попытка осмыслить пути развития литературы в XX–XXI веках. Перед нами сборник статей, объединенных стремлением выделить те особенности, которые определяли особенности ее развития за последние сто лет. Но сам автор не склонен сводить свою книгу к сборнику статей, поскольку «статьи пишутся на случай», а содержание книги скорее составляют «записки, посвященные одному кругу мыслей, которые занимали и занимают автора» (С. 341). Голубков считает, что «литература создала столь притягательный образ советского мира, что он стал национальной идеей огромной страны, мировой державы на протяжении нескольких десятилетий. Образ мира, созданного советской литературой, формировал идеал жизни, приближение к которому обусловило исторические цели нескольких советских поколений. И хотя этот идеал так и не был достигнут, он обладает несомненной ценностью, и можно ли от него с пренебрежением отвернуться нынешнему поколению, которое не смогло выработать для себя и своих детей не то чтобы идеал, но хоть сколько-нибудь внятную историческую перспективу, которая не была бы связана с курсом иностранной валюты и ценой на нефть?» (С. 19). С этим тезисом можно согласиться, но с одной существенной оговоркой. «Прекрасный советский мир» изображала главным образом массовая литература, писатели второго и третьего ряда, тогда как у классиков соцреализма вроде Михаила Шолохова и Максима Горького очень трудно найти привлекательный социалистический идеал.

Можно согласиться с критикой автором нынешней системы школьного образования в сфере словесности, ориентированной на ЕГЭ и написание из-

ложений. Она действительно проигрывает классической системе с устными экзаменами и написанием сочинений. Современная система губит творческое мышление учеников и приучает их к зазубриванию правильных ответов на вопросы ЕГЭ, а тексты, задаваемые школьникам для изложений, отличаются примитивностью и банальностью. Голубков приводит немало примеров перлов из текстов, которые предлагаются школьникам для написания изложений, причем иногда трудно отличить, где тексты, предназначенные для второклассников, а где — для девятиклассников (С. 23).

Одна из основных тем, проходящих сквозь всю книгу Голубкова, — это тема взаимоотношений литературы и власти. В советское время власть уделяла литературе чрезвычайно большое внимание, видя в ней одно из основных орудий воспитания масс в соответствии с коммунистической идеологией. Это приносило лояльным писателям как определенные материальные блага, так и общественный интерес к их творчеству. Обратной стороной было наличие жесткой идеологической и эстетической цензуры. В то же время более свободные в творческом отношении писатели-диссиденты, хотя и не получали комфортных условий существования, сравнимых с условиями официально признанных классиков социалистического реализма, тоже могли рассчитывать на внимание и признание со стороны значительной части общества, хотя платить за это порой приходилось лагерями или вынужденной эмиграцией. В постсоветской России ситуация изменилась принципиально. Власть, не имеющая внятной государственной идеологии, перестала поддерживать литературу, предоставив ей самостоятельно выживать в рыночной стихии, что для большинства литераторов, привыкших к существованию в относительно комфортных советских условиях, означало вынужденный уход из профессии. Голубков сетует на то, что сегодня в России «произошла утрата прежнего статуса писателя, а он был чрезвычайно высок! <...> Увы, ныне писатель из учителя жизни, из зрячего посоха превратился в фигуру почти частную, зависимую от премий и от литературной фортуны, от внимания ветреной читательской аудитории, склонной как возносить, так и быстро забывать». (С. 103) Такому положению российских писателей способствует «резкое, почти катастрофическое сужение читательской аудитории» (С. 104). Следует отметить, что в России, действительно, этот процесс имеет более катастрофический характер, чем в большинстве европейских стран. На мой взгляд, Голубков справедливо связывает его с атомизацией российского общества.

Автора книги интересует проблема писательской репутации, полагая, что в первую очередь ее формируют «художественные произведения и их идеологическая направленность», а также биография (С. 219). На примере репутаций Горького и Солженицына он приходит к выводу о том, что различие их репутаций проистекает из различного отношения к революции. «Солженицын в принципе не принимает революцию как форму преобразования жизни. Революционная борьба для него — покушение на естественное, органичное мироустройство, покушение на эволюцию как единственно воз-

можную и благую форму». А «буревестник революции» не может принять то, что для Солженицына очевидно. Горький «не может понять провокации как формы философии революционного дела: революция для него светла и свята, мыслится как наилучшая форма преобразования жизни» (С. 211).

Обращаясь к творческой репутации писателей военной темы, Константина Симонова, Василия Гроссмана и Юрия Бондарева, Голубков отмечает, что репутация Гроссмана и его романа «Жизнь и судьба» и репутация Симонова с трилогией «Живые и мертвые» сильно отличаются друг от друга, что обусловлено «не столько художественными достоинствами (нам кажется, что они (у „Жизни и судьбы“ — Б.С.) не выше, чем у эпопеи Симонова), но внешними обстоятельствами, предопределившими судьбу романа: его конфискация КГБ („арест“ романа), вызов автора на ковер к Сулову, требование сохранить все в тайне и фактически признать, что никакого романа и не было» (С. 221–222).

Обращаясь к творчеству одного из своих любимых современных писателей Юрия Полякова, Голубков приходит к заключению о том, что «Поляков не оказывается лишь сатириком, хотя сатира его остра», так как «за внешним сатирическим планом всегда скрывается нечто большее», а именно, общечеловеческий аспект, который выражается темами любви и творчества, наполняющими жизнь смыслом (С. 318–319).

Голубков полагает, что сцену из «Живых и мертвых», когда Синцов, «вооруженный лишь пулеметом, сидя на водонапорной башне (на самом деле — на элеваторной башне. — Б.С.) и чудом уцелев после обстрела из пушки... стреляет в немецкого танкиста, вставшего в полный рост через открытый люк с биноклем у глаз», Симонов не мог придумать... он мог быть лишь ее свидетелем или участником» (С. 221). И действительно, писатель не придумал эту сцену. Только он не был ее свидетелем, а почерпнул соответствующую информацию из трофейного немецкого документа, причем описывающего отнюдь не события 1941 года, а германское наступление на Курской дуге в июле 1943 года. В отчете германской 19-й танковой дивизии указывалось, что в ночь на 10 июля в ходе «ночного наступления было уничтожено около 12 дзотов противника вместе с гарнизонами, при этом было взято очень мало пленных, так как еще не был погашен наш счет противнику за предыдущие дни, когда от пули русского офицера погиб командир 73 гр<енадерского> м<отопехотного> п<олка>» (2, 353). Этот эпизод отражен в «Живых и мертвых» дважды. Во-первых, дается близкое к документу описание как бы с немецкой стороны: «Может быть, в другом случае немцы и взяли бы пленных, но чья-то случайная или, наоборот, на редкость хладнокровная пуля напавал уложила наблюдавшего побоище с башни своего танка командира танкового полка СС, и немцы беспощадно рассчитывались за эту неожиданность» (1, 195). Во-вторых, изображен поединок политрука Синцова с танком: «На башне танка открылся люк, и в нем появился немец. Наверно, хотел получше присмотреться к обстановке. Синцов дал очередь — танкист исчез, люк захлопнулся, а еще через минуту снаряд уда-

рил рядом с амбразурой» (1, 344). Здесь Симонов реконструировал, как в действительности могла произойти гибель командира немецкого полка.

Книга Голубкова, несомненно, будет полезна при преподавании в вузах истории русской литературы XX–XXI веков.

Библиографический список

Симонов К.М. Живые и мертвые. Кн. 1: Живые и мертвые. М.: Художествен. лит-ра, 1989. 479 с.

Соколов Б.В. Разведка. Тайны Второй мировой войны. М.: АСТ-Пресс, 2001. 368 с.

References

Simonov, K.M. (1989). *The Living and the Dead* (Vol. 1). Moscow: Khudozhestv. Lit-ra. 479 p.

Sokolov, B.V. (2001). *The Intelligence. Secrets of the Second World War*. Moscow: AST-Press. 368 p.

Сведения об авторе:

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). ORCID ID: 0000-0001-8147-4918; e-mail: bvsokolov@yandex.ru

Bio note:

Boris V. Sokolov, Dr. Hab. in Philology, PhD in History, Senior Researcher of Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI). ORCID ID: 0000-0001-8147-4918; e-mail: bvsokolov@yandex.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
